КНИГА 1

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

исторический роман

M. KARATEEFF

LA VOLUNTAD DEL GRAN KHAN

Novela histórica de la época de las invasiones mongólicas

(Siglo XIV)

VOLUMEN

I

BUENOS AIRES

1973

SEGUNDA EDICION

Imprenta "DORREGO"
Dorrego 1102, Buenos Aires, Argentina

М. КАРАТЕЕВ

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман из жизни русских удельных
княжеств в период татарского владычества
(Первая половина 14 столетия)

Том 1.

БУЭНОС АЙРЕС
1973

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,

переработанное и дополненное автором.

Обложка и иллюстрации художника К. Н. Гедда.
Карты и таблицы работы В. Н. Николаева.
Типография «Доррего».

Адрес автора:

Dr. Karatchewsky-Karateeff

(Михаил Дмитриевич)

Balneario Las Toscas, D-to Canelones

R. O. del Uruguay

ОТ АВТОРА

Пятнадцать лет тому назад "Ярлык великого хана" вышел в свет первым изданием. Это был мой литературный первенец, рождавшийся при полном отсутствии опыта или, хотя бы, какого-либо авторитетного совета. Писателем я себя еще не чувствовал, в среде признанных литераторов и в издательском мире никаких связей не имел; как примут читатели эту книгу — для меня тоже было полной загадкой, а потому неудивительно, что при ее издании были допущены досадные ошибки и просчеты.

Прежде всего, — как я понял позже, — книга не была должным образом подготовлена к печати: в ней нашлись недостаточно четко разработанные исторические положения, а также многочисленные литературные шероховатости, выразившиеся в неровностях языка, анахронизмах, натянутости некоторых диалогов и т. п. Все такие погрешности, замеченные мною, исправлены в этом втором, несколько расширенном издании, к выпуску которого побуждала меня и другая причина: тираж первого издания оказался недостаточным, оно разошлось в короткий срок, книга вскоре стала библиографической редкостью, а спрос на нее велик.

Это второе и долгожданное издание удалось осуществить лишь теперь, благодаря отзывчивости нескольких далеко не богатых русских людей, любящих родную литературу и нашедших, что "Ярлык великого хана" заслуживает право на продолжение жизни. За эту неоценимую помощь приношу мою глубокую благодарность Галине Львовне Котлярской, владыке Сера-

фиму — архиепископу Чикагскому и Детройтскому, отцу Антонию Дудкину, Б. С. Усанову и членам его семьи, Н. М. Кованько, Е. А. Суслиной, барону В. В. Местмахеру-Будде, а также художнику Константину Николаевичу Гедда, украсившему это издание великолепными иллюстрациями.

По ограниченности финансовых возможностей, эта книга выходит в двух томах: второй будет издан как только соберется достаточно денежных поступлений от продажи первого.

Уругвай, 1973 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Издавая настоящую книгу, я не льщу себя надеждой обогатить ею русскую художественную литературу, ибо нисколько не преувеличиваю своей ценности, как писателя.

Я ставлю себе иную цель: ознакомить читателя с историей нескольких второстепенных русских княжеств эпохи удельного раздробления Руси, а также по-возможности правильно осветить некоторые спорные исторические факты, вольно или невольно искаженные нашими летописцами, либо неверно истолкованные их комментаторами.

История княжеств, которых я здесь касаюсь, до сих пор совершенно не освещена ни в художественной, ни в научно-исторической литературе общедоступного характера. Средне-образованный русский читатель, без сомнения, больше знает, например, о герцогстве Бургундском или Голштинском, чем о княжестве Муромском или Пронском, которые в лучшем случае известны ему лишь по названиям. А вместе с тем земли, входившие в состав этих княжеств, лежат в самом сердце Российского Государства. Много ли сегодня найдется уроженцев Орловской области, которые знают, что они родились на территории бывшего княжества Карачевского?

Еще того менее известна читающей публике история среднеазиатских государств и татарских улусов, позже вошедших в состав Российской Империи. Если рядовой читатель знает что-то о Золотой Орде и помнит имена нескольких её ханов, сыгравших особенно заметную роль в русской истории, то о Белой Орде он едва ли что-нибудь слышал, т. к. она не находилась в тесном соприкосновении с Русью, а потому наши летописцы и историки о ней почти не упоминают.

Эти досадные пробелы нашей популярно-исторической литературы я и хочу, по мере своих сил и познаний, пополнить как настоящей книгой, так и следующей, над которой сейчас работаю. Не знаю, правда, удастся ли ей когда-нибудь увидеть свет? Это будет зависеть главным образом от того, как читатель примет первую мою книгу, издание которой явилось для меня весьма нелегким делом.

Для изложения собранных мною материалов, я избрал форму исторического романа, во-первых, для более легкой их усвояемости, а во-вторых, потому, что для серьезного исторического труда они нуждались бы в особой доработке и пополнениях, которые крайне затруднительны в условиях эмиграции.

В основу моей фабулы положены архивные материалы и устные преданья двух семей, ведущих свое начало от действующих лиц этого романа. Было бы непростительно обречь их на забвение, ибо в них заключается несомненная историческая ценность: они проливают некоторый свет на одну из весьма туманных страниц нашей отечественной истории и для исследователя, работающего в более благоприятных условиях, чем я, могут послужить отправной точкой для дальнейших изысканий.

Кроме того, мой сюжет значительно пополнен довольно редкими и мало кому известными историческими сведеньями общего характера, которые я много лет собирал по крупице, как в русской, так и в иностранной летописной и научно-исторической литературе.

Все без исключения князья и ханы, а также некоторые другие действующие лица этой книги, существовали в действительной жизни и выведены здесь под сво-

ими подлинными именами. Их взаимоотношения освещены исторически верно, хронология событий выдержана точно, а сами события, — если отбросить мелочи, введенные для чисто литературного оформления, — все имели место в действительности. Таким образом, домыслом здесь являются только детали развития романтической фабулы, которым я тоже постарался придать возможную историческую правдоподобность. Насколько же правильно мне удалось изобразить бытовую сторону эпохи, предоставляю судить читателю. Тут я сделал всё, что было в моих скромных силах и в пределах моих собственных представлений.

Строгие ревнители литературных традиций вероятно упрекнут меня в том, что из первой половины четырнадцатого века, в которой развивается действие моего романа, я местами ухожу в прошлое и в будущее. Понимаю, что было бы лучше этого избежать и не разбрасываться, к тому же, материалом, могущим пригодиться для других книг. Но именно полная неуверенность в том, что мне удастся их издать, если даже они и будут написаны, заставляла меня иной раз выходить из рамок эпохи. Впрочем, эти вводные материалы сами по себе настолько интересны, что читатель, надеюсь, не посетует на меня за их включение.

Конечно, далеко не достаточно одних интересных материалов и увлекательной фабулы, для того, чтобы произведение стало полноценным и критика, вероятно, не обнаружит в моем романе особых литературных достоинств, а недостатков найдет немало. Я их и сам сознаю, но всё же думаю, что книга моя будет полезной. Я написал её, быть может, без достаточного художественного мастерства, но с любовью к нашему русскому прошлому и, мне кажется, с правильным его пониманием.

Уругвай, 1958 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНЯЖИЧ ВАСИЛИЙ

ГЛАВА 1

В хоромах Пантелеймона Мстиславича, великого князя земли Карачевской, царят растерянность и уныние.

В просторной, но низкой горнице, смежной с опочивальней князя, жарко и душно. Сквозь слюду невысоких окон, заходящее июльское солнце льет рассеянный свет на стоящие у стен разные дубовые лари и червонит бороды троих бояр, понуро сидящих на скамье, у двери в опочивальню.

Воевода Семен Никитич Алтухов, — средних лет дородный мужчина, с белесым от времени шрамом, пе-

ресекающим левую щеку, — ходит из угла в угол по домотканному ковру, застилающему весь пол горницы. Из открытых дверей крестовой палаты[1]) доносится тихий, временами усиливающийся женский плач.

Тому не минуло и часа, как с брянских рубежей прискакал вестник с худыми вестями. Выслушав его, престарелый князь Пантелеймон Мстиславич сильно разволновался, открыл было рот, чтобы отдать нужные распоряжения, но голос у него перехватило и качнувшись он повалился на пол, средь горницы, где стоял. Лицо его побагровело, глаза ушли под лоб, из горла вырывался протяжный, мучительный хрип. Перепуганные бояре и слуги, подняв, перенесли его в опочивальню и постельничий Тишка кинулся искать знахаря-ведуна Ипата, который на все княжество славился умением заговаривать кровь и врачевать болезни. На счастье Ипат оказался дома и пришел тотчас. Вот уже с полчаса он находился в опочивальне князя, удалив оттуда всех кроме помогавшего ему Тишки.

— Экую беду послал Господь, — негромко промолвил тучный боярин Опухтин, сидевший ближе всех к двери. — Не выдюжит князь. Однова уже было ему такое, годов тому пять, после блинов. И тогда еле выходили. Ну, а ноне стар стал и немочен, эдакую хворь не пересилит...

— Не каркай, боярин, — приостанавливаясь сказал воевода Алтухов, — князь наш крепок еще, а Бог милостив... Ну, что, Тишка? — быстро обратился он к постельничему, который показался в эту минуту на пороге опочивальни.

— Ипат князю жилу отворил, почитай с полковша крови выпустил, — вполголоса поведал Тишка, прикрывая за собой дверь, — а в сей час над тем ковшом чего-сь нашептывает и коренья туды крошит.

— Ну, а князь как?

— Князь батюшка враз хрипеть перестал, очьми водит и видать, чего-сь молвить хочет, да голосу нет. А как дальше будет, баит Ипат, — на то воля Божья.

---

[1]) Крестовая палата — домовая церковь.

— За попом бы послать, — крестя длинную седую бороду промолвил сидевший поодаль боярин Тютин.

— Отец Аверкий туто уже, в крестовой палате, с княжной да с Аришей о здравии князя молятся, — отозвался боярин Шестак. — А за княжичем послано-ль?

— Оно-то послано, да где его теперь сыщешь? Почитай, с утра поскакал со своим Никишкой лисиц травить.

— То всем ведомо, каких лисиц он травит, — зло ухмыльнулся в рыжую бороду боярин Шестак. — По всему Карачеву лисенята с его обличьем бегают!

— Ты помолчал бы, боярин, — не глядя на него хмуро промолвил Алтухов, — а то сам знаешь, какой у княжича с вами разговор. За то и плетёте на него нивесть что.

— Да я что? Знамо дело, молодость. Кто в таких годах Богу не грешен? Я это токмо к тому, что ежели надобно Василея Пателеича борзо сыскать, так послали бы кого в Заречную слободу, до Кашаевой усадьбы...

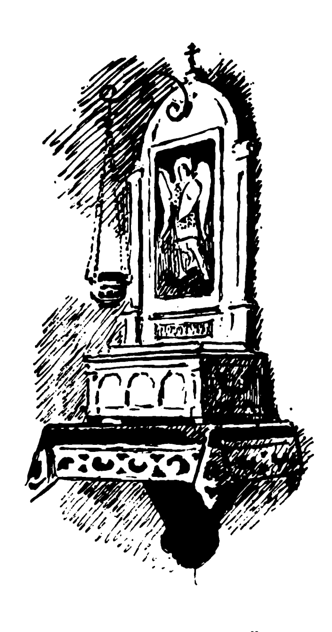
В этот момент входная дверь с шумом распахнулась и в горницу стремительно вошел высокий и ладный молодец в охотничьих сапогах и в сером, расшитом черными шнурами кафтане. На тонком, серебряном поясе его, спереди висел небольшой, богато изукрашенный черкасский кинжал. От всей фигуры вошедшего веяло силой и удалью. Красивое лицо его, обрамленное темно-каштановой бородкой было бледно и взволнованно.

— Что с батюшкой? Сказывайте! — быстро спросил он, большими карими глазами окидывая присутствующих, которые не торопясь встали при его появлении и степенно склонили головы в поклонах.

— Плох князь Пантелей Мстиславич, — ответил воевода Алтухов, — видать, причинился ему мозговой удар. Но приспел Ипат и кровь ему пустил немедля. Бог милостив, авось обойдется.

— С чего ж то родителю содеялось?

— Гонец с худыми вестями прибыл. Опять люди брянского князя Глеба Святославича наши сёла пожгли

и полòн угнали. Ну, услыхавши такое, князь-то и растревожился.

— А где тот вестник?

— Во дворе дожидается, княжич. Ничего родитель твой и приказать не успел.

— Дòбро, Семен Никитич, пришлешь его ко мне сей же час, — распорядился княжич Василий, открывая дверь в опочивальню.

Войдя он увидел грузное тело отца, лежащее под образами, на широкой лавке, покрытой узорчатыми коврами. В центре божницы, перед большим, потемневшим от времени образом архангела Михаила, — драгоценнейшей реликвией, которую карачевские князья унаследовали от славного предка своего, святого Михаила, великого князя Черниговского, — теплилась лампада из венецианского стекла, оправленная золотом. Немигающий свет её слабо освещал седую бороду князя и бледное лицо его с широко открытыми глазами, смотревшими теперь прямо на сына.

— Батюшка, что это с тобой приключилось? — участливо спросил Василий, опускаясь перед ливкой на колени и прижимаясь губами к безжизненно свесившейся руке отца.

Лицо больного исказилось жалкой гримасой. Видно было, что он силится что-то сказать, но голос ему не повиновался и с губ, как бы с трудом отлипая от них, сползали в тишину комнаты лишь тягучие, ничего, кроме страдания, не выражающие звуки.

— Не труди себя, княже, — промолвил приближаясь к постели Ипат, которого Василий сразу и не приметил. — Хвала Господу, смерть стороною прошла. Те-

перь токмо дай себе роздых да покой и не печалуйся: невдолге говорить будешь лучше прежнего.

Василий при этих словах быстро поднял голову и глянул на знахаря.

— Истину рёк? Жив будет батюшка?

— Господь велик! Не один годок поживет еще наш пресветлый князь, родитель твой. Во-время меня отыскал ваш слуга.

Лицо Василия осветилось радостью. Поднявшись на ноги, он сунул руку в карман кафтана, но там оказалось лишь несколько мелких серебряных монет. Оглянувшись по сторонам, он взял стоящий на подоконнике серебряный кубок, покрытый узорчатой резьбой, всыпал в него деньги и протянул знахарю.

— Ну, спаси тебя Бог, Ипат. А я навеки должник твой за батюшку! — с чувством промолвил он.

— Благодарствую, княжич. Рад служить славному роду вашему.

Василий снова взглянул на отца. Лицо его приняло теперь более спокойное выражение, но все же глаза, казалось, настойчиво требовали чего-то.

— Почивай, батюшка, набирайся сил, — сказал Василий, — а я сей же час велю отцу Аверкию во здравие твое молебен отслужить, да сам допрошу давешнего вестника. И не мешкая поведу отряд по следам тех окаянных брянцев. Коли не успели они уйти за Десну, даст Бог, отобью наших людишек. А ежели с тем припоздаю, — перейду ночью реку и глебкиных смердов в полон угоню!

При этих словах лицо старика выразило полное удовлетворение. Казалось, именно это он и желал сказать сыну. Он закрыл глаза и задышал ровнее. Перекрестившись на лик Архангела и кивнув Ипату, Василий на цыпочках вышел из опочивальни и тихонько прикрыл за собою дверь. В передней горнице теперь еще прибавилось народа.

— Слава Христу, лучше родителю, — ответил он на обращенные к нему со всех сторон вопросительные взг-

ляды. — Ипат говорит, жив и здоров будет. Пусть протопоп во здравие князя немедля молебен готовит. А ты, Семен Никитич, — обратился он к воеводе, — давай мне вестника.

— Тут-ка он, княжич, давно тебя дожидает.

От стены отделился и отвесил Василию земной поклон невысокий, но крепко сбитый крестьянский парень в лаптях, холщевых портах и изорванной в клочья рубахе. В русых курчавых волосах его запеклась кровь, на щеке виднелся припухший багровый рубец.

— Сказывай! — окинув его взглядом приказал княжич.

— С села Клинкова мы, что по тую сторону Ревны, поприщ[1]) сорок отселя будет, — начал парень. — Ну, вот, вышли мы утресь на косовицу, а они, значит, брянцы-то из лесу-то и налети! И давай, значит, нас имать и вязать! Мужиков и баб, всех повязали. Ну, койкто всё же утёк. Налетели они, стало быть, опосля на село, а там уже людишки упреждены были, — все в лес схоронились, одни старики пооставались. Ну, со зла они возьми да и подпали село...

— Погоди, — прервал его Василий. — Сколько же их было, брянцев-то?

— Да, почитай, сотни две конных.

— А вёл их кто, тебе ведомо?

— Ведомо, пресветлый княжич! Вёл их самолично дружок княжий, воевода Голофеев.

— Ну, дöбро, дальше сказывай!

— Ну, погнали нас, значит, в лес. По пути высмотрел я местечко и стрибанул было в заросли, но только достал меня один вой[2]) плетью по рылу и привязал ремнём к своему седлу. Чуток не доходя Ревны, загнали нас всех на полянку, тут оставил воевода четырех караульных, а всё прочее воинство повёл грабить село Бугры, что оттель поприщ с пяток. Ну, а караульные наши всему полону велели сесть в кучу посредь

[1]) Поприще — верста. В старину она была несколько длиннее нынешней.

[2]) Вой — воин, ратник.

поляны, коней своих, всех вместе, привязали к дереву, а сами сели в холодке закусывать и брагу пить. Ну, а я, значит, до одного из коней остался пристромленный. Только помалу я свои путы о стремя перетёр, у трех коней неприметно отпустил подпруги, а четвертого, какой получше, отвязал, сиганул на него да и махнул в лес! Караульные крик подняли, но только покеда они коней своих заседлали, я уже далече утёк. Лес энтот я знаю как свой двор, меня в ём не словишь! Ну и пригнал, значит, сюды...

— Молодец, парень! Как звать-то тебя?

— Лаврушкой звать, пресветлый княжич.

—Добро, Лаврушка, ступай отдохни. Иванец, — обратился княжич к одному из слуг, — отведи парня в людскую, прикажи там его накормить и напоить, да выдать ему новые порты и рубаху!

Однако Лаврушка уходить не спешил и переминаясь с ноги на ногу просительно посматривал на княжича.

— Ну, чего еще хочешь? — приветливо спросил Василий.

— Дозволь, пресветлый княжич, послужить тебе! Повели взять меня в твою дружину. Живота не жалеючи буду за тебя биться с кем укажешь. Конь у меня есть теперь ладный, с седлом и со всею справой.

— А семья твоя что скажет? Аль у вас и без тебя работников достаёт?

— Никого у меня нету, княжич: с малых годов сирота я. Господа ради у чужих людей возрос.

— Ладно, — с минуту подумав и оценивая парня взглядом сказал Василий. — Коли так, оставайся, мне ратные люди нужны. Токмо не мысли, что будешь ты биться за меня либо за князя, родителя моего. Нам того не надобно, а вот рубежи свои мы блюдем крепко и будем биться за то, чтобы люди на землях наших могли спокойно пахать и косить, и чтобы не угонял их в неволю ни злой сосед, ни поганый татарин. Ну, ступай теперь с Богом!

— Спаси тя Христос, за милость твою, пресветлый княжич! А уж я послужу тебе верно, — кланяясь в зем-

лю промолвил просиявший Лаврушка и неловко повернувшись направился к двери.

— Погоди, — остановил его Василий. — Сумеешь ты ночью вывести нас через лес, прямыми тропами, на след голофеевой шайки?

— Вестимо, сумею, княжич! Они с полоном да с награбленным добром за один день на брянскую сторонку нипочем не уйдут. Заночуют в лесу и завтре мы их, как Бог свят, настигнем!

— Ну, ин ладно. Ступай подкрепись и отдохни, невдолге и выступим.

— Допрежь чем выступать, пристало бы тебе, Василей Пантелеич, с нами вместях думу подумать, — сказал боярин Опухтин, когда за Лаврушкой закрылась дверь горницы. — Досе наша беда не столь и велика: ну, угнали у нас с пол-ста смердов. Может еще по доброму и в обрат их вызволим. А налетишь ты сейчас да посекёшь вгорячах брянцев, — гляди, они на нас и большой войною пойдут.

— Когда это Глеб Святославич что-нибудь добром отдавал? Не дело говоришь ты, боярин. После мора людишек у нас вовсе мало осталось, что же, будем теперь глядеть как последних угоняют?

— Людишки, то еще куда ни шло... А вот не навлёк бы ты беды и на всех нас. Потому и говорю: надобно наперёд думу подумать.

— Я и сам разумею, что делать, — резко ответил Василий, — и куда ты гнёшь мне тоже вдомёк. Ежели бы погромили боярскую вотчину, ты бы первый закричал: бей и жги всякого! А до вольных людишек вам, боярам, нужды нет. Пускай, мол, пропадают сироты, только бы брянского князя не изобидеть, а то, чего недоброго, осерчает он и под одну стать со смердами, бояр карачевских учнёт громить. Вот она, ваша думка, бояре!

— Молод ты еще, княжич, — выступил вперед боярин Шестак, — а речей таких мы ни от родителя твоего, ни от деда не слыхивали! Боярскую честь на Руси спокон веку все князья блюли. Ну, а тебе, видать, смер-

ды ближе нежели боярство родовитое, — язвительно добавил он.

Лицо Василия вспыхнуло гневом, но он сдержался и лишь сощурившись на тщедушного Шестака, надменно ответил:

— Ну, для меня, чей род от века княжит над Русью, ты, боярин, по родовитости не далеко ушел от любого смерда.[1]) Ты, вот, маленьких людей хулишь и не видишь того, что на смерде да на ратном человеке вся земля наша держится. Они её и кормят и от ворогов боронят, — вот потому всякий разумный князь должен им быть отцом и заступником. А вы, "родовитые", только о себе печалуетесь да под себя норовите подгрести всё что зацепить можно: и княжево, и смердово!

— Срамные слова говоришь ты, Василей Пантелеич, — наливаясь темною кровью зашипел боярин Шестак, — и кабы не был в сей час недужен твой батюшка...

— Ты, Иван Андреич, моего батюшку сюда не приплетай, — повысил голос Василий, — за свои слова я сам умею ответ держать! А ты лучше бы помыслил о себе, да о том, чтобы не пришлось нам спасать тебя от твоих же кабальных смердов. Мне ведомо, что деется в твоей вотчине, которую, к слову сказать, изрядно округлил ты не вельми чистыми путями.

— В вотчине моей я господин, мой в ней и закон! — задыхаясь прохрипел Шестак. — А тебе, княжич...

— Помолчи, боярин, хватит! — крикнул Василий. — Я свое сказал, а коли тебе неймётся, тогда дай срок, — я тебе рога обломаю! Кончена дума, бояре, прошу всех в крестовую, на молебен! А ты останься, Семен Никитич, с тобою есть еще разговор.

Бояре, негодующе бормоча и утирая платками вспотевшие лысины, направились в крестовую палату, откуда уже тянуло пряным запахом ладана и слышались возгласы протопопа Аверкия. Вскоре в горнице остались только княжич и воевода.

---

[1]) Смердами, сиротами и людишками в средневековой Руси называли крестьян.

— Слыхал, Семен Никитич, — спросил Василий, когда последняя боярская спина исчезла за дверью, — сколь хочется им меня в свою веру обратить? Пусть пождут, я им еще покажу кто здесь хозяин!

— Не тронь ты их лучше, Василей Пантелеич, — угрюмо промолвил Алтухов. — Того зла, что они на Руси сеют, ты один николи не выведешь, а сила у них большая. С ними свяжешься, — не будет тебе спокойной жизни.

— Страшен сон, да милостив Бог, — беспечно ответил Василий. — Ну, да не о том сейчас речь. Я так смекаю, что Лаврушка правду сказал: брянцы со всем полоном в наших лесах заночуют. Прямо на Брянск они от Бугров не пойдут: Пашка Голофеев не дурак и разумеет, что на этом пути мы их легко перехватить можем. Скорее всего пойдут они правым берегом Ревны и недоходя Десны, лесом срежут к переправе у Свенского монастыря. Ты как мыслишь?

— Мыслю, как и ты: больше им переправиться негде. От Бугров туда поприщ пятьдесят, — до ночи они с полоном и половины того не пройдут. Стало быть настигнуть их не столь трудно.

— Добро! Как месяц взойдет, так и выступим. Бери две сотни воев, да скажи чтобы хорошо подкормили коней: пойдем быстро и налегке. Лаврушке дашь саблю либо копье, что пожелает. А всё прочее он завтра сам добудет, — видать парень не промах. Ну, так с Богом!

— Иду, княжич. Всё будет исполнено.

Боярин Шестак с трудом дождался окончания молебна. Он, по привычке, истово крестился и клал поклоны, как и все, но смысл происходящего и возгласы протопопа проходили мимо его сознания. В груди его кипели гнев и возмущение. Дерзости княжича давно были боярину не в диковинку, но сегодня он был задет особенно чувствительно: род его и впрямь был не слишком знатен, а небольшую вотчину, унаследованную от отца, он увеличил во много раз, пользуясь всякими средствами. Были среди них и такие, о которых боярин

сам не любил вспоминать и уж совсем не терпел, когда на них намекали другие.

По окончании молебна, он нарочно задержался в крестовой палате, вступивши в долгую беседу с отцом Аверкием, а когда все разошлись, — вышел в горницу и приоткрыл дверь в княжью опочивальню.

Старый князь неподвижно лежал под божницей, глаза его были закрыты, грудь дышала ровно. Казалось, он мирно спит. На широком ларе у окна, подстелив овчину, спал постельничий Тишка. Знахарь сидел у изголовья княжьей постели и поднял голову на скрип открывшейся двери.

— А ну, выдь сюда, Ипат, — поманил его в горницу боярин. — Хочу распытать тебя о здравии князя, — сказал он, отводя ведуна к дальнему окну. — Сказывай, будет он жив?

— Сегодня смерть мимо прошла, — уклончиво ответил Ипат, — а когда возвернется за князем, о том лишь Бог ведает. Может завтра, а может допрежь того и всех нас посетит.

— Ты не виляй языком, колдун! Сказывай правду!

— Не гневайся, боярин. Сам ведаешь, бывает правда, за которую и батогов получить недолго.

— Коли правду скажешь, меня не бойся, а бойся коли солжешь: за тобою я тоже кое-что знаю. Сказывай как на духу: выживет князь?

— В эти дни не умрет, но недолго протянет, — подумавши ответил Ипат. — Жизнь его теперь на волоске: чуть что и оборвётся.

— Истину кажешь?

— Истину, боярин. Больше как три месяца едва ли проживет.

Шестак замолчал и задумался, ероша толстыми пальцами редкую рыжую бороду. Потом, пристально глядя на ведуна, спросил:

— А сын твой Ивашка тут?

— А где ему быть? Вестимо, тут.

— Он, поди, не забыл еще как княжич Василей летось его при девках плетью отходил?

— Ты это к чему, боярин? — насупившись спросил Ипат.

— А вот к тому. На большое-то княжение али не Василей ныне сядет?

— Знамо он. Ну и что?

— Да ништо... Ты вот что, Ипат: сей же час снаряжай своего Ивашку в Козельск. Коня пусть возьмёт на моей конюшне. Накрепко накажи ему пересказать князю Титу Мстиславичу мое слово: старшой-де братец его, князь Пантелей Мстиславич вельми плох и больше как до Покрова не протянет. Разумеешь?

— Разумею, боярин. Будет сделано.

— Да гляди, язык закуси покрепче и сыну накажи тож. А то у княжича рука тяжелая, чай твой Ивашка помнит! Пусть не жалеет коня и гонит во весь дух. За три дня обернётся, пол гривны ему от меня. Да еще пусть скажет козельскому князю, что невдолге я и сам к нему буду.

— Ладно, боярин, всё сделаю как велишь.

— Ну, с Богом!

ГЛАВА 2

«Того же лета 6747[1]) взяша татарове Чернигов и град пожгоша и монастыри разграбиша и люди овы избиша, а овы ведуще босы и без покровен во станы свое. И многы грады инии поплениша, и бех пополох зол по всеи Рускои земли, и сами не ведаху где и кто бежит. Се же все сдеяся грех наших ради великих и неправды».

Черниговская летопись.

Первая половина 14 века, к которой относится это повествование, принадлежит к одному из самых мрачных периодов русской истории. Русь, разделенная на враждующие между собой удельные княжества, управляемые сильно размножившимися потомками Рюрика, — которые совершенно утратили чувство государственного единства, — уже целое столетие изнывала под тяжестью татарского ига.

Нашествие монголов, в силу феодальной раздробленности страны, не встретило общего, согласованного отпора. Но по отдельности все русские князья, во главе своих дружин и наскоро собранных народных ополчений, смело вступали в неравный бой, предложения о сдаче гордо отвергали и мужественно встречали смерть.

В обширном княжестве Рязанском, на которое обрушился первый удар Бату-хана[2]), не уцелел ни один город. Получив отказ в помощи от соседних княжеств,

---

1) 1239 год христианской эры.

2) Бату-хана русские летописи называют Батыем.

местное население отчаянно защищалось. Своей легендарной храбростью навеки прославил себя воевода Евпатий Коловрат; из восьми рязанских князей в битвах пало семеро, но силы были слишком неравны, — татары наводнили Рязанщину и предали ее страшному опустошению. Летопись отмечает: "изменися земля Рязанска и не бе в ней ничто видети, — токмо дым и пепел".

Затем татары двинулись дальше, взяли города Коломну и Москву (последнюю отважно защищал несколько дней воевода Филипп Нянка, тут и сложивший свою голову), а потом осадил столицу северной Руси — Владимир. Великого князя Юрия Всеволодовича в городе не было: только что отказав в помощи рязанским князьям, теперь он сам столь же безуспешно рассылал гонцов к соседям и метался по своим городам, наспех собирая войско для попытки отразить страшного врага.

На пятый день осады татары взяли Владимир. В течение следующего месяца, один за другим пали все остальные города северной Руси, а в злосчастной для русских битве на реке Сити было на-голову разбито войско великого князя Юрия, который и сам был убит в этом сражении, вместе с пятью другими князьями, принимавшими в нем участие.[1])

Менее чем за три месяца покорив всю восточную и северную Русь[2]), татары вторгнулись в Смоленские и Черниговские земли. Но тут их ожидало гораздо более упорное сопротивление, к тому же орда была уже частично ослаблена предыдущими боями, а потому ее продвижение значительно замедлилось: на покорение этих княжеств Батыю пришлось потратить около двух лет[3]).

---

[1]) Этой битве посвящено одно из замечательных литературных произведений древней Руси: «Слово о погибели Русской земли», написанное в период между 1239 и 1245 гг.

[2]) К Рязани татары подступили 15 декабря 1237 г., а битва на реке Сити произошла 4 марта 1238 г.

[3]) Город Чернигов был взят только в конце октября 1239 г.

Героизмом своей обороны тут многие города стяжали себе неувядаемую славу. Доблестным защитникам Смоленска средневековый русский автор, имя которого до нас не дошло, посвятил особую, хвалебную повесть [1]. Но своей беспримерной стойкостью особенно прославился небольшой город Козельск, где княжил малолетний Василий, из рода князей Черниговских. Количество осаждавших его татар почти в десять раз превышало население этого городка, тем не менее его защитники героически сопротивлялись в течение семи недель, а однажды сами сделали вылазку и уничтожили большую часть татарских осадных орудий. Задержав продвижение орды почти на два месяца, этот город пал только тогда, когда были перебиты все его защитники, а маленький князь Василий, по словам летописцев, утонул в крови[2]. Татары прозвали Козельск "злым городом" и овладев его остатками, Батый приказал стереть их с лица земли.

Долго и отчаянно сопротивлялся и осажденный Чернигов. Взяв его после ряда жестоких приступов, татары город разграбили и сожгли, а жителей частью перебили, частью увели в плен. Стоит отметить, что только лишь черниговскому епископу Порфирию свирепые победители не сделали ни малейшего зла и отпустили его с миром[3].

---

[1] «Повесть о Меркурии Смоленском», написанная в 15 веке.

[2] В русских летописях очень часто встречаются такие, совершенно неправдоподобные преувеличения. И немало людей, — в представлении которых летописец свят и непогрешим, — принимают эти гиперболы за истину. Между тем это не истина, но и не ложь, а всего лишь литературный прием, весьма обычный в древности: путем предельного сгущения красок выразить высшую степень какого-либо явления, — в данном случае ожесточенности битвы. Подобные гиперболы и сейчас в ходу, но никто не примет в буквальном смысле таких выражений как «напугал до смерти», «она утопала в слезах», «кровь из раны била фонтаном» и т. п.

[3] Историк С. Соловьев по этому поводу замечает: «таким образом, сразу же обозначился обычай татар уважать религию любого народа и ее служителей».

Захватив после этого еще несколько южнорусских городов и овладев Крымом, Батый отвел свою орду на отдых и пополнение, и только в конце следующего года смог приступить к осаде последней русской тведыни, древнего Киева, — "матери городов русских". Татары сосредоточили вокруг него огромное войско, под командованием самых славных ордынских военачальников — Субедея и Бурундая. Летописец пишет, что в осажденном Киеве люди не слышали друг друга от скрипа татарских телег, рева верблюдов и ржаня коней.

Десятки осадных машин днем и ночью метали в город огромные камни и толстые как колья стрелы, обвязанные горящей паклей; тяжелые тараны били в ворота и в стены, приступ следовал за приступом. Но защитники города, не зная отдыха и не жалея жизней, секлись с татарами на стенах, тушили пожары, заделывали проломы и сами бросались на вылазки.

Только после длительной осады, шестого декабря 1240 года, через проломы в стенах татары ворвались в Киев, но всё его стотысячное население продолжало резаться с ними на улицах, отчаянно защищая каждый дом, каждую пяд земли. Этой героической обороной руководил талантливый и бесстрашный воевода Дмитро, — наместник галицкого князя, которому принадлежал тогда Киев. Когда его, тяжело раненного, привели в шатер Батыя, последний, из уважения к его исключительной доблести, вопреки татарскому обычаю, велел сохранить ему жизнь. Видимо хотел возвратить и меч, но когда спросил своего пленника — что он в этом случае будет делать, последний не задумываясь ответил: "я снова подыму этот меч против тебя, хан!".

Большая часть уцелевшего киевского населения была перебита или уведена в рабство, а сам златоглавый Киев, насчитывавший около шестисот церквей и по величине соперничавший с Константинополем, был разграблен, разрушен и предан огню. Но и здесь татары пощадили монастыри и каменные церкви, — деревянные, конечно, погибли в пламени общих пожаров.

Опустошив после этого Галицко-Волынское княжество, орда Батыя вторгнулась в Польшу и в Венгрию.

Но к этому времени она была уже значительно ослаблена, ибо долгое и мужественное сопротивление Руси причинило ей огромные потери. Разумеется, столь упорно сражаясь с татарами, русский народ не ставил себе задачей спасение западных стран. Он защищал свои домашние очаги и независимость родной земли, ни о чем ином вероятно не помышляя, но всё же именно русскому народу Западная Европа была обязана своим спасением.

По плану Чингиз-хана, этот завоевательный поход его непобедимых полчищ должен был закончиться на берегах Атлантического океана, после покорения всей Европы. И несомненно этот план увенчался бы полным успехом, если бы непредвиденно стойкое сопротивление Руси не задержало орду на четыре с лишним года и не обескровило ее настолько, что от дальнейшего продвижения на запад пришлось отказаться. К тому же многие русские земли, хотя внешне и покорились, еще продолжали вести с поработителями ожесточенную борьбу партизанского типа. Она была особенно сильна в обширном Черниговском княжестве, где ее возглавлял князь Андрей Мстиславич, двоюродный брат святого Михаила, в конце концов схваченный и казненный татарами.

Правда, несколько лет спустя Батый предпринял новый поход на Европу, но она получила время подготовиться к отпору, что, впрочем, не помешало татарам дойти до берегов Адриатического моря. Однако из-под стен Венеции они повернули обратно, и если для этого у них были свои внутренние, чисто политические причины, то была, несомненно, и одна стратегическая: слишком рисковано было продолжать завоевание Европы имея за спиной такого грозного противника, как Русь, хотя бы и поверженная.

***

Из всех крупных русских городов от батыева нашествия не пострадали только Великий Новгород и Псков, — до них татары не дошли нескольких десятков верст, хотя и обязали их платить дань. Все остальные важней-

шие жизненные центры Русской земли — города Киев, Чернигов, Владимир, Суздаль, Рязань, Переяславль, Ростов, Ярославль, Муром, Москва и множество других, — были совершенно разрушены. За небольшими исключениями, их приходилось не восстанавливать, а строить наново[1]). И это требовало огромных усилий и жертв, тем более трудных, что в борьбе с татарами страна обезлюдела, благосостояние ее было в корне подорвано, победители наложили на уцелевшее население тяжелую дань, а княжеские раздоры и междоусобия не прекращались даже и под ханской властью.

Однако, в начале второй четверти 14 века в беспросветной тьме, нависшей над Русью, занимаются первые проблески рассвета: умный и напористый хозяин незначительного тогда Московского удела, князь Иван Данилович, прозванный Калитой[2]), всеми правдами, а более неправдами, получает от золотоордынского хана Узбека ярлык[3]) на великое княжение, переносит из Владимира в Москву кафедру главы русской церкви, митрополита Феогноста и с его помощью начинает объединять вокруг Москвы русские земли, раздробленные на множество удельных, фактически самостоятельных княжеств.

Весьма важным и благоприятным для Руси обстоятельством было то, что Иван Данилович сумел добиться права самому собирать в своем княжестве дань, которую нужно было выплачивать победителям. Вслед за ним получили это право и другие крупные князья. До этого дань собирали особые татарские уполномоченные — баскàки, и их наезды на Русь всегда сопровождались злоупотреблениями и насилиями. На баскаков управы не было: по положению, определенному для них еще Чингиз-ханом, они стояли выше князей и военачальников, имели право вмешиваться во внутрен-

---

[1]) Многие города, например Сновск, Орогощ, Хоробр, Вщиж, Брягин и др. вообще не были восстановлены и навсегда исчезли после татарского нашествия.

[2]) «Калита» означает кошель, денежная сума.

[3]) «Ярлык» — грамота, ханский указ.

ние дела побежденной страны, творить в ней суд и расправу, отчитываясь в своих действиях только перед великим ханом.

Новая система сбора дани не только избавляла Русь от этого зла, но и давала великому князю возможность удержать в своих руках часть собранных средств. Он их употреблял на укрепление мощи своего княжества и на его расширение: некоторые соседние уделы он просто покупал у их владельцев.

Таким образом, Иван Калита, каковы бы ни были его нравственные качества[1]), в истории Руси является первым искусным зодчим, начавшим из феодальных "кирпичей" строить то грандиозное здание, которое впоследствии превратилось в великое Российское государство.

Как уже было отмечено, в числе дотла разрушенных русских городов находился и Чернигов, бывший столицей огромного княжества, по занимаемой площади, богатству и количеству городов, в ту пору самого крупного на Руси. Последним его государем был великий князь Михаил Всеволодович, в 1246 году зверски убитый в ставке хана Батыя и причисленный православной Церковью к лику святых мучеников.

Стóит отметить, что вопреки весьма распространенному мнению, он был казнен вовсе не за отказ изменить своей вере. Никто его к этому не принуждал: татары отнюдь не были религиозными фанатиками, отличаясь, наоборот, полнейшей терпимостью и даже уважением к чужим верованьям. Они не только не стремились отвратить русских от православия, но и своим не возбраняли принимать его. Достаточно вспомнить, что старший сын Батыя, хан Сартак и его жена были православными; почти несомненно был им и дядя Батыя Чагатай — второй сын Чингиз-хана; мурза Чет, в крещении За-

---

[1]) Целый ряд исторически несомненных фактов свидетельствует о том, что эти качества были у Калиты весьма невысоки.

харий, отпущенный из Орды великим ханом Узбеком к Ивану Калите, на свои средства выстроил знаменитый Ипатьевский монастырь. Несколько крестившихся татар были причислены русской Церковью к лику святых. Таков, например, святой Петр Ордынский, племянник Батыя, умерший в Ростове монахом в 1290 году. Святой Петр, мученик казанский, тоже был татарином. Память первого из них празднуется 30-го июня, второго — 24-го марта. Были и другие.

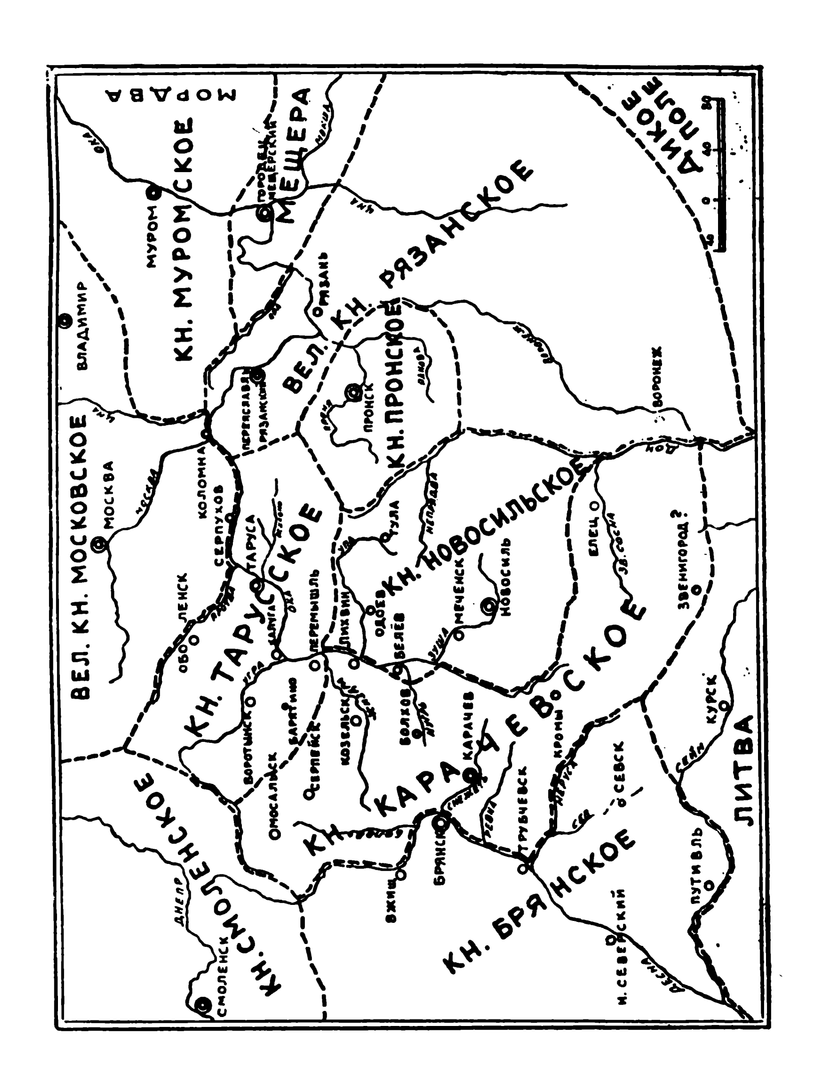
В силу таких порядков, на совесть князя Михаила Всеволодовича в Орде никто не посягал. Но при приближении к ханскому трону татарский обычай от всех иностранцев требовал соблюдения особого, унизительного ритуала: нужно было проходить между "очистительными" кострами, подвергаться окуриванию дымом из особых кадильниц, согнувшись проходить, а иногда и проползать под низко натянутой веревкой и разговаривать с ханом стоя на коленях. Исключений не делали ни для кого. Из всех русских и нерусских князей, послов и папских легатов, являвшихся в Орду, один лишь князь Михаил Черниговский наотрез отказался выполнить эти требования и предпочел смерть унижению, — также как находившийся при нем и разделивший его участь боярин Феодор[1]). Но даже Батый, взбешенный непреклонностью русского князя и уже отдавший приказ его немедленно казнить, не отказал ему в желании причаститься перед смертью у православного священника. И только после этого ханские телохранители повергли гордого Черниговского князя на землю и затоптали его ногами.

После разрушения Чернигова и смерти Михаила Всеволодовича, великое княжество Черниговское перестало существовать: оно было разделено между четырьмя сыновьями погибшего князя Михаила, образовав самостоятельные, но в общем порядке подчиненные золотоордынскому хану княжества: Брянское, Карачевское, Новосильское и Тарусское.

Из этих новообразованных княжеств преобладаю-

---

1) От него идет дворянский род Зюзиных.

Приблизительные территории центральных русских княжеств в начале 14 столетия.

щее значение имело Брянское, доставшееся старшему из четырех сыновей, Роману Михайловичу, который перенес в Брянск епископскую кафедру из разрушенного Чернигова и на Руси считался крупной величиной. Но это княжество было и самым беспокойным, что обуславливалось характером его князей, а еще того более географическим положением: на западе оно граничило с Литвой, постепенно захватывавшей окраинные русские земли, а на севере — с крупным княжеством Смоленским, не упускавшим случая расшириться за счет соседей. В силу этого, брянским князьям беспрестанно приходилось обороняться, то от Литвы, то от Смоленска. Впрочем, они в долгу не оставались и сами не раз нападали на смоленские земли, а также на своего менее воинственного восточного соседа — княжество Карачевское.

Ко всему этому вскоре прибавились и внутренние неурядицы: потомки и наследники Романа Михайловича вступили между собой в жестокую и бесконечную борьбу за княжеский стол. Их усобицы были для всего этого края особенно тяжелы, ибо с легкой руки Романа Михайловича, боровшегося с Литвой при поддержке татар, — у брянских князей вошло в обычай обращаться к татарам за помощью в своих войнах с русскими соседями и друг с другом. Призванные ими ордынские отряды грабили и разоряли население и без того доведенное до нищеты постоянными войнами. В конце концов дошедший до отчаянья народ начал восставать против своих князей и последний из них, Глеб Святославич, в описываемую пору мог чувствовать себя в относительной безопасности только за прочными стенами своего кремля[1]).

Карачевское княжество досталось Мстиславу Михайловичу, третьему из сыновей святого Михаила[2]). Его сто-

---

[1]) В начале второй половины 14 века из рода брянских князей никого в живых не осталось и ярлык на Брянск был дан смоленскому князю Василию. Но в том же, 1356 году, весь этот край

лицей сделался Карачев, — один из древнейших русских городов, упоминаемый летописями уже под 1146 годом, и превратившийся впоследствии в захолустный уездный городок Орловской губернии.

Кроме Карачева, в состав этого княжества входили еще девять городов, со своими областями: Козельск, Болхов, Елец, Звенигород[1]), Мосальск, Серпейск, Лихвин, Белев и Кромы. Города Орла тогда не существовало. Он возник на три столетия позже, в качестве небольшой крепостицы, прикрывавшей Москву от набегов крымских татар. Ему не счастливилось: неоднократно его разрушали татары, несколько раз он выгорал дотла и только лишь в 1796 году стал губернским городом. В память прошлой, оборонительно-боевой службы, на гербе его изображена крепость, также как и на гербе города Карачева.

Читатель, знакомый с русской историей только в объеме курса средней школы, о существовании Карачевского княжества едва ли что-нибудь слышал. В общепринятых учебниках истории о нем не только ничего не сказано, но даже не упоминается его название. Объясняется это тем, что в период объединения русских земель вокруг Москвы, оно находилось под властью Литвы и в формировании Российского государства заметной роли не играло, а правившие им князья не отличались достаточно беспокойным нравом, чтобы обратить на себя внимание летописцев и историков.

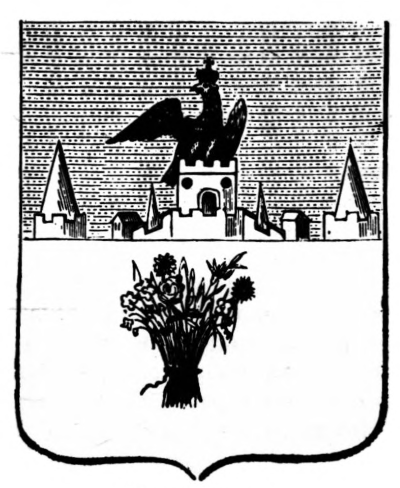
А вместе с тем это княжество просуществовало более двухсот лет и территория его вначале была доволь-

---

был захвачен литовским князем Ольгердом, который посадил на княжение в Брянске своего сына Дмитрия.

[2]) Здесь не принимается во внимание Ростислав, самый старший из сыновей князя Михаила, который, женившись на дочери венгерского короля, переселился в Венгрию, где получил от тестя в удел княжество Мачевское, в прикарпатской области.

[1]) Точное местоположение этого давно исчезнувшего Звенигорода является спорным вопросом. Надо полагать, что он находился в самой южной части Карачевского княжества.

Карачевъ.

Городской герб

но значительна: по занимаемой площади оно превышало многие европейские государства, даже такие, как современные Венгрия и Португалия. Применительно к нынешней карте России, оно занимало всю Орловскую область, больше половины Калужской, значительную часть Тульской и Курской и немного захватывало Воронежскую.

Правда, через несколько десятков лет оно разделилось между ближайшими потомками Мстислава Михайловича на шесть княжеств: Карачевское, Козельское, Болховское, Звенигородское, Елецкое, и Мосальское[1]).

---

[1]) Позже образовались также княжества Белевское, Серпейское и Лихвинское.

Но Карачевское среди них оставалось главным, а остальные считались его уделами и сохраняли некоторую зависимость от Карачева, вначале вполне реальную, а позже скорее традиционную. Все эти княжества в совокупности носили в народе название земли Карачевской.

В Карачеве, на так называемом большом княжении, всегда сидел старший член рода, не по возрасту, конечно, а по порядку династического старшинства. В пределах своей земли, в отличие от удельных, этот князь назывался "нàбольшим" или великим. Что же касается карачевских уделов, то из них первым по значению считался Козельский, вторым Звенигородский, а последним Мосальский.

По характеру своему карачевские князья, в полную противоположность брянским, были не воинственны, а спокойны и домовиты. За славой они не гонялись, усобиц избегали, старину блюли крепко, были рачительными хозяевами, о подданных своих заботились больше чем соседние князья и народ их любил. В войны и распри с соседями они вступали лишь обороняя своё, но сами на чужое не посягали. Бывали среди них неизбежные в то время споры о старшинстве, бывала и зависть, но в общем жили они тихо. Исторические источники сохранили о Карачевском княжестве и его князьях очень немного сведений, которые, к тому же, весьма отрывочны и разрозненны. Драматический случай, отмеченный русскими летописцами и послуживший основной темой этой книги, является, кажется, единственным, нарушившим патриархальное течение жизни этого глухого лесного угла феодальной Руси.

После смерти князя Мстислава Михайловича, прожившего долгую жизнь, ему наследовал старший сын Святослав. О нем известно лишь то, что в 1310 году он, защищая свою вотчину, пал от руки брянского князя Василия Александровича. Детей у него не было и на большое княжение вступил после него следующий по

старшинству брат, Пантелеймон Мстиславич. Из двух младших братьев, Тит Мстиславич получил в удел княжество Козельское, а Андрей[1]) Мстиславич — Звенигородское.

В 1338 году, с которого начинается это повествование, князю Пантелеймону было уже за семьдесят. Его единственным сыном и наследником был княжич Василий.

---

[1]) В родословных книгах он назван Адрианом. Многие князья того времени имели два имени, — одно по крещению, а другое домашнее, традиционное.

ГЛАВА 3

«13-14 века были на Руси порой всеобщего упадка, временем узких чувств, мелочных побуждений, ничтожных характеров... Князья замыкались в кругу своих частных интересов и выходили из этого круга только для того, чтобы попользоваться за счет других».

Проф. Ключевский.

На небе еще не погасли последние отблески поздней вечерней зари, когда из открытых башенных ворот карачевского кремля вытянулся на дорогу отряд, насчитывающий сотни две всадников. Почти все они были одеты в тягиляи, — толстые стеганные кафтаны со вшитыми в них кусками проволоки, неплохо защищающие от сабельных ударов, — низкие меховые шапки и шаровары, заправленные в высокие смазные сапоги. Сотники, десятники и некоторые рядовые воины были в кольчугах и легких металлических шлемах — шишаках.

Вооружение их не отличалось однообразием: у одних за спинами виднелись луки и колчаны со стрелами, другие были вооружены копьями и сулицами[1]). Но саблю или меч имел почти каждый. Лишь очень немногие предпочитали этому оружию боевой топор — чекан, да кое у кого были привешены к седлам тяжелые, окованные железом дубины — палицы.

Во главе отряда, несколько опередив его, ехали воевода Алтухов, Василий Пантелеймонович и его стре-

1) Сулица — метательное копье, дротик.

мяной Никита Толбугин. Княжич, не любивший обременять себя тяжелым доспехом, выехал налегке: в том же охотничьем кафтане, только на голову одел золоченый шлем — ерихонку да к поясу пристегнул кривую угорскую саблю. Никита, чернобородый мужчина лет тридцати, богатырского роста и сложения, был в кольчуге и в шишаке. Под стать всаднику был и его массивный гнедой конь, перед которым даже высокий и стройный аргамак Василия казался жеребенком.

Никита Толбугин не был коренным карачевцем. История его появления в этом княжестве была не совсем обычной. Отец его, сын боярский[1]) Гаврила Толбугин, служил в дружине брянских князей и сложив свою голову в одной из бесчисленных усобиц, оставил семнадцатилетнему Никите небольшую вотчину под Брянском. На попечении юноши оказались также мать и сестра, бывшая на два года младше его. Через год мать умерла от оспы, сестра вскоре вышла замуж и ничем более не связанный сын боярский Никита Толбугин, с детства считавший военную службу единственным достойным мужчины занятием, по примеру отца, поверстался в дружину брянского князя Дмитрия Святославича.

Благодаря своей необыкновенной силе, отваге и исполнительности, он быстро выдвинулся и несколько лет спустя, князь и воеводы стали назначать его старшиной отдельных отрядов и давать ответственные поручения. Всё, казалось, складывалось для него хорошо и сулило ему дальнейшие милости князя. Но судьба распорядилась иначе.

Лет за пять до описываемых здесь событий, князь Дмитрий Святославич, воспользовавшись некоторыми затруднениями своего близкого родича, князя Ивана Александровича Смоленского, пошел на него войной и осадил Смоленск. Но город отчаянно защищался и осада затянулась. Тогда Дмитрий Святославич, по скверному обыкновению брянских князей, позвал на помощь

---

1) Детьми боярскими назывались в то время служилые дворяне.

татар. Ордынцы подобных приглашений обычно не отвергали, ибо для них это была возможность безнаказанного грабежа и легкой наживы. Появившись на смоленских землях, в качестве союзников брянского князя, они принялись грабить русские деревни и угонять жителей в плен.

Никите это сильно не нравилось. С каждым новым днем осады он становился всё более хмурым. К тому, что русские воюют с русскими он привык, это казалось ему в порядке вещей, — дело, мол, домашнее. Но самим же наводить на Русь басурманов, думал он, это уж совсем не гоже.

Однажды осадный воевода послал его с донесением к князю Дмитрию Святославичу. До княжеской ставки было верст восемь и путь лежал через большое смоленское село, где как раз в это время бесчинствовал отряд татарской конницы. При виде того, как ненавистные каждому русскому человеку монголы вытаскивали из домов убогие крестьянские пожитки и вязали руки ремесленникам, предназначенным, как обычно, для увода в Орду, — в груди Никиты поднялась тяжелая, удушливая злоба, которая едва не заставила его вмешаться в дело. Но он поборол это желание, понимая, что татары его просто убьют и все равно ограбят село. "Нечего сказать, славные дружки у нашего князя", с ненавистью подумал он и к ставке подъехал мрачный как туча.

Когда Дмитрий Святославич, оповещенный о прибытии гонца, вышел из своего шатра, Никита слез с лошади, поклонился и не глядя князю в глаза, доложил то, что ему было приказано.

— До́бро, — сказал князь, — можешь идти.

Но гонец не двинулся с места и подняв голову в упор глянул на князя.

— Что еще? — спросил Дмитрий Святославич, несколько удивленный выражением лица своего дружинника.

— Почто, княже, призвал ты поганых татар русскую землю зорить? — вновь наливаясь злобой глухо спросил Никита. Князь Дмитрий от столь неслыханной

дерзости в первый момент лишился дара речи. Но придя в себя, гневно закричал:

— Ты, пьян, холоп! Как смеешь ты мне, своему государю, такое молвить?!

— Не пьян я, Дмитрей Святославич, и холопом ничьим отродясь не был! До сей поры был я твоим верным воем и не жалел за тебя головы. А ныне постиг, что творишь ты каиново дело и больше я тебе не слуга! С тем оставайся здоров, со своими татарами! — Сказав это, Никита повернулся к князю спиной и сделал шаг к своему коню.

— Вязать ворюгу![1]) — закричал князь, хватаясь за саблю. Поблизости находилось пять или шесть дружинников, которые, повинуясь приказу, не очень охотно набросились на Никиту. Но он в минуту расшвырял их как котят и даже не повернув головы в сторону потрясавшего саблей князя, вскочил на коня и ускакал.

Отказавшись служить брянскому князю, Никита не нарушил ни законов, ни обычаев своего времени: в средневековой Руси каждый боярин и сын боярский имел право поступить на службу к любому князю и по своей воле мог его когда угодно оставить и перейти к другому, даже не русскому. Это, так называемое "право отъезда", несмотря на то, что князья всячески старались его ограничить и постепенно урезывали, просуществовало до Ивана Грозного, который его окончательно отменил после отъезда в Литву князя Андрея Курбского.

Но Никита Толбугин не только отъехал от князя Дмитрия Святославича, а еще и оскорбил его. Обид же брянские князья никому не прощали и за дерзость свою Никита поплатился вотчиной. В то время денежнего жалованья служилым дворянам не платили. Они получали часть воинской добычи, да кое-когда подарки от князя, в основном же должны были жить и снаряжаться на доходы от своей вотчины, а если таковой не имели, — с того поместья, которое князь им давал за службу, как тогда говорили, "в кормление". В случае отъезда, поместье, конечно, отбиралось. Родовых вотчин в силу

---

1) Слово «вор» в то время означало изменник.

обычая, князья отбирать не могли, но иногда, пренебрегая этим, в гневе отбирали и их. Так случилось с Никитой и ему волей-неволей пришлось покинуть родные края, чтобы искать счастья на службе у другого князя.

Далеко ехать ему не пришлось: Карачев, стольный город соседнего княжества, находился от Брянска в пятидесяти верстах. Карачевские князья считались добрыми, справедливыми государями, а потому, покинув Брянщину, Никита отправился прямо туда и предложил свои услуги князю Пантелеймону Мстиславичу.

Окинув оценивающим, хозяйским взглядом фигуру богатыря и выслушав без утайки рассказанную историю его отъезда от брянского князя, Пантелеймон Мстиславич принял его в свою дружину и выделил ему небольшое поместье близь Карачева. Он и сам немало зла терпел от Дмитрия Святославича, а потому чувства Никиты были ему понятны.

На службе у нового князя Никита Толбугин, обладавший всеми качествами образцового воина, сразу завоевал общее уважение, а своим прямым характером особенно полюбился Василию, который вскоре взял его к себе стремяным[1]). Никита в свою очередь привязался к княжичу всей душой и за него готов был идти в огонь и в воду.

***

Перейдя вброд через реку Снежеть, на которой стоит Карачев, отряд двинулся по пыльной, змеящейся меж холмов и оврагов дороге и вскоре втянулся в высокий кустарник, постепенно перешедший в густой, темный лес. Тут вначале заметно преобладали лиственные деревья, но по мере отдаления от города их становилось все меньше, они уступали место хвойным и нако-

---

[1]) Стремяной — древний придворный чин, — заведующий верховыми лошадьми и в то же время нечто вроде личного адъютанта.

нец вокруг отряда сомкнулся могучий сосновый бор, в котором лишь местами, на редких полянах, виднелись исполинские, в несколько обхватов дубы, да черными пирамидами вздымались к небу мохнатые ели.

Свет луны слабо проникал сквозь толщу огромных ветвей, с обеих сторон перекрывавших узкую просеку, по которой попарно двигались всадники. Но даже в этой, почти полной темноте сбиться с пути было трудно: дорога шла прямо и не имела ответвлений, да и дружинники, будучи коренными жителями лесного края, отлично ориентировались даже в незнакомом лесу, а этот все они хорошо знали.

Наконец тропа заметно пошла под уклон, твердая почва под ногами коней стала сменяться более мягкой, песчаной. Чувствовалась близость реки. Было уже за полночь, когда навстречу потянуло сырой прохладой, в лесу сделалось светлее и сквозь поредевшие сосны передние всадники увидели тихую поверхность Ревны, посеребренную лунным светом.

— Отдых! — скомандовал княжич, подъезжая к самой воде и соскакивая с коня.

На берегу дружинники спешивались, привязывали лошадей и отломив от ближайшего дерева веточку, подходили к реке. Тут каждый, истово перекрестившись и бросив веточку в воду, — чтобы задобрить водяного, — только после этого принимался утолять жажду. Затем все расседлали коней и тут же расположились на отдых.

— Поприщ тридцать позади оставили, — промолвил воевода Алтухов, снимая шлем и подходя к княжичу, который сидел на опушке, опираясь спиной на ствол огромной сосны. — До Бугров тут рукой подать.

— Садись, Семен Никитич, — сказал Василий. — Покуда люди и кони маленько отдохнут, давай поразмыслим, что дальше делать. Никита, поклич-ка Лаврушку!

— Тут-ко я, княжич, — отозвался Лаврушка, ожидавший этого зова и потому вертевшийся поблизости.

— А ну, подойди сюда.

Парень приблизился он был по-прежнему в лаптях,

но в новых портах и рубахе. На боку его висела тяжелая сабля, которую он то и дело оправлял с заметной гордостью.

— Ишь ты, какой хват! Прямо воевода, — засмеялся глядя на него Василий. — А рубить-то саблей ты умеешь?

— Не случалось, пресветлый княжич, — признался Лаврушка, — да авось Господь помогнёт. На брянцев-то я столь лют, что хоть чем их крушить готов.

— Ну, того долго ждать тебе не придется. А сейчас сказывай: далече ли отсюда та поляна, с которой ты от брянцев утёк?

— Да ежели прямиком, — поприща три, не боле. Я тут одну тропку знаю, по ей враз туды выйдем.

— Ладно, поедешь рядом со мной, в голове отряда. А с той поляны по следу пойдем.

На небе уже занимался рассвет, когда отдохнув и напоив лошадей, отряд тронулся дальше. Лаврушка очень скоро вывел его на поляну, куда накануне брянские воины сгоняли пленных. Отсюда расходились три лесные тропы, но даже неопытный человек безошибочно определил бы по какой из них ушли нападавшие: такая ватага конных и пеших людей, конечно, оставила за собой многосчисленные и хорошо заметные следы.

Как и предполагал Василий, брянцы пошли вдоль Ревны, по направлению к Десне. Было очевидно, что не рискуя блуждать в незнакомом лесу, они решили добраться до переправы придерживаясь берега реки. Это удлиняло им путь верст на двадцать.

— Теперь не уйдут, — сказал княжич. — Пусть даже шли они до глубокой ночи, — всё одно более тридцати поприщ не сделали и теперь стоят станом где-либо в лесу, недойдя Десны. До Свенской переправы им еще столько же, стало быть хватит на целый день. С полоном-то не расскачешься! Мы их к полудню настигнем даже не томя коней.

— То истина, Василей Пантелеич, — отозвался воевода, — но можно и лучше сделать: разделим тут наши силы. Половина пойдет по следу и насядет на брянцев

с тылу, а другая, пройдя прямиком через лес, отрежет им путь к переправе. Так мы их с двух сторон заимаем!

— Ладно придумал, Семен Никитич! — одобрил Василий. — Давай так и сделаем. Только ровно ли пополам людей делить?

После короткого совещания княжич и воевода выработали следующий план: полторы сотни дружинников, под начальством Василия, Лаврушка прямыми тропами выведет в засаду, перерезав путь отступающим. Алтухов с пятьюдесятью всадниками пойдет по следу и догнав брянский отряд, будет скрытно идти за ним на небольшом расстоянии, чтобы ударить с тыла в тот момент, когда впереди начнется сражение.

Сговорившись обо всем, Василий и Алтухов, со своими людьми по двум различным дорогом углубились в лес. Лаврушка, на ладном и крепком коне, которого накануне увёл у брянцев, ехал рядом с Василием. В дремучих зарослях этого леса он чувствовал себя как дома и уверенно вёл отряд по едва приметным тропкам, иногда столь узким, что двигаться можно было только гуськом. Часов в десять утра они вышли на широкую просеку, ведущую к переправе через Десну.

По отсутствию свежих следов убедившись в том, что неприятельский отряд сюда еще не дошел, Василий облегченно вздохнул и приказал, соблюдая полную тишину, двигаться навстречу брянцам, с тем чтобы отыскать удобное место для засады. Вскоре оно нашлось. Здесь дорога выходила на узкую, но длинную поляну, с опушками густо поросшими молодым ельником. Это позволяло укрыть всадников у самой дороги и напасть на противника внезапно, с обеих сторон.

— Ну, лучшего места и искать нечего, — сказал княжич, внимательно осмотревшись кругом. — Ты, Никита, бери половину людей и расставь их за ёлками справа от дороги, а я с другой половиной останусь слева. Как только вся их сила втянется на поляну, я велю затрубить в рожок и налетим разом по всей длине, чтобы никто из них и опамятоваться не успел. Да глядите

все: тех, кто станет сдаваться, зря не сечь! Старайтесь живьем поболее народа взять.

— Навряд-ли станут они шибко обороняться, — заметил Никита. — За такого князя, как Глеб Святославич, кому охота живота лишиться?

— Это как знать! Народ брянский князем обижен, в том спору нет, но воев своих он к грабежу приохотил и долю им дает немалую. Они не столь княжью выгоду будет защищать, сколь свою, и награбленного добра легко не отдадут. Ну, да о том гадать нечего, невдолге узнаем.

По рассчетам Лаврушки, брянцы должны были подойти сюда не раньше полудня, а потому, выслав им навстречу дозор, Василий приказал воинам отдыхать и кормить коней.

Часа через полтора дозорные донесли, что брянский отряд находится в трех верстах и двигается по просеке без соблюдения каких-либо мер предосторожности. До переправы отсюда оставалось не более семи верст и люди Глеба Святославича считали себя почти дома.

— По местам! — скомандовал Василий и через две — три минуты самый внимательный взгляд не заметил бы вокруг поляны ничего подозрительного. Только шелестели вверху колеблемые легким ветерком вершины деревьев да густо толпились по опушкам леса молодые ели, вызолоченные полуденным солнцем.

ГЛАВА 4

Того же лета (1310) князь Василей Бряньскии ходи с татары к Карачеву и уби там князя Святослава Мстиславичя Карачевскаго».

Патриаршая летопись.

Вскоре в чаще леса послышались голоса и мерный стук копыт идущей шагом конницы. На поляну стали выезжать всадники, по вдое в ряд. Они были одеты и вооружены так же как и карачевские воины, только металлических доспехов и кольчуг тут виднелось гораздо больше.

Впереди всех, на статном вороном жеребце ехал в богатых доспехах мужчина лет тридцати, с пышными русыми усами и гладко выбритым подбородком. Поза его была небрежна, взгляд лениво — рассеян. Полуденное солнце припекало изрядно и всадник ехал с непокрытой головой, — шлем его мирно колыхался на луке седла.

— Пашка Голофеев, — пробормотал княжич Василий, внимательно глядевший на дорогу из-за ближайших елей. — Вот бы этого пса живым взять! За него князь Глеб полсотни смердов в обмен не пожалеет.

Между тем отряд вытянулся уже почти через всю поляну. За головной сотней дружинников следовало десятка два телег, груженных награбленным скарбом. За ними плелась довольно длинная цепочка пленных крестьян, связанных попарно за руки и, по практике заимствованной от татар, скрепленных одним общим ремнем. Сзади шла вторая сотня всадников. Ехали они

вразвалку, громко разговаривая и перебрасываясь шутками. Многие поснимали с себя не только шлемы, но и кольчуги, перекинув их перед собой поперек седел. По всему было заметно, что они считают набег удачно законченным и о какой-либо опасности не помышляют.

Резкий звук рожка прорезал тишину леса. Опушки поляны внезапно ожили и на растерявшихся брянцев, с устрашающим криком, с двух сторон обрушились карачевские воины. Многие еще не успели сообразить —что произошло и схватиться за оружие, как были уже выбиты из седел или заарканены. Но остальные быстро пришли в себя и на дороге завязалась жестокая схватка. В ней всё перемешалось. Из за тесноты поляны, о применении луков и даже копий, не приходилось и думать, дрались лишь оружием короткого боя, — саблями, палицами и чеканами.

Особенно лютая сеча разгорелась вокруг пленников и телег с добром. Брянцы и впрямь с добычей расставаться не любили и защищали ее отчаянно.

Лаврушка, находившийся в засаде рядом с Василием, выскочил на дорогу как раз напротив своих связанных односельчан. В первую минуту боя здесь, кроме нескольких человек охраны, никого не было и потому, воспользовавшись тем, что княжич ловко смахнул с седла ближайшего конвойного, он, размахивая саблей, подскакал к цепочке пленных, в нескольких местах перерубил соединявший их ремень и даже успел кое-кому освободить руки. Но сейчас же брянцы хлынули сюда с обеих сторон и Лаврушке пришлось туго. Саблей он владел плохо, но был мускулист и ловок, а легкая рубаха, составлявшая весь его доспех, не стесняла свободы движений. К тому же, жгучая ненависть к этим людям, ни за что разорившим его родное село, удваивала его силы.

От первого наскочившего на него брянского воина он отбился удачно: быстро пригнувшись к гриве коня, избежал сокрушительного удара меча, который просвистал над его головой, а затем разом выпрямившись и махнув наудалую саблей, он с радостью увидел, что противник его валится с седла. Однако радость эта была

преждевременной: другой брянский дружинник, — один из вчерашних караульных, — здоровенный детина, вооруженный пудовой палицей, узнал Лаврушку и направил на него коня.

— А, это ты, чертов хорёк! — закричал он. — Ну, пожди, зараз я те научу как из полона бегать и чужих коней уводить!

Лаврушка поднял было саблю, но могучий удар окованной железом дубины выбил её из его неопытных рук. Палица вновь взметнулась кверху и на этот раз размозжила бы голову беззащитному теперь Лаврушке, если бы Василий, рубившийся рядом, не пришел на выручку: наскочив сбоку на верзилу, он махнул саблей и страшная палица, вместе с отсеченной рукой, покатилась под ноги коням.

—Спаси тя Христос, княжич, как ты меня спас, — крикнул Лаврушка, не чаявший остаться в живых.

— Ништо, — ответил Василий. — Подбирай-ка саблю, да вдругораз не плошай!

— Да ты, сынок, возьми-ка лучше вот энту штуку, — сказал один из развязанных Лаврушкой крестьян, подавая ему упавшую на землю палицу. — Она нашему брату куды сподручней сабли!

Лаврушка принял новое оружие, для пробы взмахнул им в воздухе и сразу понял, что земляк его говорит дело. Через минуту его палица уже мелькала над головами брянцев, в самой гуще свалки.

Княжич, между тем, старался пробиться поближе к Голофееву, но это было нелегко, так как он находился по другую сторону дороги, загроможденной в этом месте телегами. Вокруг них шла сейчас горячая схватка.

Брянский воевода, так и не успевший надеть шлема, который скатился у него с седла при первой же сшибке, посмеиваясь вертелся на своем жеребце среди нападающих, отбивая удары и ловко действуя саблей. Он был искусным воином, прошедшим у всегда воюющих брянских князей хорошую боевую школу, а потому вскоре вокруг него расчистилось место и на земле уже лежало несколько сраженных им карачевских дружинников. Остальные невольно подались назад.

— А ну, пахари, наскакивай, кто еще желает попробовать брянского гостинца! — куражился Голофеев. — Вы, чай, у своих святых князей больше приучены саблями дрова колоть, чем рубиться! Пользуйся, карачевщина, сей день всех обучаю бесплатно!

— Погоди, Пашка, может и я тебя кой-чему выучу! — крикнул Никита Толбугин, пробиваясь к нему на своем могучем коне.

— А, здорово, перевёртыш! — узнал старого сослуживца Голофеев. — Ну как, отдохнул у князя Пантелея Мстиславича от ратного дела? Небось, коров у него доишь?

— Я-то не дою, а вот тебя, как приведем в Карачев, мы к этому делу и приставим, — ответил Никита, замахиваясь тяжелым мечом. Но Голофеев, знавший, что теперь встретился с серьезным противником, был начеку и легко отбил удар.

Начался поединок, в котором возможности сторон казались равными. Голофеев уступал Никите по силе, но зато превосходил его ловкостью и навыком. Он перестал зубоскалить и всё внимание сосредоточил на острие сабли. В короткий срок он сбил с противника шишак и задел его щеку. Рана была пустячная, но лицо Никиты залилось кровью и Голофеев снова повеселел.

— Пожди, колода, сейчас я из тебя наколю лучины, — начал он, но кончить не успел: под ударом Никиты сабля его переломилась надвое, а в следующую секунду, богатырской рукой вырванный из седла, он уже барахтался на земле и двое карачевцев вязали его ремнями.

Эта победа Никиты решила исход сражения, которое уже подходило к концу. Люди княжича Василия всюду теснили брянцев. Развязавшие друг друга пленники, вооружившись чем попало, крушили их с тыла и вязали упавших на землю или сдавшихся. Увидев, что схвачен их воевода, немногие еще защищавшиеся брянцы побросали оружие. Лишь человек сорок, находившихся в самом хвосте колонны, успели повернуть коней и вскачь пустились назад, по дороге. Зная, что там они столкнутся с отрядом Алтухова, Василий тотчас

послал следом за ними с полсотни всадников, чтобы зажать их с двух сторон. Алтухов в это время уже подходил к поляне. Попав между двух огней, беглецы предпочли в новый неравный бой не вступать и сдались по первому требованию.

— Ну, с полем тебя, Василей Пантелеич, сказал воевода, подъезжая к Василию. — Быстро ты управился! Мы всего на версту позади их держались и то ко времени не поспели. Однако, много вы их посекли, — добавил он, оглядывая усеянную телами поляну.

— Чтобы в другой раз поразмыслили, допрежь чем идти разбойничать в нашу землю, — ответил княжич, снимая шлем и вытирая платком вспотевшую голову. — Но их тут больше повязанных валяется, нежели убитых. Разбери-ка, Семен Никитич, что к чему, да наведи счет и порядок. Тако же погляди, чтобы раненым немедля была помощь оказана.

Алтухов тотчас приказал освобожденным крестьянам подобрать раненых и отнести их на берег ручья, протекавшего в нескольких саженях от поляны. Убитых он велел складывать отдельно, у дороги. Дружинники, под наблюдением Никиты, тем временем собирали пленных, ловили коней и сносили в кучу взятое у брянцев оружие.

Через полчаса итоги сражения были подведены. Карачевский отряд потерял убитыми восемь человек и более двадцати были ранены, из них пятеро тяжело. Победителям досталось полтораста пленных, около двухсот лошадей и много оружия. У брянцев семнадцать воинов было убито и свыше тридцати ранено.

— А среди взятых, кроме Голофеева, есть ли еще дети боярские? — спросил Василий, когда воевода доложил ему обо всем.

— Есть четверо, княжич.

— Добро, Семен Никитич, пойдем-ка поглядим что там за люди, да рассудим и урядим что надобно.

Осмотрев пострадавших, раны которых обмывали у ручья, а затем перевязывали, обложив листьями подорожника, Василий и Алтухов вышли на дорогу. Справа от нее стояла толпа пленных брянцев, слева группа

отбитых крестьян. Глянув в их сторону, княжич заметил, чуть поодаль от других, миловидную девушку лет семнадцати. Рядом с нею, спиной к дороге, стоял воин в высоких сапогах, колчуге и шлеме, на боку его висела кривая сабля. Он держал девушку за руку и что-то ей говорил, — слов не было слышно, но по счастливому выражению ее разрумянившегося лица нетрудно было догадаться, о чем у них шел разговор.

— Эге, человече, ты, я вижу, времени терять не любишь, — сказал Василий, подходя к этой паре и коснувшись плеча воина рукоятью плети. Дружинник быстро обернулся и княжич с удивлением узнал Лаврушку.

— Вон оно что! — вымолвил он. — Где ж это ты разжился столь знатным доспехом?

— Сбил с седла одного ворога, пресветлый княжич, ну и завладел его справой. В самую пору на меня всё пришлось!

— Ну, молодец! Дружинник теперь ты важный, ничего не скажешь. Вижу и невесту себе заимать успел?

— Да вот, случилась она средь тех людей, что брянцы из Бугров угнали...

— Теперь разумею, почто ты так рвался в битву: зазнобушку свою выручить спешил! Ну, что-ж, значит невдолге и свадьба?

— Не отдают за меня Настю родители, — сокрушенно промолвил Лаврушка. — Бают, голь я перекатная.

— Где же голь, ежли ты ныне княжий дружинник? Не печалуйся, да и ты, Настенька, не кручинься. Коли снадобится, сам буду вашим сватом, авось мне не откажут!

Оставив просиявшую при этих словах пару, Василий обратился к столпившимся вокруг крестьянам:

— Ну, как, мужики, всё свое добро понаходили?

— Благослови тя Христос, пресветлый княжич, спаситель наш, — загалдели крестьяне, кланяясь в землю. — Всё как есть в сохранности оказалось, туточки на телегах всё и было покладено!

— Добро, значит в этом убытка вам нет. Кто у вас тут староста?

— Ежели тебе от Клинковской общины, то я ста-

роста, твоя княжеская милость, — выступил вперед кряжистый, седобородый крестьянин. — А бугровский — вона раненных пользует!

— Нет, мне ты и надобен. Как звать-то тебя?

— Ефимом звать, пресветлый княжич. Робкин я, сын Степанов.

— Скажи, Ефим, сильно погорело ваше село?

— Да, почитай, ничего не осталось, — ответил староста. — Ведь энти аспиды кажную избу порознь подпалили, а в ту пору еще и ветер был.

— Сколько же у вас всего дворов?

— Десять дворов, батюшка.

— А Бугры тоже спалили?

— Не, Бугры токмо пограбили. Видать, дюже поспешали они, анафемы.

— Все одно не ушли! А как мыслишь ты, староста, во что станет отстроить ваше село?

— Да что ж, лесу-то нам не куплять, — вишь сколько его Господь вырастил на потребу людям! А ежели на кажный двор, сверх того, прикинуть серебром гривны[1]) по две, так лучше прежнего построиться и зажить можно.

— Дòбро, — сказал Василий, — получите по три гривны на семью. Да родителя стану просить, чтобы на два года ослобонил вас от податей. Ну, а теперь разбирайте телеги и езжайте с Богом. До ночи в обрат поспеете.

Отойдя от крестьян, земно кланявшихся и выкрикивавших слова благодарности, Василий приблизился к пленным брянцам. Они толпились по другую сторону дороги и слушая, что княжич говорил смердам, толкали друг друга локтями и переглядывались: в Брянщине такого не бывало.

---

[1]) Гривна — основная денежная единица древней Руси. Существовали три типа гривны: золотая, серебряная и кунная. Их стоимость и соотношение менялись в зависимости от эпохи. В 14 веке серебряная гривна заключала около 200 граммов чистого серебра. Золотая гривна ценилась в 6,5 раз дороже, а кунная — в 4 раза дешевле серебряной.

— Ну, вот что, — жестко сказал Василий, обращаясь к ним. — С воеводой вашим и с боярскими детьми разговор у меня будет особый, а сейчас слово мое к простым воям: взял я вас с бою, на своей земле и с поличным, — с поятыми у нас людьми и добром. Войны промеж Брянском и Карачевом ныне нет, и мог бы я вас всех казнить аки татей и разбойников, либо обратить в холопы. Но я того не хочу, ибо ведаю: не своей охотой пошли вы на это подлое дело, а лишь по приказу. Того, кто его дал, судить будет Бог, вас же я отпускаю на волю. Запомните все мое слово, да перескажите другим: карачевские князья никакой русской земле не вороги, чужого они не ищут, но за свою вотчину и за людишек стоят крепко, — то вы сегодня и сами видели. Кони ваши, оружие и доспехи взяты нами в честном бою и, останутся нам. Вы же берите своих убитых да раненых и ступайте с Богом. А ежели кто из вас вдругораз попадется мне за разбоем, разговор с ним уже будет иной: прикажу повесить на первом суку. Тому верьте, ибо слово мое крепко.

— Спаси тя Христос, княжич, — раздались голоса из толпы. — Нешто мы по своей воле пришли? Не даёт Господь Брянщине добрых князей, вот и сами маемся, да и соседям поперек горла стоим!

Из гущи пленных, раздвигая локтями других и подталкивая друг друга, вышли на дорогу три молодых воина. Не говоря ни слова, они опустились на колени и поклонились Василию в землю.

— Сказывайте, чего хотите? — строго спросил княжич.

— Дозволь нам остаться, твоя княжеская милость, — за всех ответил один из воинов. — Тебе и родителю твоему, пресветлому князю Пантелею Мстиславичу хотим служить!

До конца 15 века, все вольные люди, не попавшие еще в прямую зависимость от вотчинников (т. е. в холопы, в закупы или в кабалу), были свободны покинуть земли одного княжества и переселиться в другое. Князь, от которого они уходили, конечно, старался удер-

жать их всеми правдами и неправдами, но на новых местах их обычно принимали охотно, давали землю и на несколько лет освобождали от податей. Таким образом, просьба, высказанная брянцами, не заключала в себе ничего необычного и Василий ответил:

— То ваше право, коли вы вольные люди, а не холопы, и я это право уважу. Ежели воями хотите служить, — велю принять вас в дружину, а коли желаете хозяйствовать, — получите землю и помощь. Но глядите сами: как бы семьям вашим не приключилось худа от брянского князя.

— В дружину твою хотим, княжич, а люди мы вольные и семей у нас нету. Бобыли мы все трое!

— Кабы не семьи да не худòба[1]), почитай все бы до вас утекли, — раздались голоса. — Разве у нас жисть? А уйти и не мысли: князь Глеб Святославич на расправу куды как лют!

Все же еще несколько брянцев выразили жалание остаться на службе у карачевских князей. Приказав всем им возвратить коней и оружие, Василий распорядился, чтобы раненых и убитых карачевцев положили на крестьянские телеги, а затем велел привести Голофеева и пленных боярских детей.

Через несколько минут Никита подвел всех пятерых к огромному дубу, у подножья которого сидел Василий. Как и у остальных, руки у Голофеева были связаны за спиной, но глядел он самоуверенно,почти вызывающе.

— Тебя, Голофеев, по совести, надо бы повесить, — сказал княжич, сдерживая гнев, — поелику ты есть тать и разбойник доброхотный, а не приневоленный. Но я хочу через тебя же исправить то зло, что причинил ты нашей земле. А посему вот тебе мой сказ: будешь ты в железàх сидеть у меня в яме[2]) до той поры, покуда князь твой не пришлет за тебя откуп, тридцать гривен серебра. И пойдут те гривны на отстройку деревни, что ты спалил. Но это не всё: восемь моих дружинников вы

---

[1]) Худобой крестьяне называют свою скотину и домашний скарб.

[2]) Ямой называлась тюрьма, камера заключения.

сегодня посекли насмерть, а пятерых изувечили. Из тех восьми убитых, пятеро были семейные. Каждой осиротевшей семье и каждому покалеченному воину кладу по пяти гривен и то серебро дадите вы, дети боярские, коли хотите выйти на волю. Конь и доспех у тебя таковы, что любому князю впору, — добавил он, обращаясь к Голофееву, — но Никита Толбугин одолел тебя на один и ты обычай знаешь: всё это принадлежит теперь твоему победителю. Захочешь откупить, — ладься с ним, коли будет на то его согласие.

— А не мыслишь ты, княжич, — ухмыляясь сказал Голофеев, — что вместо откупа, князь Глеб Святославич через седмицу сам придет с дружиною вывести меня из твоей ямы, разметавши по бревнышку ваш Карачев?

— Что ж, коли схочет, пусть пробует. Яма та просторная, там и для него места хватит.

— Ты, видать, запамятовал, как не столь еще давно князь наш, Василей Александрович, дядю твоего родного, Святослава Мстиславича, в самом Карачеве живота лишил!

— Замолчи, собака! — в бешенстве крикнул Василий, вскакивая на ноги. — Как смеешь ты передо мною похваляться тем каиновым делом? Богом клянусь: еще слово вылетит из твоего поганого рта и велю тебя повесить тут же, на этом дубе! А откуп твой не тридцать гривен, а шестьдесят! Коль пожалеет за тебя князь твой отдать столько серебра, — минет месяц и голову тебе долой!

Голофеев прикусил язык и сразу утратил свою самоуверенность. Он почувствовал, что Василий без колебаний приведет свою угрозу в исполнение и потому счел за лучшее его больше не раздражать.

Никита отвел пленных дворян к коновязи и не развязывая им рук, всех по очереди, как малых ребят, поднял и усадил верхом на лошадей. Василий тем временем быстрыми шагами вышел на дорогу, где Алтухов уже собрал дружину и закончил приготовления к походу.

— По коням! — скомандовал княжич и отряд тронулся в обратный путь.

ГЛАВА 5

«А пишу вам се слово того для, чтобы не перестала память предков наших и наша, и свеча бы родовая не погасла».

Из духовной грамоты вел. князя Симеона Гордого.

Город Карачев, насчитывавший в ту пору около пяти тысяч жителей, стоял на правом, возвышенном берегу реки Снежети. Укрепленная его часть, в старину называвшаяся детинцем или кремлем, занимала пространство немного более семи десятин, и имела форму неправильного пятиугольника, окруженного рвом и двухсаженным земляным валом.

По срезанному верху этого вала тянулась городская стена, составленная из "городниц", то есть из ряда толстых бревенчатых срубов, приставленных вплотную один к другому. Внутренность этих срубов — клетей заполнялась землей и щебнем. Это образовывало солидную, по тем временам, крепостную стену, высотою сажени в четыре, а толщиною в две. Таким образом, верх стены представлял собою довольно широкую площадку, откуда защитники города во время осады отражали приступы нападающих, сваливая на них камни, поливая горячей смолой и засыпая стрелами.

По внешнему краю этой площадки, для защиты от неприятельских стрел, тянулось "заборало", — высокий забор из толстых дубовых горбылей, — с прорезанными в нем "скважнями" т. е. бойницами. На всех углах стены были выведены бравенчатые башни — "вежи". Такая же башня высилась над главными городскими воротами, выходящими на север. Другие, "малые" ворота были без башни и выходили на юг, к реке.

Внутри этого защищенного стенами пространства помещалась вся основная часть города. Здесь находился обширный княжеский двор с жилыми хоромами и службами, три церкви, дворы и хоромы нескольких карачевских бояр, дома старших служилых людей, оружейные мастерские и склады. Не исключая даже соборного храма, служившего усыпальницей карачевских князей, весь город был построен из дерева.

Стоит отметить, что эту приверженность наших предков к деревянным постройкам, многие почитатели Запада и хулители России всегда склонны были объяснять двумя причинами: недостатком культуры и бедностью. Однако множество как доныне сохранившихся, так и обнаруженных при раскопках каменных церквей, выстроенных почти на заре нашей истории во всех крупнейших городах Руси, совершенно опрокидывает такое предположение. Многие из этих древних церквей поражали современников своим величием и роскошью отделки. Киевский Софийский собор, воздвигнутый в начале одиннадцатого столетия, до сих пор является одним из самых замечательных образцов мировой архитектуры. О "Десятинной" церкви, построенной еще раньше Владимиром Святым, видевшие ее иностранцы говорили, что лишь на небе можно увидеть что-либо более прекрасное. Все это доказывает, что в древней Руси не было недостатка ни в искуснейших зодчих, ни в мастерах каменной кладки, ни в материальных средствах. И если предки наши, строившие эти великолепные каменные храмы, сами предпочитали жить в деревянных дворцах, хоромах и избах, то скорее всего потому, что в условиях сурового русского климата они были удобнее, суше и теплее.

Вплотную к карачевскому кремлю, или собственно городу, примыкал разделенный на улицы посад, в котором жил нрод попроще, — главным образом торговый люд, семьи воинов, находившихся на постоянной службе в Карачеве и различные "умельцы": швецы, сапожники, седельники, плотники, шорники, оружейники, чеканщики и другие. Гончары и кожевники, ремесло ко-

торых нуждалось в близости воды, составляли чуть ниже города отдельную слободу, спускавшуюся к самой реке и частично перекинувшуюся на левый ее берег.

В расположении посадских изб и дворов, огороженных деревянными тынами, не было заметно никакого порядка и потому соединяющие их улицы были причудливо извилисты. Но все они выводили путника на довольно обширную площадь, где стояла посадская церковь и находились торговые ряды.

Посад не был защищен внешними стенами и потому в минуты опасности все его население покидало свои жилища и укрывалось за стенами кремля, принимая посильное участие в его обороне.

Княжеский двор, окруженный высокой стеной из заостренных наверху дубовых бревен, представлял собой как бы внутреннее укрепление. Напротив въездных ворот, в передней части этого двора, стояли обширные жилые хоромы с теремом посредине, выведенные из толстых сосновых бревен на высоком каменном основании и крытые крутой тесовой крышей. По фронту этот дворец — изба занимал сажень двадцать. К средней части его фасада примыкало невысокое, ступеней в шесть крыльцо, крытое трехскатной крышей, спереди опиравшейся на две деревянные колонны, покрытые затейливой резьбой. Резьбою же были изукрашены перила крыльца, наличники и ставни невысоких окон. В тереме окна были большие и широкие, и выходили они на все четыре стороны. На высоком древке, укрепленном на крыше терема, по обычаю пришедшему сюда из Польши, развевался стяг князей Карачевских: на голубом полотнище — архангел Михаил с поднятым мечом в руке.

В передней части двора, возле ворот и вдоль боковых стен, тянулись помещения княжеских дружинников[1])). Позади хором, также примыкая к стенам двора, шли всевозможные службы: амбары, погреба, мыльни, сушильни, людские, поварни, конюшни и прочее. Не-

---

1) В 14 веке дружина чаще уже называлась «княжьим двором». В этой книге название дружины сохранено лишь за младшей ее частью, т. е. за личной гвардией князя.

посредственно за дворцом был разбит небольшой, но тенистый сад, в котором ютилась княжеская баня, за садом шел огород, а в самом конце двора помещались псарня и коровник.

Дворец князя и все его обширное хозяйство обслуживало человек двести дворовых людей [1]) и челяди, состоявшей как из вольных людей, так и из холопов, то-есть лиц попавших, в силу обстоятельств, на положение рабов. Такими обстоятельствами могли быть нарушения закона, женитьба на несвободной женщине без согласия ее хозяина и добровольная продажа самого себя в холопство. Но основная масса холопов состояла из пленных. В те времена русские удельные князья без конца воевали друг с другом и нередко причиною этих войн являлось желание пополнить недостаток в людях за счет соседа.

Но вместе с тем русские князья отнюдь не стремились к установлению рабовладельческого строя и состояние холопства рассматривали как нечто временное и преходящее. Недостаток в рабочих руках и в земледельцах побуждал их захватывать побольше пленных, а чтобы они не ушли обратно, — обращать их в рабство. Но едва лишь эти рабы — холопы обживались на новом месте, им обычно давали вольную или, снабдив землей, переводили на положение зависимых, а потом и вольных крестьян.

Случаи массового и совершенно безвозмездного освобождения рабов были нередки уже в двенадцатом и тринадцатом столетиях, позже они стали еще более частыми. Так, например, сын Дмитрия Донского, великий князь Василий Первый, по завещанию перед смертью отпустил всех своих холопов на волю. После него это вошло в обычай у большинства русских князей и у многих бояр. Освобождение рабов проповедывала и православная церковь.

**
*

---

[1]) Дворовыми людьми князя назывались его придворные. Слуги же назывались челядью.

Минуло две недели после того дня, когда с Пантелеймоном Мстиславичем случился удар. Князь чувствовал себя лучше. К нему постепенно возвратился дар речи, но правая половина тела оставалась почти полностью парализованной и большую часть времени он проводил сидя у окна опочивальни, в глубоком ковровом кресле, в которое не без труда перебирался с постели, при помощи Тишки и других слуг.

По состоянию здоровья Пантелеймон Мстиславич делами управления почти не занимался. Он будто ушел в себя, говорил мало и как бы предчувствуя свой близкий конец, ко всему окружающему относился с вялым равнодушием. Но в Карачеве всё шло обычным порядком. Старый князь, желая приучить сына к самостоятельности, последние годы поручал ему решение большинства дел и называл его своим соправителем.

Василий Пантелеймонович занимался делами государства охотно. В это время ему было уже двадцать семь лет. Образование его нельзя было назвать блестящим, но по тем временам, когда многие удельные князья были вовсе неграмотны, оно все же могло считаться изрядным: он умел читать и писать, хорошо знал счёт, имел верное представление обо всех главнейших государствах Европы и Азии, в общих чертах знал прошлое и настоящее Руси, бегло говорил по-польски и сносно по-татарски. И само собой разумеется, был весьма сведущ в ратном искусстве: не было в ту пору князя, который не умел бы сам водить свои полки и сражаться в первых рядах, подавая воинам пример стойкости и отваги.

Большинством своих не военных познаний Василий был обязан старику монаху, отцу Феоктисту, бывшему его наставником, да случайным встречам с заезжими людьми, расспрашивать которых был он великий охотник. Мать его, Ольга Львовна, дочь галицкого князя, была второю женой Пантелеймона Мстиславича: первая умерла в молодых годах, не оставив потомства. От матери княжич тоже почерпнул многое. Она была женщина умная, не придерживавшаяся слепо старины и хорошо понимавшая недостатки феодального строя. Под ее

влиянием рано понял их и Василий, а понявши стал задумываться о том, как их исправить.

Иногда ему казалось, что он нашел правильные пути и видит возможность наладить лучшую жизнь, хотя бы в пределах своего княжества. Он брался за дело с горячностью, присущей его возрасту и характеру, при снисходительном равнодушии отца и тайном, а часто и явном, недоброжелательстве его ближайших советников. Брался, и вскоре сама жизнь ему показывала, что дело обстоит неизмеримо сложнее чем он думал; что малейшее изменение существующего порядка глубоко затрагивает обычаи, суеверия, самолюбия и интересы ряда лиц и установлений, с которыми ему не под силу бороться, уже хотя бы потому, что на них опирается его собственная власть.

Постепенно он осознал, что с плеча тут рубить нельзя, и что если он хочет что-либо изменить, — ему предстоит длительная и трудная борьба, требующая не только ума и воли, но и тех качеств, которыми он еще вовсе не обладал: терпения, гибкости и спокойной, последовательной настойчивости.

Задумываясь над тяжким положением родной земли, Василий видел, что для успешной борьбы с татарскими завоевателями и для преодоления растлевающего Русь удельного зла, ей нужен единый крепкий Хозяин, слово которого было бы непререкаемым законом для всех, а власть опиралась бы не на боярскую верхушку, а на доверие и поддержку всей русской народной толщи, которая должна видеть в нем свою единственную и естественную защиту от угнетателей внешних и внутренних.

Для появления такого единодержавного Хозяина русская почва еще не была подготовлена, но Василий понимал, что её уже нужно готовить и угадывал в чем должна заключаться эта подготовка: прежде всего не в дальнейшем дроблении на уделы, а наоборот, — в образовании из них более крупных государственных единиц, а также в борьбе за крепкую княжескую власть, и в ослаблении боярского сословия, кровно заинтересо-

ванного именно в том, чтобы крепкой, а тем паче единодержавной княжеской власти на Руси не было.

В сравнительно небольшом и патриархальном княжестве Карачевском бояр было немного и особо заметной роли они не играли. Но и тут они были такими же как везде: спесивыми, думающими лишь о собственной выгоде и непоколебимо уверенными в том, что государство должно служить только их интересам. И если верховный носитель власти подобной точки зрения не разделял и старался подчинить интересы крупных помещиков — бояр общим интересам страны, они любыми путями стремились поставить у власти другого князя, более покладистого, не останавливаясь для этого даже перед изменой и преступлением.

Князь Пантелеймон Мстиславич всё это понимал и не давая боярам особой воли, все же старался с ними ладить. В важных случаях он "думал" с ними "думу", то-есть советовался по делам управления. Василий на этих совещаниях обычно тоже присутствовал и видел, что бояре редко давали князю полезный совет, но зато из всякого положения старались извлечь выгоду для себя. Познав им истинную цену, княжич стал обходиться без их советов и не скрывал от бояр своей неприязни.

Конечно, не все русские бояре были одинаковыми. История указывает нам не мало боярских имен, заслуживающих полного уважения. Их носители оказали родине важные услуги и были ценными помощниками своим государям. Но, во-первых, своих личных и сословных интересов они тоже никогда не забывали, а во-вторых, они все-таки были довольно редким исключением.

В Карачеве подобным исключением являлся Семен Никитич Алтухов, который, по роду и по положению, тоже был боярином. Но будучи прежде всего военным, он привык подчиняться воле князя без особых мудрствований, к тому же он был честен и умён. Василия он понимал и в общем ему сочувствовал, хотя в глубине души некоторые его затеи считал блажью, свойственной молодости и в возможность их осуществления не

верил. Остальные же бояре относились к княжичу с плохо скрываемой ненавистью и хорошо понимали, что их ожидают трудные времена, когда он займет стол "набольшего" князя.

Совсем иным было отношение Василия к детям боярским, то-есть к мелкопоместному дворянству, в котором он видел надежную опору в предстоящей борьбе с боярством. Этот слой средневекового русского общества не был еще развращен ни властью, ни богатством и родной земли своей давал гораздо больше того, что получал. Служилый дворянин жил обычно доходами с небольшого поместья, не превышавшего сотни десятин и с юношеских лет до самой смерти почти не слезал с коня и не выпускал из рук оружия. Если он и не находился постоянно в дружине или при особе князя, то обязан был по первому зову явиться в строй "конно, людно и оружно", то-есть приведя с собой нескольких воинов, вооруженных и снаряженных на его собственный счет. Войны в то время не прекращались и это значило, что дворянин, за право пользованья своим скромным поместьем, платил пожизненной ратной службой, которая оканчивалась обычно его смертью на поле брани.

Служилое дворянство составляло хребет каждой княжеской дружины и конечно, завидовало боярству. Если Василий хотел успешно бороться с последним, — любовь и преданность дружины были ему совершенно необходимы. Он был слишком прям и безыскуственен, чтобы намеренно искать популярности, но этого и не требовалось: в воинской среде он был любим и почитаем за свои личные качества: отвагу, справедливость, щедрость, а также за доступность и открытый нрав. При случае он любил повеселиться в компании с молодыми "боярскими детьми".

Любил Василия и простой народ, чувствовавший его отношение к боярам и видивший в нем своего защитника от их произвола. Конечно, имел он и недостатки, создавшие ему некоторое количество врагов: был горяч и несдержан, а в гневе часто терял власть над своими поступками и словами. Но жертвы подобного гнева

обычно его заслуживали и потому, кроме пострадавших, княжича мало кто осуждал за подобные вспышки.

**
*

С того дня, как Василий разгромил брянский отряд, в сердцах карачевцев жила постоянная тревога: хорошо зная нрав князя Глеба Святославича, все были уверены, что он этого дела так не оставит. Со дня на день можно было ожидать появления его дружины под стенами Карачева.

Сам княжич, учитывая общее положение дел в Брянске, о котором он был хорошо осведомлен через своих "доброхотов", сильно сомневался в том, чтобы Глеб Святославич рискнул сейчас затеять серьезную войну. Но всё же приготовиться и принять некоторые меры предосторожности следовало.

По его распоряжению, у мест возможной переправы через Десну, были поставлены дозоры с хорошо налаженным вестовым гоном, благодаря чему о начале враждебных действий брянского войска Карачев мог быть оповещен уже через три часа. Кроме того, в самый Брянск были засланы верные люди, с наказом внимательно наблюдать за всем происходящим и обо всем важном немедленно извещать Василия. На случай возможной осады, стены карачевского кремля были где надо подправлены, склады пополнены необходимыми запасами, оружие проверено и приведено в боевую готовность. В мастерских и в кузницах стучали молоты и пыхтели горны: там ковали мечи, копья и наконечники для боевых стрел.

Но проходили дни, а все оставалось спокойно. Наконец, от лазутчиков стало известно, что узнав о разгроме своего отряда и о пленении Голофеева, князь Глеб пришел в бешенство и хотел немедля идти на Карачев. Но как только слух о новом походе проник в народ, начались серьезные волнения.

Непрекращающимися войнами своих князей Брянщина была доведена до крайности и могла решиться на всё. При таком положении дел Глеб Святославич боял-

ся уйти с дружиной из города, вполне основательно опасаясь, что брянцы его обратно не впустят, а пригласят к себе другого князя, что на Руси случалось уже не раз. Даже в войске своем он не был уверен: в нижних слоях его, пополняемых из крестьян, давно зрела ненависть к князю, подогретая теперь рассказами отпущенных Василием пленных, участников последнего, неудачного набега. Карачевского княжича открыто сравнивали с Глебом Святославичем и это сравнение никак не шло на пользу последнего.

Князь Глеб хорошо понимал, что в его государстве дело клонится к мятежу. Конечно, еще можно было его предотвратить, но для этого надо было идти на уступки, чем-то облегчить положение народа, вообще предпринять какие-то серьезные шаги, а какие именно, — князь не знал, да и не хотел знать. Он был храбрым воином, но плохим правителем, а идти перед кем-либо — тем паче, перед своими же подданными, — на уступки, было не в его обычае.

В эти дни ему особенно нехватало Голофеева, бывшего одним из его ближайших советников и любимцев. Голофеев был неглуп и горазд на выдумки, он мог бы теперь подсказать князю — что делать. Но Голофеев сидел в плену в Карачеве. Конечно, выкупить его Глебу Святославичу было нетрудно, но посылка выкупа казалась ему унижением перед карачевскими князьями и как бы признанием того, что он не в состоянии отбить своего воеводу силою оружия.

ГЛАВА 6

«Процесс раздробления государства на много мелких княжеств-уделов грозил Руси распадом и постепенным поглощением воинственными соседями, что и случилось с Полоцкой областью и с Галицкой областью, а затем с областями Киевской и Черниговской».

Проф. В. А. Рязановский.

Все эти новости привез из Брянска карачевский боярский сын, у которого там жила замужняя сестра с большой семьей, а потому его легко было заслать туда, якобы в гости, ни в ком не возбуждая каких-либо подозрений. Приехал он нежданно и сразу должен был возвращаться назад, а потому Василий, который в это время полдничал, принял его в малой трапезной карачевского дворца, где в будние дни трапезовали только члены княжеской семьи, да иной раз немногие, наиболее близкие к ней лица.

Это была небольшая, в три окна горница, со стенами облицованными гладко выструганными досками из морёного дуба, украшенными на соединениях искусной резьбой.

При одном взгляде на убранство этой горницы можно было с уверенностью сказать, что хозяева страстно любят охоту и отдают ей немало времени: всё, что тут было видно, имело к ней прямое отношение. Стены были обильно украшены трофеями охоты, — оленьими, лосиными и турьими рогами, чучелами птиц, кабаньими и волчьими головами, развешенными вперемежку с рогатинами, топорами, луками и иным охотничьим оружием. На полу, закрывая его сплошь, лежало несколько медвежьих шкур.

За столом в этот день никого из посторонних не

было. Василий полдничал вдвоем со своей младшей сестрой, княгиней Еленой Пронской. Впрочем, в Карачеве, по старой привычке, все еще продолжали называть ее княжной, и это к ней подходило гораздо больше: от роду ей, правда, шел двадцать второй год, но маленькая, хрупкая, с детскими ямочками на лице, которому придавали особенную прелесть большие голубые глаза, доверчиво глядевшие из-под длинных ресниц, — она казалась почти девочкой.

Года два тому назад, Елена вышла замуж за пронского княжича Василия Александровича и покинула отчий дом. Но сейчас Пронск готовился к войне с Рязанью и не желая подвергать жену опасностям возможной осады, Василий Александрович, не чаявший в ней души, поспешил отправить ее в Карачев, к отцу. Детей у них еще не было.

Брат и сестра горячо любили друг друга. Их мать умерла когда Елене было всего тринадцать лет и девочка всею своей осиротевшей, но уже требующей отклика душой привязалась к Василию. Он, в свою очередь, привык делиться с нею своими мыслями и планами, которые встречали в душе Елены не только понимание, но и восторженное сочувствие.

Подробно расспросив гонца о положении в Брянске, Василий отпустил его и сказал вошедшему с ним Никите:

— Садись, Никитушка, потрапезуй с нами. А коли уже полдничал, медку холодного выпей!

— Благодарствую, Василей Пантелеич, — не чинясь ответил Никита, отстегивая меч и подсаживаясь к столу. — Всё утро маялся с молодыми воями, обучая их сабельному и копейному бою. И лгать не стану: в глотке изрядно пересохло.

— Вот и промочи ее во здравие, — сказал Василий, сам наливая ему меду в оправленный серебром отрезок турьего рога, вместимостью в добрую осьмуху[1]), — да и закуси заодно.

---

[1]) Осьмуха или братина, — старинная мера жидкостей, равная приблизительно литру с четвертью.

На столе стояло несколько серебряных и резных деревянных блюд с холодными закусками. Тут были копченый лосиный язык, студень из поросячьих ножек, рыбий балык и соленые грибы. По знаку Елены, один из двух прислуживавших за столом отроков, поставил перед Никитой кованную серебряную тарелку, а рядом положил нож и двузубую металлическую вилку. В русских княжеских и боярских домах вилкой начали пользоваться с двенадцатого века, тогда как при дворах западноевропейских королей, в том числе французских и английских, ее начали применять лишь в конце семнадцатого, — до этого обходились пальцами.

— Ну, будь здрав, Василей Пантелеич и ты, княгинюшка! — сказал Никита принимая кубок и осушая его до дна. — Теперь ведомо, что войны у нас с Брянском не будет, можно и гулять.

— Что войны не будет, то я и наперёд знал, — промолвил Василий. — Глебу Святославичу не до нас. Самому бы в Брянске усидеть.

— Оно-то так, только мыслил я, что он этого в рассчет не возьмет: уж больно горяч. Сердце разума у него не слушает.

— Не столь он и горяч, как завистлив. Всё норовит свои болячки чужим здоровьем вылечить. Потому и послал Голофеева наших смердов полонять.

— Навряд ли он добром кончит свое княжение, — заметил Никита.

— Ну, а что ему брянцы могут сделать? — спросила Елена. — Нешто не в его руках сила?

— В его руках дружина, Аленушка, — ответил Василий, — да и то до времени. Народ же сильнее всякой дружины. Княжескую власть он чтит и иной себе не мыслит, ибо знает, что в государстве как в семье: коли нет единого хозяина, то и порядка нет. Недаром говорится, что без князя народ сирота. Но ежели князь первым против порядка прёт, — тут уж не обессудь: народ долго терпит, но как лопнет у него терпение, он и не таким как Глеб Святославич от себя путь указывает! Киевляне, к примеру, своею волей не одного великого князя согнали. Вспомни хотя бы предка нашего, Игоря Ольговича. Бывало такое не однажды и в иных княжествах.

— Но ведь он добром стола своего не схочет покинуть! Поди учнёт воевать против своего народа?

— Вестимо, учнёт, коли жив останется, — вставил Никита. — Да еще и татарву наведёт на свою землю. У брянских князей тропка в Орду хорошо проторена.

— Покуда он из Брянска не выйдет и при нем дружина остается, скинуть его впрямь нелегко, — сказал Василий. — Потому и не идёт на нас. Он теперь как на привязи у своего стола.

Трапеза, между тем, продолжалась своим чередом. Когда сидящие за столом отведали закусок и крепких водочных настоек, которые отроки наливали им в небольшие серебряные чарки, — двое слуг, в белых, до колен рубахах, синих шароварах и мягких кожаных ноговицах, внесли в трапезную серебряную мису со щами и пирог с мясом. За этим последовали лапша с курицей, жареный поросенок и блюдо из дичи. К жаркому были поданы вина: красное грузинское и угорское. Наконец принесли заедки[1]): свежие фрукты, вареные в меду ломти дыни и орехи, а к ним сладкое греческое вино.

Елена Пантелеймоновна ела и пила очень мало, зато Василий и Никита отдали должное и яствам, и питиям.

— Доколе же, Господи, земля наша будет кровью исходить? — с тоской промолвила Елена, продолжая начатый разговор. — Ведь не столько от татар ныне Русь страдает, сколь от усобиц княжеских.

— То истина, сестра. Еще и хуже будет, коли станет и далее дробиться Русь наша на уделы. Ей нужны не десятки князей, а один. Собирать надобно землю нашу, а не дробить! Вон московский-то князь, Иван Данилыч, кажись, правильно взялся: всеми правдами и кривдами, и мечом, и мошной, и ярлыками ханскими мнёт под себя соседних князей, одного за другим! И сегодня он на Руси уже большая сила, а погляди с чего начал: Москва-то не столь давно была не важнее нашего Карачева.

---

[1]) Заедки — сладкое, дессерт.

— Сколько крови-то пролить надобно, чтобы всю русскую землю воедино собрать!

—По крайности не за зря та кровь будет пролита, княгинюшка, — заметил Никита. — А досе льется она за то, что каждый для себя хочет урвать кусок от тела матери нашей, Русской земли!

— На куски её давно порвали, — сказал Василий, — а ныне уже те куски на кусочки дерут. Рюриковичей-то всё больше нарождается и каждый хочет хоть на одной волости государем сидеть. Вот взять хотя бы и наше княжество: дед наш, Мстислав Михайлович, над всей Карачевской землей единым государем был. Родитель наш тоже таковым почитается, да уже не то: в Козельске сидит дядя Тит Мстиславич, а в Звенигороде Андрей. Правда, крест они старшему брату целовали, но думка у них одна: как бы и себе стать вольными государями на своих уделах! Покуда князь, батюшка наш, жив, они еще терпят: под его рукою быть им не столь уж обидно. А коли, не дай Бог, помрёт родитель и на большое княжение я сяду, — думаешь так гладко всё и обойдется?

— Того быть не может! — горячо сказала Елена. — Неужто духовную отца своего, Мстислава Михайловича, преступить посмеют? Должны они крест целовать тебе, Васенька!

— Коли будут видеть мою силу, крест они, может и поцелуют. Но только и станут ждать случая, чтобы то крестоцелование свое порушить.

— Сами не смогут, а помощи им в таком воровском деле никто не даст!

— Как знать! Вон дядя-то Андрей Мстиславич, — он тебе из печеного яйца цыпленка высидит! Для попов он первый на Руси человек; женат на литовской княжне и родичу своему, великому князю Гедимину, без масла в душу залез; дочку выдал за новосильского князя, — этот хотя и не вельми большой государь, зато близкий сосед. Словом, он себе друзей и силу подкапливает...

— Господи, ужели же и мы, Карачевские, промеж собой воевать учнём? Неужто же, Васенька, нельзя предварить такую беду?

— Можно, Аленушка. Для этого надобно глаз за всеми иметь, а наипаче силу свою крепить. Таков уж наш век: только силу и чтут, а коли слабость твою увидят, — налетят как волки! К слову, Никита, — как там идет наука молодых воев?

— Ладно идет, княжич. Народ подходящий. Сам ведаешь, в дружину мы берем людей отборных. К лошади все привычны, да и из лука бьют знатно: ведь тут с малолетства всякий начинает промышлять зверя и птицу. Ну, а рукопашный бой постигают борзо, день-деньской только тому их и учим.

— А Лаврушка как?

— Лаврушка, почитай, всех лучше. Сметлив, силён, да и старателен. Добрым воином будет!

— А брянцы, что до нас перешли?

— Этих и учить не надобно: вои бывалые.

— Добро, коли приживутся, поможем им у нас корни пустить. Да и Лаврушке, малость погодя, надобно пособить избу на посаде поставить. Пускай женится на своей Насте.

В этот момент дверь отворилась и в трапезную вошел дворецкий. Это был благообразный седой старик, более полувека служивший карачевским князьям и для всех, кроме членов княжеской семьи, давно уже превратившийся из Феди в Федора Ивановича, что для незнатного человека в те времена почиталось небывалой честью. Поклонившись Василию, он доложил:

— Там, княжич, посланец из Брянска прибыл. Привёз князю Пантелею Мстиславичу слово князя своего, Глеба Святославича.

— Батюшке ты о том сказывал?

— Сказывал. Князь велел тебе посла того принимать.

— А кто послом-то прибыл?

— Сын боярский Маслов Степан, сын Афанасьев.

— Сын боярский? — нахмурился Василий. — Знать не почитает Глеб Святославич князей Карачевских достойными того, чтобы боярина к ним прислать! Ладно, по послу у нас будет и прием. Где он, тот сын боярский?

— У крыльца дожидается, княжич.

— В хоромы его не звать, пусть там и стоит. На крыльце его принимать буду, вот как трапезу окончу.

Прошло не менее часа, прежде чем Василий появился на крыльце. Остановившись на верхней его ступени, он молча посмотрел на стоявшего внизу брянского посла. Тот, также молча, поклонился в пояс.

— Сказывай! — коротко бросил княжич.

— Князь Брянский, Глеб Святославич, брату своему князю Пантелею Мстиславичу, поклон шлет и слово: "пошто ты, князь Пантелей Мстиславич, беглых людишек моих к себе примаешь и помо̀гу им даешь? За то самое воины мои, в малом числе, в вотчину твою посланы были и смердов твоих има̀ли. Войны с тобой не ищу, но ты бы воеводу моего Голофеева и детей боярских брянских в железах доле не держал, а добром бы их пустил, без откупа, на волю. Ино миру промеж нас не быть!"

— Всё сказал? — спросил Василий, когда посол умолк.

— Всё, что наказано было, княжич.

— Теперь слушай и передай своему князю ответ: князь земли Карачевской, Пантелеймон Мстиславич, брату своему, князю Глебу Святославичу поклон шлет и слово: "холопов твоих беглых к себе николи не беру, а вольным людям, отколе бы они ни пришли, место и помо̀гу даю и впредь давать буду, ибо таков на Руси обычай. А Голофеева и детей боярских твоих взял я за татьбу на моей земле и откуп на них положил в пользу людишек ими побитых и пограбленных. И без того откупа их не отпущу. А коли мир между нами ты порушишь и силою схочешь своих людей отбить, — в тот самый час как дружина твоя подступит к Карачеву, Голофеева велю повесить на башне, чтобы всем добро видать было". Я сказал.

Брянский посол поклонился в пояс и сделал шаг назад.

— Погоди, — сказал Василий другим тоном, — теперь, когда с делом покончено, слово мое будет к те-

бе: ты на меня обиды не держи, Степан Афанасьич, то я не тебя, а посла брянского князя на крыльце принимал. А поелику ты больше не посол, а гость, милости прошу в трапезную, нашей хлеб-соли отведать.

***

Никите Толбугину не составило труда вторично пообедать, потчуя брянского гостя, который оказался старым его знакомцем. От крепких настоек и меда язык у сына боярского Маслова скоро развязался и поведал много интересного.

По его словам, народ в Брянске бунтовал почти открыто. По сёлам и деревням ходили странники и юродивые, предвещая скорый конец света и возмущая смердов против бояр и князя, которого называли они антихристом. На минувшей неделе под самым Брянском были сожжены и разграблены вотчины двух бояр, а все их холопы и кабальные смерды ушли в леса. Была сделана попытка поджечь хоромы самого князя, на что он ответил жестокими казнями. Брянский епископ Исаакий увещал Глеба Святославича не доводить дела до крайности и пожалеть народ, но князь словам владыки не внял и приказал своим дружинникам на месте рубить голову всякому, кто станет бунтовать, смущать народ или оказывать неповиновение своим господам и властям.

В общих чертах почти всё это Василий уже знал от своего лазутчика. Выслушав теперь рассказ Маслова, он окончательно убедился в том, что Глеб Святославич, несмотря на свои угрозы, войну с Карачевом начать не сможет, ибо смута в Брянске заварилась всерьез и надолго.

События вскоре подтвердили правоту Василия. Не прошло и недели со дня появления в Карачеве брянского посла, как из Брянска явился другой сын боярский, который сполна вручил Василию откуп, назначенный за Голофеева и других пленников.

— А детей боярских наших их семьи откупают, — добавил он, — князь же Глеб Святославич о том ничего не ведает.

Выслушав посланного и поняв наивную уловку Глеба Святославича, желающего замаскировать свою уступку, Василий усмехаясь ответил:

— То нам всё едино, кто за них откуп дает и кто о том ведает, а кто не ведает. Можешь забирать своих земляков, да посоветуй им вдругораз мне не попадаться!

ГЛАВА 7

В один из следующих дней, вскоре после обеда, Василий, в сопровождении Никиты, выехал из малых ворот карачевского кремля. Любимый его аргамак Садко сверкал богатым убранством да и сам княжич был сегодня одет нарядно: на нем был синий, в талию, кафтан из шелковой камки, с меховыми оторочками и серебряным шитьем, легкие сафьяновые сапоги, расшитые цветным бисером и низкая соболья шапка с голубым верхом. На поясе висела богато оправленная сабля.

Спустившись к берегу, всадники переехали на левый берег Снежети, миновали Заречную слободу, пересекли широкую елань и вскоре очутились у ворот небольшой усадьбы, приютившейся в тени высоких, уже слегка позолоченных осенью кленов. Чуть поодаль от нее, вплотную к опушке леса, лепилась невзрачная деревенька в четыре двора.

Никита, не слезая с коня, откинул щеколду потемневших от времени тесовых ворот и оба въехали во двор усадьбы. Навстречу им, с громким, свирепым лаем, кинулись два лохматых пса, но не пробежав и половины дороги, умолкли и завиляли хвостами. Эти гости были им, очевидно, хорошо знакомы.

С левой стороны широкого, заросшего травой двора, огороженного крепким дубовым тыном, тянулся длинный и низкий навес, справа — несколько изрядно обветшалых служебных построек. В глубине, напротив ворот, стоял на высокой подклети небольшой, в три сруба, деревянный дом под тесовой крышей, с широким крыльцом — балконом. Сзади, под сенью огромной, в два обхвата, липы, виднелась еще одна низкая бревенчатая постройка, — повидимому баня, без кото-

рой на Руси издревле не обходилось ни одно прочно обосновавшееся хозяйство. На всем этом, несмотря на некоторые признаки запущенности, а может быть именно благодаря им, лежала тень того спокойного и ленивого очарования, которое всегда было присуще средне-русским помещичьим усадьбам.

Спешившись и бросив поводья Никите, Василий быстро взошел на крыльцо. Очевидно его уже заметили из окон дома, потому, что дверь в эту минуту открылась и на пороге показалась молодая, очень красивая женщина в голубом сарафане и накинутой на плечи белой вязанной шали. При виде входящего в сени княжича, свежее, как майское утро, лицо ее заалело румянцем, а большие синие глаза, под дугами тонких и темных бровей, вспыхнули радостью.

— Князенька, — промолвила она, — приехал таки, родный мой! Заждалась я тебя...

— Здравствуй Аннушка, — ответил Василий, обнимая прильнувшую к нему хозяйку и нежно целуя ее уста и щеки. — Не мог я все это время к тебе быть: родитель вовсе хвор стал, а делов что ни день, то больше.

— Совсем истосковалась я по тебе, — шептала Аннушка, возвращая поцелуи. — Чего — чего уж только не передумала, тебя дожидаючи!

— Что же думала ты, моя ласточка? Но не говори, я знаю и сам! Думала ты: завелась у Василея другая зазноба и с разлучницей тою делит он время и шепчет ей слова ласковые...

— Ой, ужели-ж то истина? — скорее жеманно, чем всерьез ужаснулась Аннушка, по всей повадке Василия понявшая, что подобная беда ее пока миновала.

— Стало быть угадал? — засмеялся княжич, снова ее целуя.

— Угадал, Василёк, — засмеялась и Аннушка. — Уж тебе ли не знать сердца женского, не ведать всех его страхов и помыслов? — с ноткой ревности в голосе добавила она.

— Что было, то ушло, люба моя. А сейчас для меня лишь ты желанна и с тобою не хочу я мыслить ни о минувшем, ни о грядущем! Был бы я могучим волшебником, — каждый час проведенный с тобой обратил бы я в вечность!

— Как сказка золотая речи твои, мой светлый княжич! И отколе только ты слова такие берешь?

— Для тебя, зоренька, еще и не такие найду!

— Ой, что же это я? — спохватилась вдруг Аннушка, — в сенях тебя держу! Заходи в светлицу, а я сей же миг накажу, чтобы закусить нам подали.

— Не надобно, Аннушка, я не голоден. Вот разве медку холодного велишь поднести, — отказываться не стану.

— И медку поднесу, и закусишь со мною! Ужели хочешь лишить меня такой радости?

— Ну, уж коли то тебе в такую радость, будь по твоему.

Когда молодая хозяйка вышла из светлицы, чтобы отдать нужные распоряжения стряпухе и служанкам, Василий опустился на крытую ковром лавку и глубоко задумался. В памяти его, день за днем, стала воскресать вся история их короткой любви.

Аннушка была дочерью небогатого и многодетного звенигородского дворянина Спицына, служившего в дружине князя Андрея Мстиславича. Однажды в Звенигород прибыл гонцом от карачевского князя немолодой уже сын боярский Данила Кашаев. Он увидел семнадцатилетнюю Аннушку на какой-то гулянке и сразу влюбился в нее без памяти. С нею он не имел случая перемолвиться хотя бы словом, но перед отъездом познакомился с ее отцом, а вскорости прислал и сватов.

Кашаев был мужчиною видным, хорошего роду, имел приличную вотчину под Карачевом и во всех отношениях являлся для Аннушки выгодной партией. А потому ее родители, имевшие еще двух дочек на выданьи, долго ломаться не стали и участь Аннушки была решена, как тогда водилось, без малейшего ее участия в этом деле.

Впрочем Аннушка отнеслась к этому событию довольно спокойно и если поплакала немного, то больше для порядка. Она еще никого не любила. Не любила, разумеется и Кашаева, которого едва видела. Но отвращения он ей тоже не внушал и она рассудила, что если, выдавая замуж, родители с ее желанием все равно не посчитаются, то судьба ее сложилась не столь уж плохо.

Вскоре сыграли свадьбу и Аннушка переселилась в вотчину своего мужа. Кашаеву было под сорок, но человеком он оказался хорошим, жену любил и жили они ладно. Может быть Аннушка по-настоящему полюбила бы мужа и была бы с ним вполне счастлива, если бы в глубине ее души не таилось скорее подсознательное, чем явное, чувство обиды, что он приобрел ее как вещь, не постаравшись даже расположить к себе и не поинтересовавшись — свободно ли ее сердце?

Так прошло около трех лет. За год до описывае-

мых здесь событий, Данила Кашаев, по поручению князя Пантелеймона Мстиславича, отправился однажды, во главе десятка дружинников, в город Елец и по пути встретился с отрядом ордынского посла Кутугана, ехавшего в Смоленскую землю. Кутуган был ханского рода и потому, по установленным еще при Батые порядкам, при встрече с ним полагалось сойти с коня и стать на колени. На Руси этот обычай давно никем не исполнялся, не исполнил его, конечно и Кашаев, к тому же не знавший с кем он встретился.

Кутуган ехал в Смоленск, по поручению великого хана Узбека, наводить там порядки, а потому по дороге не упускал случая показать свою власть. Он приказал своим охранникам стащить русских с коней и поставить на колени насильно. Кашаев, не знавший ни одного слова по-татарски, ничего не понял из того, что кричали окружившие его татары, но когда один из них ударил его плетью по лицу, он выхватил саблю и снес обидчику голову. Через несколько минут его собственная голова, а также головы всех его спутников, отделенные от туловищ кривыми татарскими саблями, лежали в придорожной канаве.

Аннушка, которой едва пошел двадцать второй год, осталась вдовой, с годовалой дочкой на руках. Вотчина, унаследованная от мужа, давала ей возможность безбедного существования, но жизнь ее, протекавшая в обществе нескольких дворовых людей, была печальна и одинока.

Василия она впервые увидела на похоронах мужа, но, поглощенная своим горем, не обратила на него особого внимания. Зато он был поражен редкой красотой Аннушки и тронут ее несчастьем. После отпевания, он приблизился к ней, в теплых словах выразил свое сочувствие и спросил, чем может князь помочь семье своего верного слуги? Она ответила, что ей ничего не нужно, но в душе сохранила к нему чувство признательности и в дальнейшие дни одиночества не раз вспоминала его ласковый голос. Василий же ни на минуту не мог забыть Аннушку. Казалось, нежный образ ее раскаленным резцом вырезан в его памяти и стал ее неотъемли-

мой частью. Он легко увлекался женщинами, любовь испытал уже не однажды, но на этот раз чувство его было глубже и сильней.

Через месяц Василий просил у отца дозволения отправить вдове Кашаевой несколько возов различных припасов и подарков, в виде вспомоществования. Это было в порядке вещей: семьям убитых дружинников карачевские князья всегда оказывали подобную помощь. Но Василий просил гораздо больше обычного, да и в голосе его послышалось князю что-то особое. Он понимающе глянул на потупившегося сына и с легкой усмешкой сказал:

— Женить тебя надобно, Василей. Путаешься ты нивесть с кем, а давно уже пора тебе помыслить о своей собственной семье и о продолжении рода.

— Еще успеется, батюшка, — ответил Василий, как всегда отвечал, когда отец заводил разговор о его женитьбе. — Жениться мне надобно с пользою для государства нашего, а также чтобы за жену не было стыдно перед людьми. А невесты такой я покуда не вижу...

— Не видишь потому, что не ищешь, — проворчал старый князь и дал Василию просимое разрешение. Единственного сына своего он нежно любил, гордился им и стеснять его свободы не хотел.

Василий отправил Аннушке княжьи дары, а через несколько дней поехал к ней, в сопровождении Никиты, чтобы узнать, — как он сам себя старался уверить, — все ли ею получено и не нужно ли еще чего?

Это их свидание было недолгим. Аннушка сдержанно и просто благодарила Василия за заботу, он был почтителен и несколько натянут. Ее траур сковывал ему язык и она понимала это. Словами ничего в этот день не было произнесено, но глазами было сказано, а чувствами понято многое. С этого дня и она уже думала о нем непрестанно.

В следующий раз Василий приехал только через два месяца, показавшиеся им обоим двумя столетиями. Был конец ноября, земля уже покоилась под толстым покровом снега, но когда закоченевший в дороге кня-

жич вошел из сеней в Аннушкину горницу, ему показалось, что сама весна шагнула к нему навстречу. В этот миг слова были излишни и он молча сжал ее в объятиях.

С тех пор он ездил сюда так часто, как только позволяли ему обстоятельства, и привязывался к Аннушке всё больше. Она была жизнерадостна, с нею никогда не бывало скучно, а любящим сердцем своим умела безошибочно улавливать все оттенки его настроений.

Много раз, пытаясь разобраться в своих чувствах, Василий спрашивал себя, что это: более сильное, чем обычно, увлечение или же настоящая, единственная в жизни человека любовь? Сам себе в том не признаваясь, он страшился последнего. Страшился, ибо понимал, что в этом случае неравенство положений встанет на их пути почти непреодолимой стеной. Пойдя напролом, жениться на Аннушке он, конечно, мог. Но это значило бы лишиться благословения отца, вызвать негодование всей родни и стать на Руси притчей во языцех. Даже на боярских дочерях князья женились очень редко, брак же его со вдовой безвестного служилого дворянина, неминуемо был бы воспринят всеми как недостойный и даже скандальный.

Конечно, в маленьком Карачеве, где каждый шаг Василия был на виду, вскоре все узнали об этой связи. Но, кроме личных недоброжелателей княжича, никто их строго не судил: оба они были людьми свободными от каких-либо семейных уз, всякий понимал, что повенчаться они не могут, а нравы в те времена не отличались чрезмерной строгостью. Все же, отправляясь в Кашаевку, Василий всегда звал с собою Никиту, который, приехав в усадьбу, тотчас находил себе какое-либо занятие: чаще всего брал один из охотничьих луков покойного Данилы Ивановича и уходил в ближайший лес на охоту, а иногда принимался наводить порядок в хозяйстве Аннушки, указывая дворовым, что и как надо сделать или починить. Случалось, что у них что-нибудь не ладилось, тогда он брался за дело сам и любо было посмотреть, как все спорилось в его богатырских руках.

Сегодня день был погожий и Никита предпочёл охоту. Пока Аннушка хлопотала на кухне, он вошел в дом, поглядел на задумавшегося княжича, снял со стены лук и колчан со стрелами и молча исчез.

Вскоре из сеней бесшумно вошла смуглая босоногая девушка и стала проворно собирать на стол. Ее появление вывело Василия из задумчивости. Он поднял голову и рассеянным взглядом скользнул по стенам светлицы. Они были обшиты гладко выструганными березовыми досками, принявшими от времени мягкий янтарно-розоватый цвет. Вдоль одной из стен, почти во всю ее ширину, стоял довольно высокий деревянный ларь с украшенной резьбою крышкой. Над ним в несколько рядов тянулись полки, уставленные посудой и домашней утварью. На трех других стенах были развешены резные деревянные блюда, вышивки, оружие и охотничьи трофеи покойного хозяина. Убранство горницы дополняли несколько широких, крытых домотканными коврами лавок и обеденный стол, стоявший посредине. Все эти вещи и отдельные части простой и скромной обстановки, казались так хорошо обжитыми и так гармонично слаженными между собой, что выйдя отсюда их немыслимо было вспомнить и представить себе порознь или расположенными в каком-либо ином порядке.

Два низких окна были затянуты полупрозрачными пленками из высушенных бычьих пузырей. Оконная слюда стоила тогда очень дорого и была доступна только богатым людям. В комнатах, когда окна были закрыты, всегда царил полумрак и в случае надобности их освещали лучиной, а в более состоятельных домах — восковыми свечами.

Но вот появилась и Аннушка. Сев за стол, она была непритворно счастлива и оживлена, весёлый смех ее то и дело рассыпался по горнице. Как бедняку нерастраченная еще серебряная гривна кажется несметным богатством, так и ей этот подаренный судьбою вечер мнился неисчерпаемым морем радости. Любимый был с нею и не хотелось думать о том, что за считанными

минутами счастья последуют, как всегда, тягостные дни тоски и одиночества, что подлинная его жизнь проходит где-то стороной и никогда не сольется с ее жизнью...

Однако, по мере того как двигалось время, неумолимо приближая час новой разлуки, смех ее звучал всё реже и теперь уже Василий, хорошо понимавший причину этого, — нарочитой веселостью и шутками старался поддерживать ее бодрость. Наконец он поднялся и стал прощаться. Аннушка вышла проводить его на крыльцо.

Стоял сентябрь и желтая осенняя седина уже настойчиво вплеталась в зеленые кудри природы. Были поздние сумерки. С реки поднималась лиловая дымка тумана и как тихая грусть наплывала на луг. В невесёлом, притихшем лесу однообразно и вяло перекликались сычи.

— Ох, ноет мое сердце, Васенька, — тихо сказала Аннушка, прижимаясь к княжичу, — будто какое несчастье чует...

— Полно, звездочка! Какое несчастье может чуять оно, коли счастье наше еще на заре своей?

— Сама не ведаю. Прежде того не бывало, а вот ныне всё чаще мне мнится, будто ходит вокруг неминучая злая беда и скоро найдет нас...

— Не думай о том, Аннушка, то блажь пустая. Много радости еще у нас впереди. Ну, прощай, родная, Христос с тобой, — добавил он, целуя её. — Вскорости опять к тебе буду!

— Прощай, Василёк, храни тебя Господь от всякого зла, — стараясь скрыть слезы промолвила Аннушка, крестя Василия, — ан и сам ты себя береги, любимый мой!

***

На обратном пути княжич, еще поглощенный своими чувствами, долго молчал. Молчал и Никита, ехавший рядом с ним, понурив голову и думая о чем-то своем.

— Эх, Никитушка, — промолвил наконец Василий, — хороша все-таки жизнь, особливо когда любишь и когда тебя любят!

Никита ничего не ответил, только вздохнул тяжело. Это удивило Василия и он обернулся к своему стремяному.

— Ты что это голову повесил? Али николи не любил?

— Любил, княжич, — помолчав ответил Никита. — Да и сейчас люблю.

— Ишь ты, а мне и невдомёк было! Кто же она?

— Того не спрашивай, Василей Пантелеич, — даже и тебе сказать не могу.

— Вон что! Ну, пожду, — женишься, тогда и узнаю.

— Не узнаешь, потому что женою моею ей николи не быть.

— Почто так? Али не люб ты ей?

— Не люб. Да и не ведает она о любви моей.

— Почто ж ты ей не открылся?

— То бы и прежде ни к чему не привело: не ровня я ей... Ну, а ныне за другим уж она.

Внезапная догадка озарила Василия и он с сочувствием посмотрел на своего верного слугу и друга.

— Ну, коли так, делать нечего, — после долгого молчания промолвил он. — В жизни нашей, видать, не всё ладно устроено: многим дороги к счастью заказаны... Но ты не дуже кручинься. Другую тебе надобно искать, да и полно!

— Нет, Василей Пантелеич, другую искать не стану, — грустно сказал Никита.

— Что, аль зарок дал?

— Зарока не давал, да сердце, кажись, само зареклось...

Разговор оборвался и через несколько минут всадники молча въехали в ворота кремля.

ГЛАВА 8

«Воля князя-владельца, завещателя, — вот единственное юридическое основание порядка наследования, действовавшее в 14-15 веках во всех удельных княжествах».

Проф. В. Ключевский.

Едва успел Василий войти в свои покои и отстегнуть саблю, как к нему явился дворецкий и объявил, что князь Пантелеймон Мстиславич уже два раза посылал за ним и ожидает в своей опочивальне.

— Ан приключилось что, Федя? — спросил встревоженный Василий.

— Кажись, ничего нет, — ответил дворецкий, — и пошто тебя князь звал, мне не ведомо.

— А здрав ли родитель?

— Сам знаешь, княжич, какое теперь его здоровье. А хуже ему, будто, не стало.

Не задавая больше вопросов, Василий направился в опочивальню отца. Пантелеймон Мстиславич сидел в своем кресле, возле стола, на котором горело, в серебряном свечнике, несколько толстых восковых свечей. Возле окна, позевывая, сидел на лавке постельничий Тишка.

Перекрестившись на божницу, Василий в пояс поклонился отцу и спросил:

— Ты звал меня, батюшка?

— Садись, — не отвечая на его вопрос сказал князь, указывая глазами на лавку, которая стояла по другую сторону стола, — разговор у нас будет долгий... Тиш-

ка, выйди отсель, да сюда никого не пускать, покуда сам не позову.

Василий сел на указанное ему место и взглянул на отца. За последнее время князь заметно постарел. Борода его и длинные, еще густые волосы были совершенно белы, а на лице появилось несколько новых морщин. Но глаза были ясны и глядели на сына твердо и сосредоточенно.

— Настала пора говорить нам о главном, — медленно начал он. — Видно, близок мой час. Смерть, чаю, придет внезапно, а еще того раньше, может, снова отнимется мой язык. Потому и призвал тебя, чтобы наставить на княжение, поколе есть еще время...

— Полно, батюшка, что это ты? Бог даст поживешь еще не мало годов... — начал было Василий, но старик сурово оборвал его:

— Помолчи и слушай! Не баба я, чтобы меня байками утешать! Смерти не страшусь и готов предстать перед престолом Господним, ибо совесть моя чиста. А ты готовься ко княжению и верши его так, чтобы в смертный час свой то ж и о себе мог сказать.

Пантелеймон Мстиславич помолчал минуту и затем продолжал:

— Ты уже не отрок, а зрелый муж. Править государством можешь, да и навык к тому имеешь не малый. Но всё же многому надобно тебе еще научиться и во многом себя обуздать. Допрежь всего, ты больно скор да горяч, а княжеством управлять, — то не за зайцами гоняться. Многие твои думки я знаю и вот что тебе скажу: прежде нежели в чем ломать старину, сколь бы худою она ни казалась, — сто раз прикинь и так, и эдак, — что из того произойти может? Помни твердо: по старине будешь править, — проживешь спокойно и люди тебя поддержат. Порушишь старину, — наживешь ворогов множество и может дело так обернуться, что и другим добра не содеешь, а и сам пропадешь.

— Теперь другое, — продолжал он после небольшой паузы: — с боярами ты очень уж крут. Спору нет, потачки им давать нельзя. Будешь слаб, — всю твою власть приберут к себе и учнут лихоимствовать да на-

род кабалить. В прежние времена были они князю первые поможники, ну, а теперь зажирели и много о себе понимать стали. Сильный князь ныне им никак не с руки. Однако ломать их надобно с умом и не до конца. С умом, ибо они сильны и пойдут на всё: вспомни хотя бы князя суздальского, Андрея Юрьевича, ими убиенного... Почему до конца ломать их не след, о том речь будет впереди. Княжеской власти потребна опора и ведаю я, что опорой власти своей мыслишь ты сделать боярских детей. На твой век оно, может и не плохо. Но ежели о грядущем помыслить, то всё это к тому же и вернётся: наберут иные дети боярские богатства и силы, а там и за властью потянутся.

Помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, старый князь продолжал:

— Единственной верной и крепкой опорой княжьего правления может быть токмо народ и ты это помни всегда. Народ — сила великая и не ищет он ни богатства, ни власти, а токмо защиты от богатых и властных. И в князе своем должен он видеть, допрежь всего, такого защитника. Крепкая княжеская власть нужна ему, как заслон от на̀больших врагов его, — крупных вотчинников. Стало быть, коли хочешь иметь опору в народе, — его, когда надобно, защити. И по той же причине не гоже крушить боярство до конца: поколе оно есть и народ опасается его усиления, он за умного и доброго князя крепче держаться будет. Уразумел ты мысль мою?

— Уразумел, батюшка. Великою мудростью благословил тя Господь!

— Ладь и с попами, — продолжал князь. — Вестимо, средь них многие очи к небу возводят, а руками по земле шарят. Люди они, как и все. Кое-что им надобно давать, ибо в православии главная сила всей земли нашей русской: только оно ее воедино вяжет и покуда крепко оно, с ним земля наша против всех ворогов устоит. А потому всякую поруху вере нашей православной, отколе бы она ни шла, — надобно выжигать каленым железом. Татары же, благодарение Создателю, на веру нашу ни в чем не посягают и церковь нашу чтут.

К слову, татары-то ныне уже не те, что прежде. Редко мы их на земле своей и видим. Ежели бы не наши русские усобицы, так и вовсе сбросить их со своей шеи было бы возможно. И час тот уже недалек: Русь крепнет, а Орда расшатывается. Поколе жив еще царь Узбек, государство его сильно, а умрёт он и почнётся у ни развал. Недаром узбековы сыновья загодя друг друга режут.

— Но с татарами твое дело маленькое, — слегка передохнув добавил Пантелеймон Мстиславич: -- один ты в поле не воин. А коли встанет на них вся Русская земля, то и ты вставай. Почин тому кто-нибудь из великих князей положить должен, московский, либо тверской. Сам ты войны ни с кем не ищи, но вотчину свою, а наипаче дружину, крепи. То тебе всегда сгодится: вон уже и Литва на нас рот раззевает, да и с Брянском тебе будет хлопот вдосталь.

— С Брянском я управлюсь, батюшка, — сказал Василий. — Глеб Святославич там такую кашу заварил, что у меня в самом народе брянском пособники и доброхоты сыщутся. И притом немало.

— То мне ведомо. Ведомо и другое: разумом ты силен, сердцем чист и рука у тебя твердая. Править нашим государством будешь ты дòбро, в том сумнения не имею. Однако, всё что я досе сказал, то еще не главное... Ждет тебя кой-что и похуже...

Князь оборвал свою речь и глубоко задумался. Было видно, что ему неприятно и тяжело переходить к новой теме, но он сделал над собой усилие и продолжал:

— О дядьях твоих говорю, о братьях моих молодших. Трудно тебе с ними будет... Я их в Карачев призову и коли приедут, — еще при жизни своей заставлю тебе крест целовать. Но могут и не приехать, отбрешутся чем-нибудь... Чую я, добром они под твоей рукой оставаться не схотят: как же, они, мол, старики, Мстиславичи, а ты токмо братанич их[1]). Но право твое на большое княжение нерушимо, ибо по мне ты старший в ро-

---

[1]) Братàнич — племянник, сын старшего брата. Сын младшего — братèльник.

ду нашем. Тако же и в духовной отца моего указано, что после смерти моей княжить в Карачеве надлежит тебе.

При последних словах Пантелеймон Мстиславич здоровой рукой откинул крышку резного кипарисового ларца, стоявшего на столе, достал оттуда свернутый в трубку лист пергамента и протянул его Василию.

— На, читай в голос, — сказал он.

Повинуясь отцу, княжич бережно развернул пергамент. Это была духовная грамота[1]) его деда, Мстислава Михайловича, первого князя карачевского. Она была написана на продолговатом листе тонкой телячьей кожи, выделанной до глянца. Текст ее был четко выведен чернью, а заглавная буква киноварью. Василий приблизил документ к свечнику и прочел:

— "Во имя Отца и Сына и Святого Духа: се аз, раб Божий грешный Мстислав, а во святом крещении Михайло, княж Михайлов сын, Карачевской земли князь и Козельской, готовяся стати пред Богом, писах сю грамоту своим целым умом и в здравьи. Аще Бог живота моего возьмет, даю ряд сынам своим и се есмь раздел им учинил:

"Се приказал сыну своему большему Святославу большое княжение и дал есмь ему стольный Карачев, Елец да Мосальск со всеми волостьми и уезды, а також Серпейск и Кромы с волостьми и уезды и что в них есть сёл и деревень то все ему. А се даю сыну своему Пантелеймону Козельск и Лихвин и Белев с волостьми и уезды, деревни и сёла. А се дал есмь сыну своему Титу Звенигород с уездом, а сыну своему меньшому Ондрею город Болхов со всеми волостьми. А что останется золота, судов серебряных, жемчуга, каменьев, блюд и чаш многоценных, соболей и иных порт моих, тем поделятся сынове мои, а по церквам роздать два ста рубли. А что людей моих и стадов, то всем по равну.

"А се мой наказ: коль преставится князь Свято-

---

[1]) Духовная грамота — завещание.

Во имя отца и сына и святаго духа се азъ рабъ бо-
жии грешныи Мстиславъ [illegible] ъ [illegible]ечнини михаила-
кнам [illegible] михаиловъ сынъ Карачевскои [illegible] и князь и Козелес-
кои [illegible] стати предъ [illegible] псахъ сию грамоту своимъ
цѣлымъ умомъ [illegible] а уе [illegible] ивота моего возмеетъ
дающее сынимъ своимъ что есть раздѣлаю имъ у чинилъ
Се приказалъ сыну своему болшому Святославу болшое
княжение [illegible] столъною Карачевъ ж сцъ да
[illegible] ж [illegible] и поуезды а таковже Серпѣйскъ
и кромы [illegible] в волостьми [illegible] ьсть села и деревень то
всеему А се даю сыну своему Пантелѣимону Козелескъ
[illegible] волости и оуѣзды деревни и села
А се далъ есмь сыну своему [illegible] итуз [illegible] городъ с оуѣздом
А се сыну своему меншому Ондрею городъ Волхов с своее
волостьми [illegible] что с[illegible]оу станетъ золота судовъ серебряныхъ
[illegible] камень [illegible] блюди [illegible] много [illegible] [illegible]
[illegible] тѣм подѣлатися сынове моиа по це [illegible]
[illegible] да дать [illegible] то людей моихъ и стадовъ то [illegible]
А се моиа [illegible] коли преставится къ [illegible]
Карачеве [illegible] старшому сыну [illegible] ково [illegible]
[illegible] на болшомъ княжении [illegible] ому [illegible] Пантелѣи
мону а по смерти его [illegible] и старшому его Пантелѣимона сыну и
[illegible] держати [illegible]
столнаго [illegible] у тити [illegible] мѣсто [illegible]
[illegible] в совѣтъ [illegible]
болшои [illegible] судити [illegible] воле [illegible]
[illegible] порушитъ [illegible] будетъ [illegible] судъ [illegible]
[illegible] родомъ [illegible] говорити [illegible]
Писана лѣта [illegible] м[illegible] ноябрь в [illegible] на памят [illegible]
архангела Михаила а на се послухи отецъ мои [illegible]
да [illegible] Кром[illegible] [illegible] и Михеи

слав, сидети в Карачеве его старшому сыну, а коль сынов ему Бог не даст, сидети на большом княжении старшому по нем брату, князю Пантелеймону, а по смерти его паки старшому его, Пантелеймона сыну. И тако наследие наше в потомках держать, а молодшим князьям стольного князя чтити в отца место и из воли его не выходить. И быть всем дружны и усобиц не заводить, а кто заведет, того большой князь судить и казнить волен.

"Аще же кто волю мою в том порушит, да падет на того мое проклятие навек и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Богом.

"Писана лета 6795[1]) месяца ноября 8 день, на память святого архангела Михаила. А се послухи: отец мой душевный Некодим, да поп покровский Михей".

Внизу листа, скрепляя концы плетеной тесьмы, продетой сквозь пергамент, висела большая печать красного воска. На ней хорошо можно было разобрать неровную круговую надпись: "Печать князя Мстислава Михайловича". В центре печати виднелся оттиск изображения архангела Михаила, с мечом в руке.

— Ну вот, — сказал Пантелеймон Мстиславич, когда Василий кончил читать и свернул пергамент, — сам видишь, сумнения тут быть не может. Духовную эту по смерти моей возьми и береги как святыню. В ней вся твоя сила. И с нею в руках дядьев твоих заставь крест целовать, коли я того сделать не успею. Только, хотя они крест и поцелуют, добра ты от них не жди. Наперво каждый из них схочет в своем уделе быть вольным государем, и это бы еще полгоря. А то могут вкупе супротив тебя подняться, чтобы с большого княжения ссадить... И ты вот куда гляди: Тит с татарами хорош, а Андрей с Литвой. Опасайся больше Андрея. Тит прост и коли пойдет, то напролом, а Андрей хитер. Этот с виду будет покорный и ласковый, а с тем и тебя, и Тита спробует обойти...

---

[1]) 1287 год христианской эры.

— Не единожды и я о том помышлял, батюшка, — промолвил Василий, когда старый князь умолк и, казалось, погрузился в раздумье. — Но только тут я тоже кое-чего удумал и мнится мне, что обломать их сумею, хотя, может и не вдруг.

— Тому верю, — сказал Пантелеймон Мстиславич, — но княжение твое будет вельми трудным и ты к этому будь готов. Наипаче же в делах своих николи не забывай, что ты правнук родной великого князя Михаила Черниговского, который лютую смерть предпочел унижению. Свято блюди честь рода нашего, ибо по высоте и древности нет ему равного, быть может, на целой земле.

— Славными предками нашими клянусь, — взволнованно сказал Василий, — что бесчестья роду нашему от меня вовек не будет!

— Добро, сын. А теперь слушай последнее мое слово: жениться тебе надобно. Оно бы давно пора, да неволить тебя до времени я не хотел.

— Батюшка... — начал было Василий, но отец оборвал его:

— Помолчи! Шашни твои со вдовой Кашаевой мне ведомы. Но всякому овощу свое время, и блажь ту, вступивши на княжение, тебе надобно пресечь. Князю без семьи быть не гоже, да и о наследнике нужно помыслить. О невесте для тебя подхожей я думал немало и коли хочешь послушать доброго моего совета, — женился бы ты на княжне Ольге, дочери муромского князя Юрия Ярославича. Все, кто ее видел, сказывают, что собою она писаная красавица, умна и годов ей не более двадцати. Род ее тоже не хуже нашего. Сказать правду, я уже князю Юрию Ярославичу намек на то сделал и знаю, что породниться с нами он тоже не прочь. Остальное в твоих руках и ты о том крепко подумай. Я же так мыслю, что лучшей невесты, чем Ольга Юрьевна, тебе и желать нечего и чаю, будет она тебе доброй женой. Ну вот, теперь я тебе все сказал и как придет мой час, покину сей мир спокойно. А сейчас подойди: благословлю тебя и ступай с Богом.

Василий подошел к отцу и опустился на колени. Князь плохо повинующейся ему рукой перекрестил его трижды, потом нежно поцеловал в лоб. Стоя на коленях и припав губами к руке отца, Василий беззвучно плакал.

ГЛАВА 9.

«О, возлюбленнии князи русьскыи, не прельщайтесь пустошною славою света сего, яко хуже паучины есть. Не обидьте меньших си сродников своих, ангелы бо видят лице отца вашего иже есть на небесех».

Троицкий летописец.

За время долгого княжения Мстислава Михайловича, который весьма заботился о восстановлении своих земель, — город Козельск, до основания разрушенный ордой Батыя, не только отстроился полностью, но и вырос по количеству населения. Только укреплен он был значительно слабее чем прежде: как Мстислав Михайлович, так и сын его Пантелеймон, владевший Козельском до вступления на карачевский стол, были миролюбивы и предпочитали расходовать средства не на крепости, а на то чтобы поднять благосостояние края.

Таким образом, в четырнадцатом веке Козельск лишь в центральной своей части был обнесен крепким, стоящим на земляном валу тыном из дубовых бревен, да в самой возвышенной точке имел деревянную сторожевую башню, которая была скорее противопожарным сооружением, чем военным.

Внутри огороженного пространства, недалеко от обрывистого берега реки Жиздры, стояли княжеские хоромы, построенные еще Пантелеймоном Мстиславичем. Это было приземистое, скромное по виду строение, состоящее из нескольких соединенных между собой деревянных срубов, с высоким крыльцом и традиционным теремом посредине. В настоящее время здесь жил со

своим многочисленным семейством князь Тит Мстиславич, перешедший в Козельск из Звенигорода, после того как старший брат его вступил на большое княжение.

Князь Тит был рачительным хозяином и по натуре прижимистым человеком. Будучи не самостоятельным, а зависимым князем, то-есть, по существу, лишь крупным помещиком с княжеским титулом, он на показную сторону жизни особого внимания не обращал, роскошью пренебрегал и дружину держал очень небольшую, хорошо понимая, что воевать с кем-нибудь все равно не сможет. Зато он обладал изрядным количеством пахотных крестьян, отлично наладил все отрасли своего обширного, охватывающего целый уезд хозяйства и денежки у него водились.

Он был честолюбив, но это было честолюбие помещика, а не князя: Тит Мстиславич жаждал не столько власти, как богатства и во власти видел прежде всего способ быстрого и легкого обогащения. Как следствие подобного образа мыслей, мечты его не останавливались на достижении независимости в Козельском уделе. Он прекрасно понимал, что такая овчина не стоит выделки: для того, чтобы добиться независимости, нужно будет идти на большие жертвы, а чем они окупятся, даже в случае успеха? — Останется та же земельная площадь, то же количество рабочих рук и те же хозяйственные возможности, а расходов прибавится и притом немало: надобно будет держать большую дружину, да и жить придется пошире, как подобает самостоятельному государю.

Нет, ему бы не пустяками заниматься в маленьком Козельске, а сесть на большое княжение в Карачеве! Шесть или семь городов с богатыми и обширными уездами прибавились бы тогда к его вотчине, десятки тысяч смердов обогащали бы его казну. Вот это хозяйство! И всем сыновьям хватило бы уделов. А так — куда их пристроишь? По деревням сажать, как детей боярских, что ли?

Вестимо, покуда в Карачеве княжит старшой брат, Пантелеймон, об этом и помышлять грешно. Но Панте-

леймон стар и здоровьем слаб. Коли он умрет, неужто на большом княжении сидеть мальчишке Василею? А ведь сядет и ничего тут, пожалуй, не сделаешь: на его стороне и сила, и право. Такова была воля отца и государя Мстислава Михайловича, чтобы братанич держал под своей рукою родных дядьев. И угораздило же родителя так распорядиться наследием и такую обиду учинить младшим своим сынам!

Так думал князь Тит и мысли эти особенно настойчиво стали одолевать его после того, как боярин Шестак пригнал в Козельск гонца с извещением, что Пантелеймон Мстиславич тяжко захворал и дни его сочтены.

Через две недели после событий, описанных в предыдущей главе, в трапезной козельского князя, за широким дубовым столом, крытым вышитой полотняной скатертью, сидели, потягивая мёд, четверо собеседников: сам хозяин, Тит Мстиславич, — невысокий и худощавый мужчина угрюмого вида, с изрядно уже поседевшей рыжей бородой; его старший сын Святослав, человек лет тридцати, тоже невысокий и рыжий, чем-то напоминающий лису; знакомый уже нам боярин Шестак и наконец, князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Это был высокий, крепкий мужчина, весь облик которого дышал внешним благообразием. Волнистая русая борода его веером стелилась по груди, лицо было чисто и бело, а ласковые голубые глаза глядели на собеседника почти с детской доверчивостью. Словом, у Андрея Мстиславича была выгодная внешность: она сразу располагала к нему людей. И разве-что очень тонкий наблюдатель заметил бы в его словах и манерах нечто наигранное и рассчитанное. Князь Андрей так хотел и так привык нравиться окружающим, что совершенно непроизвольно уже, применял для этого целый ряд мелких, выработанных практикой и перешедших в привычку приемов.

Вот и сейчас, картинно откинувшись на спинку резного кресла и поглаживая унизанной перстнями рукой свою великолепную бороду, он подчеркнуто внимательно слушал державшего речь боярина Шестака.

— Так вот, — говорил боярин, — как сведал я о том, что князь Пантелей Мстиславич вызвал к себе Василея и с глазу на глаз наставлял его ажно за полночь, — я в тот же час послал гонца в Звенигород, чтобы упредить тебя, Андрей Мстиславич, а сам через седьмицу, сказавши всем, что еду в свою дальнюю вотчину, пустился в путь и прямо в Козельск! Ныне же надобно нам, всем вместях, крепко подумать о грядущем и о том, что ждет нас по смерти Пантелея Мстиславича.

— А почто мыслишь ты, боярин, что смерть его столь близка? — угрюмо спросил князь Тит.

— Тому предвестий есть немало. Допрежь всего, так Ипат баит, а он в этих делах гораздо сведущ. Да и без Ипата видать, что великий князь день ото дня слабнет. Знать и сам он свою близкую кончину чует, коли ночью призывал сына и наставлял его на княжение.

— Отколь тебе ведомо, что наставлял? Мало ли о чем отец с сыном могут гутарить?

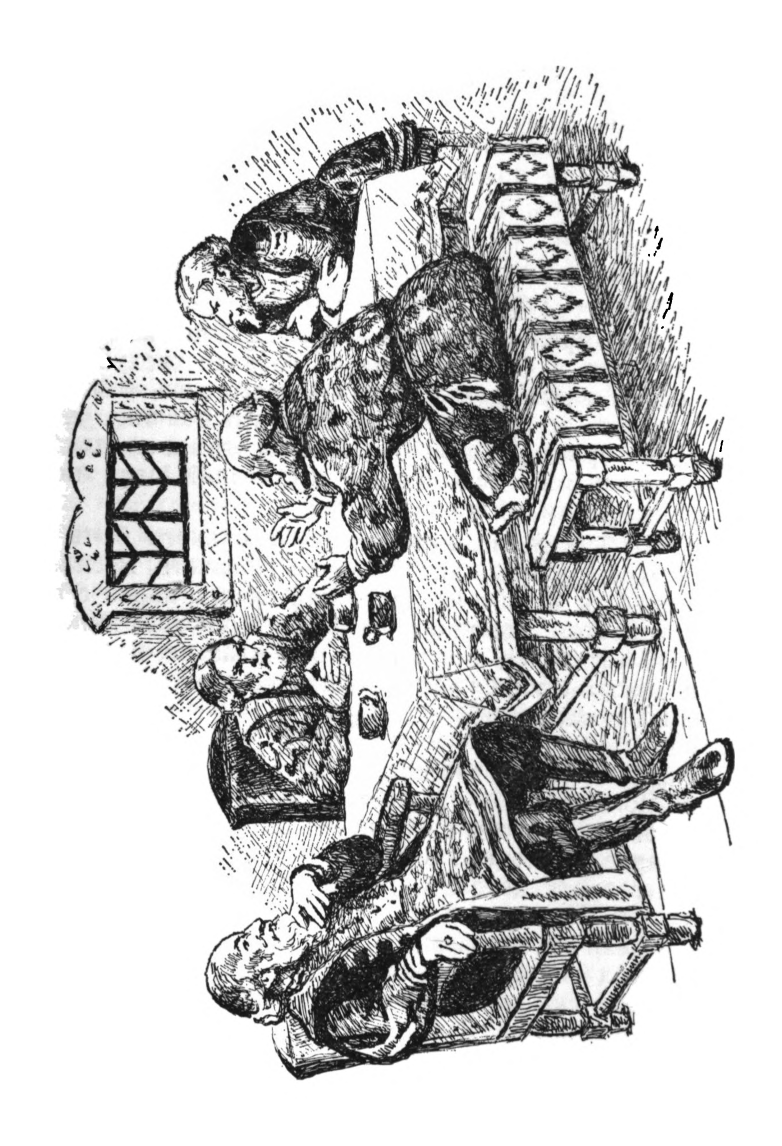
— Нет, Тит Мстиславич, тут ничего иного быть не могло: старый князь, допрежь чем призвать Василея, велел принести к себе из крестовой палаты ларец с духовной грамотой покойного государя Мстислава Михайловича. И тот ларец я у него в опочивальне, на столе, своими глазами видел. Стало быть ясно, что разговор у них был о наследии.

— Да, пожалуй, что так, — не меняя позы вставил Андрей Мстиславич. — И по той духовной грамоте родителя нашего, царствие ему небесное, на большое княжение надлежит теперь вступить Василею Пантелеичу, коему мы крест целовать должны и чтить его отца вместо.

— Ужель так и сказано в духовной деда? — подавшись вперед спросил княжич Святослав.

— Так и сказано. И еще добавлено, что ежели кто из князей земли Карачевской с тем не согласится и схочет выйти из под руки Василея, — так он того князя казнить волен.

— Стало быть, нет у нас иного пути, кроме как под Васькину руку, — с тоской и яростью сказал князь Тит.

Последовало длительное молчание. Шестак натужно дышал, у Святослава Титовича на крепко сжатых скулах перекатывались тугие желваки, князь Тит нервно барабанил по столу концами пальцев. Только Андрей Мстиславич сохранял полное спокойствие и даже как будто улыбался слегка в свою холеную бороду.

— Ужели же вы, князья Мстиславичи, потерпите такую поруху чести вашей и старшинству? — промолвил наконец Шестак.

— Такова отцова воля, — отозвался Тит Мстиславич.

— Не могло быть на такое его воли! — крикнул Шестак. — Ведь когда преставился он, Василея еще и на свете не было! Откуда мог знать князь Мстислав Михайлович как дело-то обернётся? Ужели мыслите вы, что схотел бы он родных сынов своих отдать на глумление какому-то мальчишке? Не мог он того желать!

— Что пользы о том гадать, коли имеется написанная им духовная грамота, в коей точно указан порядок наследованья? И ежели всем ведомо, что после брата Пантелеймона, княжить в Карачеве надлежит сыну его Василею?

— Не знаю, кому оно ведомо, — не унимался Шестак, — а только мыслю я, что воля покойного князя Мстислава Михайловича со смертью его окончилась. Не мог он ведать грядущего, а потому и волю свою на него простирать не в праве. Дела нынешние живым надлежит решать, а не мертвым!

— Тебе хорошо языком трепать, боярин, — сказал князь Тит, — а родитель наш вечному проклятию предает того из потомков своих, кто волю его порушит.

— То пустое, Тит Мстиславич! Не ведал ведь он, как жизнь-то сложится, когда такое писал. А ныне не проклянет, а благословит он с небес того, кто землю нашу родную спасет от Васькиной лихости!

Снова последовало продолжительное молчание.

— Ну, пускай бы даже мы почали оспаривать у Василея большое княжение, — вымолвил наконец Тит Мстиславич, — так ведь он с этой духовной отправится в Орду и великий хан, без сумнения, укрепит его

право. А нам эта тяжба головы может стоить. Сами ведаете, каков есть хан Узбек: коли сочтёт нас виновными, — выдаст Василею головой, либо сам казнит.

— То истина, ежели Василей сможет показать ему духовную нашего родителя, — небрежно заметил князь Андрей.

— А почто не показать, коли она в его руках?

— Ну, а вдруг она затеряется? Без неё-то дело о наследии зело спорное. И кто еще знает, на чью сторону станет царь Узбек.

— Вестимо, не на василёву! — оживился Шестак. — Ведь ты, Тит Мстиславич, с ханом хорош. И коли заявишь свои права на карачевский стол, он тебе, а не кому иному ярлык даст! О Василеи же он ежели чего и слышал, то лишь недоброе, от брянского князя. Да той худой его славе мы еще и от себя пособить сумеем.

— Хан ко мне милостив, — медленно сказал князь Тит, перед которым вдруг развернулись новые, его самого поразившие возможности. — Да вот телько...

— Ну, чего ты еще нашел, Тит Мстиславич? — с жаром перебил Шестак. — Даст он тебе ярлык на большое княжение, как свят Господь, даст! А на Руси ханское слово все споры решает.

— Так-то оно так. Да ведь духовная всё же в руках у Василея.

— То и лучше, что в его руках, — многозначительно промолвил Андрей Мстиславич: — человек он молодой, в таких делах небрежительный... Сунет её куда-нибудь, а после и сам не сыщет.

— Ну, это бабушка надвое гадала, — усомнился князь Тит, — а такое дело, какое мы затеваем, на авось не гоже начинать.

— Ты мне поверь, братец! Я вещий сон видел намедни, а меня сны николи не обманывают, — почти весело сказал Андрей Мстиславич. — Потеряет ту духовную братанич наш!

— Ну, а все ж, коли не потеряет?

— Потеряет, — уверенно повторил князь Андрей. — А ежели бы и не потерял, — ты с ханом веди дело так, будто отродясь о ней и не слыхивал. Коли попадет

она в руки Узбека, скажешь: знать не знал и ведать не ведал об этой духовной, потому и затеял тяжбу.

— Ты не сумневайся в этом, Тит Мстиславич, — горячо поддержал Шестак, — я тоже чую, что духовная нам помехой не будет. Решайся же! Один ты можешь спасти всех нас и всю землю Карачевскую от лихой беды, от василёва беззакония! Тебя всем миром просим на великое княжение, а в случае чего и перед ханом, и перед всею Русью тебя поддержим. Молви только согласие свое. Ведь и честь, и богатство сами к тебе в руки просятся!

Тит Мстиславич, в душе которого врожденная порядочность еще боролась с соблазном, при напоминании о богатстве решился окончательно. Проведя ладонью по лбу, покрывшемуся испариной, он глухо вымолвил:

— Ну, коли так, согласен! Чего же делать-то будем?

— Не теряя дня, собирайся в Орду, — ответил Шестак. — Вези царю Узбеку подарки и проси ярлык на карачевский стол.

— Да ведь брат-то, Пантелеймон, жив еще!

— Ну, и что с того? Ты Узбеку доведи, что, мол, карачевский князь, Пантелей Мстиславич, при смерти и дело о наследии надобно загодя решить, дабы после не приключилось смуты.

— А ежели хан о Василеи спросит?

— Спросит, аль не спросит, ты ему сам скажи: Василей-де шалый и желторотый хлопец и татарам наипервейший, к тому же, недоброхот. А наипаче напирай на то, что ты есть, после князя Пантелеймона, старший в роде; что ты сын родной первого карачевского государя, а Василей ему токмо внук.

— А ты что скажешь, брат Андрей?

Андрей Мстиславич минутку подумал, потом ответил:

— Мыслю я, что Иван Андреич дело говорит. Все мы тебя старшим почитаем и после Пантелеймона тебя хотим большим князем. Но только ехать тебе самому в

Орду никак не гоже: тотчас об отъезде твоем всем станет ведомо и Карачев всполошится. Небось и дети малые догадаются почто ты к хану поехал, как раз теперь, когда большой князь при смерти.

— Кто ж тогда поедет? — подозрительно покосился на брата Тит Мстиславич. — Ты, что ли?

— Зачем я? Мне ехать тоже не след. Мое родство с Гедимином может всё дело испортить: хан, чего доброго, подумает, что мы для Литвы стараемся. А пошли ты в Орду вот хотя бы Святослава.

— Меня? — удивленно спросил молчавший до сих пор княжич Святослав Титович.

— Ну, тебя же! Ты зрелый муж и голова у тебя разумная. Дело это не хуже кого другого обделаешь, а о том, что ты к хану поехал, — в Карачеве никому и вдомёк не станет.

— То истина! — обрадованно воскликнул князь Тит, которому не очень хотелось самому тащиться в Орду и унижаться перед ханом. — Собирайся в путь, Святослав, тебе вверяем мы судьбы наши!

— Чту волю твою, батюшка и клянусь, что доверие твое и дяди Андрея оправдаю, — вставая и кланяясь ответил польщенный княжич.

Андрей Мстиславич благосклонно улыбнулся племяннику и ласково похлопал его по плечу. Он знал, что дело попало теперь в надежные руки. Тит Мстиславич был простоват и по-своему честен. Невзрачный на вид Святослав был, наоборот, далеко не глуп, хитер и упорен. Он завидовал Василию и ненавидел его, как только человек, обиженный природой и судьбой, может ненавидеть их общего баловня. Возможность собственными руками сокрушить Василия наполняла его восторгом, не говоря уж о том, что удачно выполнив возложенную на него задачу, он, как старший сын Тита Мстиславича, и себе самому обеспечивал в будущем большое княжение.

— "Этот будет стараться не за страх, а за совесть, — удовлетворенно подумал Андрей Мстиславич, глядя на сияющего племянника, — и от Василея он меня избавит. А от иных я и сам избавиться сумею“.

— Ну, добро, — сказал Тит Мстиславич, — в Карачеве, стало быть, я сяду. Ты, Андрей, из Звенигорода, вестимо, перейдешь в Козельск. А с Василеем, всё же, мы как сделаем? Оставить его вовсе без удела по мне не гоже, да и хан на это едва ли согласится...

— Да что на него смотреть, на Ваську скаженного?— воскликнул Шестак. — Пускай ладится куда хочет! А хану его можно так расписать, что не токмо без удела, — без головы его оставит!

— Ну, это ты позабудь, боярин! Я такого греха на душу не приму, да и другим не позволю. Помни, что в Василеи тоже течет кровь черниговских князей и не пристало нам пускать его по миру! Как мыслишь ты, князь Андрей, не дать ли ему Звенигород?

— Звенигород, брат дорогой, я хотел бы тоже за собой оставить. Сам ведаешь, двое сынов у меня. Федору, по смерти моей, Козельск бы остался, а Ивану Звенигород.

Скупой Тит Мстиславич при этих словах сильно помрачнел, но понял, что при сложившейся обстановке отказать брату нельзя и потому, скрепя сердце, сказал:

— А Василею, в таком разе, что же мы выделим?

— Василею можно Елец отдать.

— Вишь, твоим сыновьям два лучших удела, а моим что же останется, коли Елец Василею отдадим?

— Как что останется? Побойся Бога, брат! Святослав по тебе Карачев наследует, Ивану дашь Болхов, Федору — Мосальск.

— А Роману что?

— Да ведь Роману-то и десяти годов нету! Дашь ему Кромы, когда подрастет. Только и Елец, без сумнения, твоим будет, ибо Василей, по гордыне своей, навряд ли согласится на что иное, опричь большого княжения. Скорее всего, набуянит он тут и придется ему уносить от ханского гнева ноги, куда подале.

— Ну, ин ладно, на том и порешим. Только вот я о чем думаю: что̀ ежели помрет брат Пантелеймон прежде чем ярлык у нас будет? Ведь тогда Василей заступит на карачевский стол и мы тому помешать никак не сможем.

— Зачем мешать? Пускай его заступает. А когда

вернется Святослав с ярлыком, — попросим его честью из Карачева. Не станет же он с царем Узбеком воевать!

— Оно так, да все ж лучше бы по-хорошему сделать, без драки. Василей-то больно горяч.

— Обойдется. Время есть, еще что-нибудь надумаем. Вестимо, лучше бы пожил Пантелей Мстиславич до возвращения Святослава. Тогда дело куда проще бы сделалось.

— Не пришлось бы еще нам Василею крест целовать!

— Коли о том речь зайдет, отказываться покуда нельзя, но и целовать не гоже. Будем чем ни есть отговариваться.

— Ну, ладно, значит на том и стали! Наливай, Святослав, кубки. Выпьем за удачу дела нашего и да поможет нам Господь!

Собеседники еще долго сидели в трапезной, обсуждая второстепенные вопросы, стараясь предусмотреть всё и наставляя Святослава Титовича как вести дело с ханом и что ему говорить. Наконец, когда во дворе пропели вторые петухи, все встали.

При выходе Андрей Мстиславич, как бы невзначай, обратился к Шестаку с вопросом:

— А ведомо-ль тебе, Иван Андреич, где сейчас хранится отцова духовная?

Шестак пристально и понимающе взглянул на звенигородского князя.

— Досе хранилась всегда в крестовой палате, в алтаре. А вот, как потребовал ее к себе Пантелей Мстиславич, — с той поры я ее там не видел. Либо она в опочивальне князя, либо Василей к себе унес. То я могу вызнать точно.

— Вызнай, Иван Андреич, не помешает.

ГЛАВА 10

«Тура мя два метали на рогах своих с конем вместе, олень мя бодал, а лоси один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь мне с бедра меч оторвал, медведь ми у колена потник прокусил, лютый зверь скочил на мя и с конем поверже, а Бог мя соблюде».

Владимир Мономах («Поучение»)

Через три дня княжич Святослав, сопутствуемый десятком дружинников и снабженный богатыми дарами для хана Узбека, великой хатуни[1]) и кое-кого из влиятельных татарских вельмож, выехал в Орду. В целях сохранения тайны, всем было сказано, что он послан отцом с подарками к рязанскому князю Ивану Ивановичу, дочку которого Тит Мстиславич сватал для своего второго сына, Ивана.

Отправив посла, все остальные участники заговора возвратились к своим обычным делам. Мрачный и раздражительный Тит Мстиславич, стараясь заглушить в себе суеверный страх и голос совести, настойчиво твердивший, что он заслужил посмертное проклятие отца, — с головой ушел в хозяйственные заботы. Спокойный и со всеми ласковый Андрей Мстиславич, после долгого разговора с глазу на глаз с боярином Шестаком, отправился к себе в Звенигород, а Шестак, заметая следы, проследовал из Козельска в свою вотчину, навел там порядки и в конце октября возвратился в Карачев.

В стольном городе тем временем жизнь текла своим

[1]) Хатунь — главная жена хана.

чередом. Давно минул праздник Покрова пресвятой Богородицы, прошел и Дмитриев день, а князь Пантелеймон Мстиславич, вопреки тайным предсказаниям ведуна Ипата и своим собственным предчувствиям, не только продолжал жить, но и чувствовал себя значительно лучше. Он начал даже покидать свое кресло и опираясь на палку, самостоятельно передвигаться по горнице.

В городе, да и во всем княжестве, царили мир и тишина. Беспокойный сосед, князь Глеб Святославич, всецело поглощенный борьбой со своими бунтующими подданными, карачевских рубежей больше не тревожил. Бдительность и сторожевую службу в Карачеве вновь ослабили, семейные дружинники жили по домам, запасаясь дровами и подготовляя свои хозяйства к суровой зиме. Во владениях карачевских князей голод вообще был редкостью, нынешний же год выдался особенно урожайным. Крестьяне наполнили зерном закрома, легко уплатили положенные подати и будущего не страшились. По деревням варили брагу, правили свадьбы и весело готовились к зиме.

В связи с этим общим благополучием, у Василия забот было не много. Почти все свободное время он проводил на охоте или в усадьбе у Аннушки.

Последние встречи их были, впрочем, не очень радостны. Василий и прежде не обманывался в том, что рано или поздно ему придется отказаться от Аннушки и взять себе жену из княжеского рода, быть может вовсе ему чуждую и нелюбимую. Но он отгонял от себя мысли об этом не близком еще, как ему казалось, будущем. После же ночного разговора с отцом, он вдруг ясно ощутил, что это будущее уже надвинулось почти вплотную и что дни его счастья с Аннушкой сочтены. Теперь это счастье ему казалось особенно ярким, а мысль о необходимости отказаться от него — особенно мучительной.

Аннушка, проводившая большую часть времени в одиночестве и занятая только своими мыслями о Василии и об их отношениях, давно уже осознала неминуемость такого конца и была к нему лучше подготовлена.

Она полностью отдавала себе отчет в том, что с уходом Василия в ее жизни ничего не останется, кроме тоски и воспоминаний, ибо другого она полюбить не сможет и не захочет. И все же она была готова принять этот сокрушающий удар безропотно, как расплату за недолгое счастье, подаренное ей судьбой. Правда, она пришла к этому не сразу: вначале все существо ее восставало против необходимости уступить любимого другой женщине, ее заранее сжигала ревность к этой еще неизвестной сопернице. Но постепенно она примирилась с этим и любовь ее мало по малу приняла характер самоотречения.

Когда Василий, после долгих и мучительных колебаний, сказал ей, наконец, что отец сватает для него княжну Муромскую, Аннушка, вся поникнув, долго сидела молча, потом подняла на него наполненные слезами глаза и запинаясь вымолвила:

— Так и должно быть, Васенька... Ну, что ж... Все говорят, что княжна Ольга Юрьевна красавица. Дал бы Господь, чтобы и душою она была так хороша, как лицом... Только бы было тебе с нею счастье.

В один ноябрьский день, едва на востоке наметились первые признаки рассвета, Василий, в сопровождении Никиты, выехал из городских ворот. На обоих были короткие меховые полушубки, шапки-ушанки и теплые валеные сапоги, снизу подшитые кожей. У каждого за плечами был лук и колчан со стрелами, на поясе — длинный нож, а в руках охотничья рогатина[1]). С полдюжины крупных поджарых собак весело суетились вокруг всадников. Все это не оставляло сомнений в целях их поездки: накануне выпал обильный снег и сегодня любого зверя легко было обнаружить и взять по свежему следу.

Выехав из города и миновав мост, охотники напра-

---

[1]) Рогатина — короткое, аршина в три, копье с широким обоюдоострым лезвием и поперечиной у его основания.

вились вниз по берегу Снежети. Верстах в десяти отсюда, течение реки описывало крутую петлю, образуя нечто вроде низменного, заросшего кустами и высокой травой полуострова, с узким перешейком, упирающимся в густую чащу леса. Привлеченные хорошим пастбищем, животные забредали из лесу на этот полуостров и никем не тревожимые, часто задерживались тут подолгу. Особенно любили эту излучину дикие кабаны, ночью копавшие здесь коренья, а днем отлеживающиеся в густом кустарнике, который давал им надежное убежище. Место это было идеальным для охоты: став на перешейке и пустив на полуостров собак, охотник мог быть уверен, что вспугнутая дичь его не минует. Туда-то и направили своих коней Василий и Никита, не раз уже там охотившиеся.

— Ну, расскажи как же тебе ездилось? — спросил Василий, когда всадники въехали в лес, укрывший их от холодного ветра, который не очень располагал к разговорам.

Никита только накануне возвратился из довольно долгой поездки. По поручению Пантелеймона Мстиславича, он ездил приглашать удельных князей на семейный совет, связанный с тяжелой болезнью большого князя. Но это, разумеется, был лишь предлог, пользуясь которым князь Пантелеймон хотел заставить своих братьев поцеловать крест Василию. Дело надо было провести с умом, поэтому его не доверили простому гонцу.

— Ездилось-то хорошо, Василей Пантелеич, да только пользы от моей езды вышло не много, — ответил Никита.

— Что так?

— Видать, твои дядья почуяли зачем их призывают. Небось их теперь в Карачев и золотом не заманишь!

— Это я и наперед знал. Поведай все-ж, как тебя там принимали да жаловали?

— Да что-ж, приехал я сперва в Звенигород. Чай сам знаешь, какие они там медовые, — усмехнулся Никита. — Встретила меня на крыльце сама княгиня Елена Гимонтовна, обласкала прямо как родного сына. Но

вот, говорит, беда: уехал князь Андрей Мстиславич в Литву и когда возвратится — никому не ведомо. Вестимо, обнадёжила, что как только назад будет он из Литвы, в сей же час отправится в Карачев. Но только сдается мне, что долго нам его ожидать придется.

— А как мыслишь ты, точно ли он в Литву уехал?

— Едва ли. Больше похоже, что дома он схоронился.

— Али ты что приметил?

— Приметил, что у них хоромы полны попов. Оно правда, в Звенигороде их николи мало не бывает, но тут сразу учуял я, что неспроста такое сборище. И после сведал, что съехались они на освящение церкви святого Адриана, которую недавно закончил постройкой князь Андрей. Вот и помысли, — возможное ли дело, чтобы ту церковь без него святили? А ежели Андрей Мстиславич и впрямь куда отлучился, — могла ли не знать княгиня когда он воротится, коли наш с нею разговор был октября тридцатого, а на первое ноября празднуется память святого Адриана?

— Да, шито белыми нитками. Ну, а дальше что было?

— Дальше поехал я в Козельск. Здесь мне уже вовсе иной прием был оказан. Встретил меня какой-то сын боярский, спрашивает — что надо? Говорю: — посланец из Карачева к козельскому князю. Ввел он меня в пустую горницу и не промолвив слова ушел. Долго я там сидел один, наконец входит княжич Иван. Смотрит волком. — "А батюшка, — говорит, — сильно недужен". Спрашиваю, — а что-ж такое ему приключилось? — "Посклизнулся, — отвечает, — вчерась на лестнице и дюже спину себе повредил. Лежит и вовсе двинуться не может".

— "Так что же, — спрашиваю, — тебе, что ли, княжич, обсказать с чем я прислан? — "Нет, — говорит, — сейчас батюшку знахарь пользует, а как кончит, я тебя туда проведу". — Ладно, кончил свое дело знахарь, — вводят меня в опочивальню князя. Тит Мстиславич лежит на лавке под образами, руки на брюхе складены, — ну, вот сейчас умрет! А у самого рожа красная и в глаза не глядит. — "Сказывай, — говорит, — с чем при-

слан?“ Я обсказал. Поохал он чуток и молвит: — "Сам видишь, какое мое здоровье. Вот ты братцу Пантелею Мстиславичу о том и доведи. Скажи ему, что как только на ноги встану, тотчас его волю исполню и в Карачев приеду. Но когда это будет, — одному Богу ведомо, потому что дюже мне худо“.

— С тем, значит, ты и уехал?

— С тем и уехал. Но только, ночуя в Козельске, вызнал я ненароком от княжеской челяди, что назад тому месяца полтора, гостил у Тита Мстиславича звенигородский князь и что был там в ту пору также наш боярин Шестак.

— Ого! Это неспроста. Видать они что-то промеж собою затеяли.

— Как Бог свят, Василей Пантелеич! Люди баили, что они, все трое, да еще княжич Святослав с ними, затворившись в трапезной, совещались цельный день и цельную ночь, аж до вторых петухов. И даже слуг туда не допускали. Остерегись, Василей Пантелеич: это супротив тебя они что-то заводят.

— Поживем — увидим. То навряд, чтобы они сейчас пошли далее разговоров: для дела у них еще жилы слабы. Но поглядывать будем.

Тем временем собеседники приблизились к цели своей поездки. Не доезжая шагов трехсот до перешейка, они спешились, привязали в укромном месте своих коней и Никита взял всех собак на сворку, чтобы они раньше времени не спугнули дичь. Затем оба вышли на перешеек и принялись тщательно изучать следы на снегу, дабы знать заранее — какие звери проследовали на полуостров и с кем им предстоит встретиться.

В ту пору этот огромный лесной массив, воспетый в русских былинах под названием Брынского леса, изобиловал всевозможной четвероногой и пернатой дичью. Не говоря уже о зайцах, лисицах, куницах, белках, выдрах и других некрупных пушных зверях, водившихся здесь в несметных количествах, — по лесным речкам встречались целые поселения драгоценных бобров. Не была редкостью также и рысь. Встреча в лесу с медведем была заурядным явлением, а волки, собираясь зимою огромными стаями, держали в постоянном страхе

редкие лесные деревни. В топких низинах, укрываясь в камышах и кустарниках, нежились дикие кабаны, по берегам рек и озер паслись целые стада оленей и лосей, нередко встречался еще и воспетый русской народной поэзией лесной исполин — тур, окончательно истребленный два-три века спустя.

Из пернатых, постоянными и многочисленными обитателями этих лесов были глухари, тетерева и рябчики, а летом в лесных озерах появлялись лебеди и неисчислимое множество гусей и уток.

В жизни обитателей этого края охота играла важную роль: она давала мясо для пищи, шкуры для всевозможных домашних поделок и меха для одежды и для продажи. Несмотря на несовершенство охотничьего оружия (лук, нож и рогатина) и опасность многих видов охоты, ею занимался с детских лет почти каждый мужчина. И немало было таких, которые к концу жизни убитых медведей и лосей исчисляли десятками, а более мелких зверей сотнями и тысячами.

Для Василия и Никиты не составило особого труда разобраться в принадлежности и характере следов, испещрявших заснеженный перешеек. Они точно уста-

новили, что на полуострове находится с полдюжины диких свиней, что туда забредал довольно крупный лось, который вскоре снова ушел в лес и наконец, что по перешейку долго топталось несколько волков, но дальше они почему-то не пошли. Остальные письмена, оставленные на снегу лапами более мелких четвероногих, не стоили внимания.

— Дивлюсь, — промолвил Василий, когда осмотр был закончен, — почему оттуда сразу ушел обратно сохатый?[1])

— И почто туда не зашли волки, хотя они и шли по следу свиней? — добавил Никита.

— Нежто секача[2]) побоялись?

— Едва ли. Может просто сытые были и потому решили с секачем не связываться. А может испугались чего.

— Чего ж бы им пугаться, коли там никого, опричь свиней нету? Ведь сохатый и тот раньше ушел.

— Ума не приложу. Следов тут боле ничьих не видать.

— Может какой зверь туда еще до вчерашнего снегопада забрёл?

— Чего бы он там досе делал? Да и какой зверь? Медведь в эту пору уже в берлоге спит... Разве что нечисть какая?

— Ну, уж сказал! Нѐчисти волки не боятся. Да чего тут долго гадать? — спускай собак и зараз узнаем кто там есть!

Собаки, почуявшие свиней, уже давно заливались истошным лаем и рвались из рук Никиты. Получив свободу, они стремглав кинулись на полуостров и вскоре исчезли в кустах, не переставая лаять.

Охотники, между тем, расположились шагах в пятидесяти друг от друга, по краям перешейка, так, чтобы кроме него, держать под обстрелом русло реки, по обе стороны излучины, на тот случай если зверь вздумает уходить по льду. Противоположный берег в этом

---

1) Сохатый — лось.

2) Секач — старый кабан, вожак стада.

месте спускался к воде крутым обрывом и взобраться на него не смогло бы ни одно крупное животное. Воткнув возле себя в снег рогатины и проверив легко ли ножи вынимаются из ножен, Василий и Никита наложили по стреле на тетивы луков и устремили глаза на полуостров, где, судя по яростному лаю, собаки уже увидели кабанов.

Вскоре впереди раздался треск ломаемых кустарников и на перешеек со злобным хрюканьем выскочило небольшое стадо диких свиней. Увидев перед собой охотников, животные на мгновение остановились в нерешительности, но затем, следуя примеру своего вожака, все разом бросились в проход между ними, устремившись к спасительной опушке леса.

Воздух одновременно прорезали две стрелы, в стаде раздался болезненно-яростный рев и два животных, падая, вскакивая и снова падая, завертелись на снегу, в то время как остальные с быстротою ветра скрылись в лесу. Свинья, в которую стрелял Никита, после нескольких судорожных прыжков опрокинулась на спину и задергалась в конвульсиях. Стрела угодила ей в бок с такой силой, что наконечник ее вышел из другого бока. Но секач, которому стрела Василия пронзила шею, несмотря на тяжелую рану и кровь, хлеставшую у него из пасти, почти сразу твердо стал на ноги и пригнув к земле голову, вооруженную страшными клыками, бросился на своего противника.

Василий, уже вблизи, выпустил в него вторую стрелу, глубоко ушедшую зверю в холку, а затем, видя что кабан продолжает бежать как ни в чем не бывало, — схватился за рогатину. Он метил животному в левую часть груди, но в последний момент секач сделал судорожное движение головой, благодаря чему острие вонзилось правее, не задев сердца.

Всею тяжестью своей массивной туши кабан навалился на рогатину и вогнав ее в себя по сомую поперечину, продолжал яростно напирать, заставляя Василия быстро пятиться и не давая ему возможности высвободить свое оружие.

Вскоре положение охотника сделалось отчаянным: за спиной его находился берег, загроможденный обледенелыми камнями и корягами, к которым быстро припирал его разъяренный кабан. Упасть значило погибнуть, а еще несколько шагов и удержаться на ногах будет невозможно... К счастью для Василия, Никита был уже близко. Подбежав к кабану, он левой рукой схватил его за ухо, а правой дважды погрузил ему в бок свой длинный нож. Напор на Василия сразу ослабел, секач покачнулся, захрипел и почти без движения рухнул на землю.

— Ну, спасибо, Никита, во-время ты подоспел! — промолвил Василий, снимая шапку и обтирая ею вспотевший лоб. — Еще чуток и опрокинул бы меня этот дьявол.

— Ништо, княжич... А здоровенный секачище! Должно пудов на двадцать вытянет, — добавил Никита, рассматривая саженную тушу, распростертую у его ног.

— Да, такого не часто встретишь. Ловко ты его, однако, за ухо поймал... Погоди, а собаки? — вскричал Василий. — Куда же собаки-то подевались?

Действительно, собаки не преследовали выскочивших из кустов свиней и никакого участия в травле не принимали, чего в пылу охоты никто не заметил. Однако их захлебывающийся лай слышался теперь совсем близко. Василий и Никита одновременно обернулись в сторону полуострова и остолбенели от неожиданности: не далее чем в тридцати шагах, глядя на них налитыми кровью глазами и нахлёстывая себя хвостом по лоснящимся крутым бокам, стоял огромный, совершенно черный бык, с длинными широко расходящимися рогами, концы которых грозно устремлялись вперед. Распаляя себя, он рыл передней ногою землю, временами, как бы нехотя, отмахиваясь своей страшной головой от бесновавшихся вокруг собак.

— Тур! — хриплым голосом выдохнул Василий, как зачарованный глядя на лесного царя. — Да какой!

— Давай, княжич, не то уйдет! — прошептал в ответ Никита, в пылу охотничьей страсти не помышляя, как

и Василий, о смертельной опасности, на которую они шли. — Подбирай скорее свой лук и будем бить его разом!

Василий бегом кинулся к луку, лежавшему в нескольких шагах и подобрав его, возвратился на прежнее место. Никита тем временем, не спуская глаз с тура, выдернул рогатину Василия из туши кабана и воткнул ее в землю, рядом. Затем снял свой лук и наложил на тетиву самую надежную стрелу, с зазубренным стальным наконечником. Василий последовал его примеру.

— Добро, что я сегодня своего Перуна взял, — пробормотал Никита, — словно бы чуял такую встречу!

Перуном у него назывался трехаршинный лук, сделанный из толстого смолистого корня лиственницы, оплетенного для прочности лосиными жилами. Кроме того, в средней части он был обложен роговыми пластинами. Натянуть его тетиву было под силу только такому богатырю, как Никита, но зато пущенная им стрела пробивала насквозь человека в кальчуге.

Между тем тур, который решил, очевидно, с боем прорваться в лес, пригнул голову к земле и двинулся вперед, набирая разбег перед атакой. Но в этот момент на него яростно набросились собаки, не решавшиеся приблизиться пока он стоял на месте. С быстротой и ловкостью необычайной для такого громадного животного, тур обернулся и взмахнул головой. Одна из собак с распоротым брюхом взметнулась в воздух и отлетела шагов на десять, остальные бросились наутек. Тур не стал их преследовать, а вновь повернулся к людям, которые сейчас находились от него не далее двадцати шагов.

— Пока хорошо стоит и не нагнул башки, — быстро сказал Никита, — целим ему оба в левую сторону груди... Готов? Ну, с Богом!

Свистнули две стрелы и почти рядом вонзились в широкую грудь животного. Испустив страшный рев, тур поднялся на дыбы, опустился, рухнул на колени передних ног, но сейчас же снова вскочил и не переставая устрашающе реветь, ринулся на людей. Еще по одной

стреле вонзилось в тушу зверя, не причинив ему особого вреда. На третий выстрел времени уже не было.

— В сторону скочь! — крикнул Василий, бросая лук и хватаясь за рогатину. — Пусть проскочит! Колоть будем когда обернется, инако с ног свалит!

Перед самой мордой тура, охотники отпрыгнули в разные стороны. Промчавшись с разбега еще несколько шагов, уже теряющий силы лесной исполин обернулся отыскивая глазами врагов и в этот момент две рогатины глубоко вошли ему в грудь. Он еще рванулся вперед, заставив попятиться навалившихся на рогатины людей, рванулся второй раз, уже значительно слабее, наконец, издав предсмертный тоскливый рев, рухнул на колени и медленно повалился на бок.

— Вот это добыча! — сказал Василий выдергивая рогатину и тяжело дыша. — Вдвоем насилу одолели!

— Да, поле у нас сегодня, что и говорить, удачное, — отозвался Никита. — Но и работы предстоит немало: нужно снять шкуры и разделать туши.

— Голову этого тура надо целиком зачучелить и повесить на стене в хоромах, — сказал Василий. — Да и секач того достоин. Ишь, какие клыки!

Немного отдохнув, охотники принялись за дело. Через час снятые шкуры, отрезанные головы и лучшие куски мясных туш были подняты на ветви ближайших деревьев, чтобы их не растащили волки, пока за добычей будут присланы из города сани.

День уже начинал клониться к вечеру, когда Василий и Никита выехали из лесу и увидали всадника, во весь опор скакавшего из города им навстречу. Оба пришпорили лошадей и вскоре перед ними осадил взмыленного коня Лаврушка. Лицо его было бледно.

— Скорее, князь, скачи в Карачев, — взволнованным голосом сказал он, забыв даже приветствовать Василия, — повсюду тебя ищем!

— Сказывай, что случилось? — крикнул Василий, вмиг заражаясь его волнением.

— Родитель твой, князь Пантелей Мстиславич, преставился!

ГЛАВА 11.

Пантелеймон Мстиславич ушел из жизни спокойно и без страданий. Последние дни он чувствовал себя совсем хорошо и заметно оживился. Накануне смерти лично принял вернувшегося из поездки Никиту и обстоятельно расспросил его обо всем. К известию о том, что братья его увильнули от посланного им приглашения, он отнесся по виду спокойно и только пробормотал:

— Ну, того и ожидать следовало... Знаю я их.

Ночью он спал хорошо, утром долго беседовал с боярами и пообедал с охотой. Затем, по обычаю, отправился отдохнуть, а в три часа вошедший в опочивальню Тишка нашел его мертвым. Лицо князя было величаво и спокойно. Очевидно он умер во сне и не заметил как перешел в другой мир.

Его похоронили в церкви святого архангела Михаила, рядом с отцом и старшим братом Святославом. Покойного князя все любили и потому на похороны его собралось множество народа, но ни Тита, ни Андрея Мстиславичей не было. Вместо них из Козельска прибыл княжич Иван Титович, а из Звенигорода — оба сына князя Андрея, — Федор и Иван.

На большое княжение, согласно порядку наследования установленному первым карачевским князем, вступил Василий Пантелеймонович, что всеми было принято как должное и не встретило никаких возражений ни в одном из уделов. Молчал Козельск, молчал и Звенигород. Бояре, в отношениях с новым князем, держались почтительно, никакими просьбами ему не докучали и в

советники не навязывались. Жизнь в Карачевской земле по-прежнему текла мирно и тихо, в полном согласии с издревле установившимися обычаями.

Такая тишина, а в особенности покорность боярства и уделов, вначале удивили Василия и даже показались ему подозрительными. Но проходили дни и недели, ничто не нарушало обычного порядка, все распоряжения набольшого князя исполнялись без пререканий и Василий постепенно успокоился.

— Кажись обошлось, — решил он. — Должно быть смекнули, что лучше на рожон не лезть...

Благополучно, как казалось, сложившаяся обстановка вскоре сосредоточила мысли Василия на тех внутренних мероприятиях, о необходимости которых он давно думал, — теперь надо было исподволь проводить их в жизнь. В основном они сводились к тому, чтобы ограничить рост и значение боярства, и укрепить положение свободных крестьян, которых бояре постепенно втягивали в кабалу.

Общественные отношения на Руси спокон веков развивались своими собственными путями, несхожими с практикой других народов. Но, хотя многие из этих народов считали Россию отсталой и варварской страной, — почти на любом этапе истории эти отношения были у нас более справедливыми и гуманными, чем на Западе. И резко ухудшались они именно тогда, когда в силу тех или иных исторических причин, влияние Запада становилось у нас особенно сильным. В качестве примеров достаточно указать появление на Руси византийской принцессы Софии Палеолог, пресловутое "окно в Европу" императора Петра Первого и "золотой век Екатерины", — урожденной принцессы Ангальт-Цербстской, — в царствование которой русский крестьянин, впервые за всю нашу тысячелетнюю историю, был обращен в подлинного и законченного раба.

О том, что древняя и средневековая Русь была гораздо гуманнее Запада, достаточно красноречиво говорит простое сравнение основных судебных норм. В то

время, как в западных странах даже незначительная провинность влекла за собой бесчеловечные наказания (почти всегда связанные с членовредительством) и самые изощренные виды смертной казни, — древнерусское законодательство почти не знало иных карательных мер, кроме денежного штрафа и церковного покаяния. Телесные наказания у нас были редкостью. Смертной казни не существовало вообще. Даже так называемая "Древнейшая Русская Правда" за убийство лишь разрешала ближайшим родственникам отомстить тем же, а если мстить было некому, дело ограничивалось крупным штрафом:

> "Аще убьет муж мужа, то мстит брат за брата, либо сын за отца, либо отец за сына, либо сын брата, либо сын сестры. Аще же не будет мстителя, то сорок гривен за убитого".

В более позднем судебнике, — "Правде" Ярослава Мудрого, право мести за убитого сохранено, но уже сыновья Ярослава это право отменили. Наказаний, связанных с членовредительством, во всех этих древнейших русских кодексах нет и в помине. Только в 12 столетии Владимир Мономах, под влиянием греческого духовенства, вводит телесные наказания (битье) и "урезание носа" за особо тяжкие преступления против религии и семейной морали. Но тот же Мономах в своем "Поучении" сыновьям, пишет:

> "Ни правого, ни виновного не убивайте и не велите убить его. Если и будет достоин смерти — не губите христианской души... И сильным не давайте губить человека".

В судебном "Уложении" Владимира Мономаха мы находим, между прочим, такую статью:

> "Аще кто зуб рабу своему выбьет, или рабе своей, — на свободу да отпустит в зуба место".

Из этого видно, что русские правовые нормы начала 12

века, не в пример Западу, требовали гуманного обращения с рабами и даже за легкое увечье обязывали отпускать их на волю.

Согласно тому же мономахову "Уложению", — не только за насилие, но даже за покушение на насилие над рабой своей, господин обязан был дать ей вольную. Стоит сравнить это с "правом брачной ночи", которое существовало в Западной Европе не только во времена Владимира Мономаха, но и значительно позже. Согласно этому "праву", при выходе замуж крепостной крестьянской девушки, первую брачную ночь она проводила не с мужем, а со своим господином, если он этого хотел.

Из летописей мы знаем, что случаи смертной казни в древней Руси все же бывали. Но она применялась не в порядке соблюдения законов, а скорее в обход и нарушение их. По существу такая казнь бывала просто убийством, совершаемым по приказанию лица достаточно высокостоящего и сильного, чтобы не считаться с законом. Такие случаи участились во времена татарского владычества, когда нравы ожесточились, но все же смертная казнь и тогда не нашла себе места в писанном русском законодательстве. Впервые ввел ее в свой "Судебник" только в 1497 году великий князь Иван Третий, женившийся на гречанке Софии Палеолог и в угоду ей и ее иностранному окружению начавший заводить в Москве римско-византийские порядки. И недаром в своей знаменитой переписке с Иваном Грозным, князь Андрей Курбский писал, имея ввиду Софию Палеолог и ей подобных:

> "в предобрый русских князей род всеял дьявол злые нравы наипаче женами их, коих поимывали от иноплеменников".

***

Испокон веков, еще задолго до принятия Русью христианства, основным занятием здесь было земледелие и всё население Русской земли делилось на сельские

общины, подбиравшиеся главным образом по родовому признаку. Каждая такая община, по существу, представляла собой экономически независимую единицу и всё что нужно производила для себя сама. Лишь позже, когда потребности и запросы людей расширились, кое-что стали покупать в городах, но единства и целости общины это не нарушало.

С оформлением восточных славян в государства, управляемые князьями, наряду с крестьянскими общинами стали появляться отдельные собственники — бояре, владевшие крупными земельными угодьями. Такие хозяйства требовали большого количества рабочих рук и первоначально обслуживались "челядью" или "холопами", то-есть людьми зависимыми от хозяина или "господина". В ту пору это были главным образом пленники, захваченные во всевозможных войнах и походах, однако рабами они, в полном смысле этого слова, не являлись.

Вообще рабства, в тех законченных формах, в которых оно широко практиковалось на Западе, на Руси никогда не существовало. Даже в седой древности рабство у славянских племен носило лишь временный характер, весьма гуманный по сравнению, например, с Римом. Византийский писатель шестого века Маврикий Стратег вот что пишет о славянах:

> "пленников своих они не держат в вечном рабстве, но ограничивая срок плена определенным временем, предлагают им на выбор: за известный выкуп возвратиться к себе домой, или же остаться на положении людей свободных и друзей".

Самое слово "челядь" происходит от "чадо", "чадь", то-есть "дети"; слово "холоп" — от "хлопец", что означает приблизительно то же самое. Таким образом, по идее это были не рабы, а младшие члены общей хозяйственной семьи, что, конечно, не исключало возможности сурового обращения, — в те времена ему нередко подвергались и собственные дети.

Постепенно увеличиваясь, боярские поместья тре-

бовали всё большего количества рабочей силы, и недостаток в ней стал пополняться главным образом за счет безземельных крестьян, освобожденных холопов, людей почему-либо изгнанных из общины, обедневших неудачников и т. п. Появилась новая категория зависимых людей, — так называемые "закупы".

Закуп получал от помещика землю, коня, сельскохозяйственные орудия, а иногда и денежную помощь, обязуясь со своей стороны часть времени работать на "барщину", иными словами за всё полученное платить помещику своим трудом на его полях. Несколько позже барщина почти повсеместно была частично или полностью заменена "оброком", т. е. платой продуктами своего собственного труда. Это для крестьян было выгоднее: не отрываясь для барщины от своего личного хозяйства, они получали возможность вести его лучше и производить большее количество продукции.

Бояре, разумеется, старались выжать из своих закупов как можно больше и в то же время их закрепостить, но верховная, княжеская власть этому обычно не сочувствовала и не содействовала. Отношения бояр и закупов были точно определены и защищались законом. Закуп без согласия господина уйти не мог, но в то же время рабом он не являлся и обязан был выполнять только ту работу и в том размере, как это было определено договором, а в остальном он оставался свободным человеком. Если хозяин начинал обращаться с ним как с рабом и требовать с него лишнее, — по закону он терял на него все права. С другой стороны, если закуп пытался бежать и его ловили, — он превращался в холопа, то есть переходил в разряд зависимости, которую условно можно назвать рабской. Но только условно, ибо все эти виды зависимости носили, по существу, крепостной, а не рабский характер. Западно-европейский или восточный раб был вещью, а русский холоп был личностью. Он мог, по закону, обзавестись семьей, совершать торговые и денежные сделки, выступать истцом и свидетелем в суде, приобретать движимое и недвижимое имущество, передавать его по наследству или по завещанию, мог в любой момент выкупиться на волю.

Классический же раб ни одного из этих прав не имел и зависел всецело от воли своего хозяина.

Таково было положение людей зависимых — холопов и закупов. Но они отнюдь не составляли большинства: вся основная масса сельского населения состояла из свободных крестьян — "смердов", которых называли также черными людьми, а позже — черносошными крестьянами. Они жили своими общинами и платили в княжескую казну подать, которая вносилась обычно натурой.

Каждый член общины владел определенным земельным участком на правах полной собственности, то-есть мог его продавать, арендовать, передавать по наследству или по завещанию. Кроме того, он пользовался общинными угодьями, принадлежавшими всем вместе: пастбищами, лугами, лесом, озерами. Каждая община располагала также запасными землями, для наделения людей пришлых, которых сход соглашался принять в общину, а также для расширения наделов малоземельным или многосемейным. Земли было достаточно и владения некоторых крестьянских общин исчислялись сотнями квадратных верст.

Община пользовалась довольно широкими правами самоуправления. Она выбирала своих старост и десятских, а общие дела решала сходом или "миром". Правление общины раскладывало подати по своему усмотрению и само собирало их для внесения в княжескую казну. Сход разбирал все тяжбы и судил за преступления, кроме самых тяжких. Словом, своею хозяйственной жизнью, внутренним устройством и бытом община распоряжалась сама и вышестоящие власти в ее повседневные дела обычно не вмешивались.

В те времена границы общинных владений редко бывали точно определены и это иногда давало повод к злоупотреблениям со стороны соседей — помещиков, старавшихся захватить спорные земли. Если стороны не приходили к полюбовному соглашению, община имела право и возможность искать защиты своих интересов у князя. И обычно ее находила, ибо в случае недоволь-

ства, крестьяне могли сняться с места и перейти в другое княжество, а князю это было невыгодно: он лишался плательщиков податей и резервов воинской силы. Людей в ту пору всюду нехватало, — любой князь охотно принимал к себе "новосёлов", давал им землю и обычно помогал стать на ноги.

Позже, под влиянием целого ряда причин, всё это значительно изменилось к худшему. Но в четырнадцатом веке положение крестьян на Руси было в общем не плохо и ему с полным правом могли позавидовать крестьяне любой другой страны.

Этому крестьянскому благополучию сильно угрожал рост боярских владений, постепенно вовлекавший в зависимость от бояр всё большее количество людей прежде свободных. Это не значит, что бояре захватывали их силой или присваивали себе земли вместе с их свободным населением. Такие факты бывали, но скорее как исключение, тем более что вотчиннику рабочие руки были, пожалуй, нужнее чем увеличение земельной площади, а их он этим путем не приобретал: не желая попасть в зависимость от помещика, крестьяне с захваченных им земель могли перейти на свободные, в которых тогда еще не было недостатка.

Опасность заключалась в ином: среди свободных крестьян тогда, как и во все времена, бывало немало таких, которые в силу различных причин и обстоятельств, не преуспевали в собственном хозяйстве и попадали в затруднительное положение. Бояре, в погоне за нужной им рабочей силой, охотно ссужали таких людей деньгами и всем необходимым, с тем, чтобы долг был после отработан. Польстившись на боярскую помощь, эти неудачники попадали, таким образом, в кабалу, образовав новый слой зависимых людей, так называемых кабальных смердов. Боярство широко пользовалось таким способом закрепощения свободных крестьян, расшатывая этим не только общину, но и самые устои государства.

Василий надеялся положить этому предел, с одной стороны всячески препятствуя дальнейшему расширению боярских вотчин, а с другой — оказывая от госу-

дарства самую широкую помощь нуждающимся крестьянам.

Для более близкого ознакомления с крестьянскими нуждами, он решил предпринять несколько поездок вглубь своего княжества и в частности — присмотреться к жизни тех общин, которые непосредственно граничили с боярскими владениями.

Обдумав откуда начинать, Василий послал за Лаврушкой.

— Ты давно в своем селе не был? — спросил он, когда парень явился на зов.

— На минувшей седьмице туды ездил, — ответил Лаврушка.

— Небось и в Бугры заглядывал, к своей Насте?

— То истина, княже: и в Бугры я наведался.

— Ну, как, — настины родители теперь отдают ее за тебя?

— Еще бы не отдали! — самодовольно ответил Лаврушка, превратившийся уже в ладного и подтянутого воина. — Вот как закончу на посаде рубить избу, так и свадьбу справим. У нас уже все обговорено с Настей.

— Что же, давай вам Бог. А от меня будет вам к свадьбе подарок: конь да корова.

— Премного благодарны тебе, пресветлый князь! Без тебя николи не бывать бы нашему счастью.

— Ладно, оставим это. А сейчас ты мне вот что скажи: отстроилось уже ваше Клинково после того пожара?

— Давно отстроилось, княже. Сейчас куды лучше прежнего показывается.

— Ваша община, кажись, с вотчиной боярина Шестака соседствует?

— Точно, княже. Наказал нас Господь таким соседством...

— Чем же вам боярин не люб?

— Больно уж сутяжен. У его, должно, утроба из семи овчин сшита: что ни увидит, так и норовит заглотнуть. Да и другое есть...

— Что ж другое?

— Любит он народ кабалить. Доведет человека до нужды и сам же помощь предлагает. А у его лишь попользуйся чем, — после не вывернешься!

— Ну, дòбро, завтра поутру собирайся. Поедешь со мной, хочу я сам поглядеть как Клинково ваше построилось.

ГЛАВА 12.

«И князи и власти милование и заступление и правду покажите на нищих людей, страха ради Господня».

Игумен Иосиф Волоцкий (15 в.).

К полудню следующего дня, Василий, в сопровождении Лаврушки и еще нескольких дружинников, въезжал уже в село Клинково, новенькие избы которого были в беспорядке рассыпаны по пологому склону холма, спускавшегося к небольшой речке. На другом ее берегу поднималась стена векового леса, который широким полукругом охватывал земли общины. Клинково насчитывало десять дворов, но к нему были приписаны еще две близьлежащих деревни, одна в три, другая в четыре двора. В те времена более крупные крестьянские поселения считались редкостью.

Изба клинковского старосты Ефима Робкина, рубленая на невысокой подклети, где в зимнее время помещались телята и свиньи, стояла в глубине довольно большого двора, по одну сторону которого находился овин, а по другую сарай и конюшня. За избой, ближе к берегу реки, на участке, который летом служил огородом, виднелась небольшая закопченная банька, а возле нее — огромная куча дров, заготовленных на зиму.

Когда Василий и его спутники въехали во двор, сюда уже сбегались со всего села люди, узнавшие высокого гостя. Староста, несмотря на мороз, выскочивший из избы в одной рубахе, растерянно кланялся князю и от волнения не мог вымолвить слова.

— Ну, здравствуй, старик, — улыбаясь сказал Василий. — Чай узнал меня?

— Как мне тебя не узнать, батюшка князь! — воскликнул староста, обретая дар речи. — Кабы не доблесть твоя, да не помога, — на эвтом месте ничего бы ноне не было, окромя пустого пожарища! Век того не забудем, как ты нас от брянцев отбил.

— Ну, то дело давнее. А ныне каковы у вас дела?

— Все слава Богу, твоя княжеская милость. Село, вишь, отстроили, урожай сняли добрый, чего ж нам еще? Да ты зайди в избу погреться-то, не побрезгай нами, батюшка!

В избе было темно и дымно, так что войдя в нее, Василий сперва ничего не видел, кроме слабо мерцающего огня лучины. В то время труб в деревнях не делали, все избы были курными и дым из печи вытягивался в небольшое волоковое окошко, проделанное в стене и снабженное заслонкою. Значительная часть дыма оставалась при этом внутри, клубясь под потолком целыми облаками.

Освоившись немного с темнотой, Василий огляделся кругом. Помещение представляло собой одну общую горницу, аршин восемь в длину и шесть в ширину, с деревянным полом. Закопченные бревенчатые стены были проконопачены мхом и паклей, а небольшое световое окно — затянуто бычьим пузырем. Слева от печи стоял большой, грубой работы стол и пара таких же скамей, а вдоль всей стены тянулась полка с кухонной утварью. Справа шли широкие полати, занимавшие добрую треть горницы. Они составляли как бы внутренний второй этаж, служивший спальней всему семейству. Под полатями Василий увидел какие-то кадки, мешки, связки кож и множество иной хозяйственной рухляди. Тут же висели веники и пучки сухих трав, составляющие домашнюю аптеку. Среди всего этого добра разгуливало, вдобавок, несколько кур.

Хозяйка, хлопотавшая у очага и двое парней, сидевших на лавке, при входе князя отвесили земные поклоны.

— Мои молодшие, — пояснил староста, кивнув в

сторону парней, — старшие-то уже своими семьями живут. Ну, старуха, поднеси дорогому гостю меду!

— Погоди, хозяин, — сказал Василий. — Вашего меду я с охотой отведаю. Но ведь время полуденное, а вы, небось, гостей не ждали. Так позвольте и мне вас кой-чем попотчевать. Да зови и других в избу, чтобы хоть по одному человеку от каждого двора было. Заодно и побеседуем.

Лаврушка принес торбу, из которой извлек объемистую сулею с водкой, копченого гуся, окорок и большой кусок жареного мяса. Пока он, с помощью хозяйки, резал и раскладывал еду на столе, изба наполнилась народом.

Крестьяне пили охотно, но есть при князе стеснялись и на вопросы отвечали односложно. Только лишь после второй-третьей чарочки робость их стала понемногу рассеиваться. Заметив это, Василий начал наводить разговор на то, что его интересовало.

— Сколько же у вас всего земли? — спросил он.

— Орамой землицы у нас наберется чуть поболе от тысячи шестисот четей[1]), — подумав ответил староста. — Ну, окромя того, имеются, вестимо, луга и лес. Помаленьку его подсекаем и тоже запахиваем.

— А мужиков сколько в общине?

— С парнями и отроками у нас в Клинкове мужских душ тридцать восемь, в Гавриловке шестнадцать да в Лесках десять.

— Стало быть пахоты выходит, почитай, по двадцать пять четей на душу?

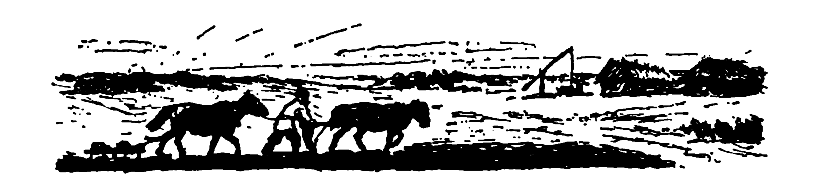
— Ну, энто как сказать... Колись так было. А ноне, — кто как преуспел, у одних больше стало, а у иных и вовсе меньше. Есть у нас, к примеру, безлошадные, так куды же им по двадцать пять четей?

— Кто у вас тут самый бедный?

— А вот Ксенев Илья, — указал староста на приземистого чернобородого мужика средних лет.

---

[1]) Четь или четверть — старинная земельная мера, равная до 17 века половине старой десятины, или, приблизительчо трем четвертям гектара.

— Сколько же у тебя земли, Илья? — спросил у него Василий.

— Ноне только пять четей осталось, твоя княжеская милость, — ответил мужик.

— А другие двадцать куда подевались?

— Да, вишь, как оно получилось, — начал рассказывать Ксенев. — От родителя, значит, мы с братом Трофимом наследовали без малого сорок четей. Два коня тоже-ть было. Ну, стали вместях хозяевать, не делясь. По первах всё ладно шло, а потом повернуло да и пошло как под откос... Один год был неурожай, — пришлось зимою смолоть семянное жито. А весною что сеять станешь? Ну, ударили челом соседу, боярину Шестаку. Ссудил он нам зерна двадцать мешков. Посеяли, а на энтот год град нам всё повыбил, — отдавать зерно нечем и сеять, обратно, нечего. Вдругораз одолжил нам боярин зерна и денег трошки ссудил, но только за всё за это взял закладную на землю. Дале одного коня у нас волки съели, а на одном остатнем чего наробишь? Э, да что тут долго рассказывать! Пошла наша землица боярину Шестаку, только вот пять четей нам и оставил, да и то сколько в ногах у его поваляться пришлось! Брат Трофим еще трошки помаялся, да и сам к нему в кабалу пошел, а я вот еще шебаршусь покедова, да тоже, видать, энтим кончу...

— Вот оно как, — промолвил Василий. — Но токмо свободному человеку в кабалу идти, это уж последнее дело. Надобно тебе снова на ноги становиться, Илья! Подати ты как платишь, — как и все другие?

— Не, мы, безлошадные, платим только четвертую часть супротив обычной раскладки.

— Ладно, от податей и от числа[1]) тебя на пять лет ослобоняю вовсе. Пришлю тебе также коня. Староста, сколько у вас еще безлошадных?

— Окромя Ильи, есть еще один.

— И ему будет от меня конь. А запасные земли у вас есть?

— Чуток есть, твоя княжеская милость.

— Прирежь из них Ксеневу четей десять да и другим малоземельным, коли таковые имеются, тоже добавь, чтобы меньше пятнадцати четей ни у кого не было. А как обзаведутся вторым конем, еще по десяти четей им дашь.

— Да ведь земля-то опчая, — возразил староста. — Я без согласия мира ее раздавать не волен.

— Твоя правда, мир уважать надо. Но ведь тут, почитай, все в сборе, вот и решайте сейчас. А я послушаю, — есть ли средь вас такие, которые своему же брату помочь не схотят.

— Да чего тут решать? — загудели со всех сторон голоса. — Знамо дело, добавить им пашни! Без лошадей, вестимо, ента земля ни к чему им была, а ежели князь им коней даёт, о чем толковать?

— Вот и ладно, — сказал Василий. — Стало быть дело решено.

— Слов не найду благодарить тебя, батюшка князь! — со слезами на глазах сказал Ксенев, кланяясь Василию в землю. — Ведь это я прямо как вдругораз родился!

— Может есть у кого какие просьбы, аль жалобы? — спросил Василий.

Последовало долгое молчание. Потом в дальнем углу народ начал перешептываться и наконец оттуда вытолкнули вперед дюжего мужика с курчавой русой бородкой.

— Обижает нас прикащик боярина Шестака, Федька Никитин, — кланяясь Василию сказал он. — Где только возможно норовит нам поруху сделать, аспид!

— Что-ж он такое делает?

— А чего удумает, то и делает! То, к примеру, бо-

---

[1]) Числом называлась дань, собираемая для татарского хана.

ярским стадом наши поля потравит, а то нашу худобу к себе загонит и опосля откуп требует, яко-бы она боярский хлеб топтала. А летось вот, пригнал на мой луг косарей и велел им всё сено выкосить да свезти в боярскую усадьбу. Разогнался я косить, — ан там уже ни травинки нету!

— Ну, а ты что, смолчал?

— Пошел я до его, а он крик поднял. — "Ты что, говорит, сукин сын, видал как я твое сено косил да возил? А коли не видал, помолчи, не то шкуру спущу!" А чего там было видать, коли люди, что мой луг косили, сами мне о том сказывали!

— А боярину ты не жалился?

— Жалился и боярину. А он говорит: — "не могёт того быть, чтобы мой прикащик такое содеял. На кой ляд нам твое сено, коли у нас своё девать некуды? То, говорит, не сумлевайся, кто-либо из вашей же общины украл. Только ты, говорит, не печалуйся, я тебя, коли хочешь, своим сеном ссужу, опосля отработаешь".

— Во! во! — раздались голоса, — у его завсегда так! Что хошь предлагает, а вот поддайся, возьми, — только и очухаешься как пойдешь по миру али влетишь в кабалу!

— Это дело я разберу, — нахмурившись сказал Василий, — и сено свое ты обратно получишь. Как звать тебя?

— Иваном звать, Купреевым, всесветлый князь.

— Ладно, что еще есть у вас?

— Железом бы нам трошки разжиться, батюшка князь, — сказал кто-то из толпы. — Пашем мы деревянной сохой-косулей, а земля у нас, сам ведаешь, изпод лесу: что ни колупни, то и корень! Было бы железо, наковки можно было бы поделать на сохи, а то и окованный подсошник пустить, для отвалу. Тогда и пахать бы можно поглубже и работа бы спорее пошла.

— Это ты дело говоришь, — живо ответил Василий, сразу заинтересовавшийся такой новинкой. — Как звать-то тебя?

— Гурин я, Демьян, твоя княжеская милость.

— Ты что, где-либо видал такое, али сам придумал?

— Проходил тута минувшим летом странник и баил, что эдак пашут в иных землях, где он побывал.

— Добро, Демьян, пробуйте и вы. Дам вам железа и кузнеца хорошего пришлю из города. Ежели это дело у вас пойдет ладно, мы и в других местах то же заведем. Ну, что ж, — добавил Василий, — коли всё сказали, на том беседу нашу закончим. Пособляйте один другому и до кабалы своих не допускайте. В случае же кто станет обижать вас, али беда какая приключится, довидите о том прямо мне, вот хотя бы через земляка вашего Лаврушку. А пока бывайте здоровы.

**
*

Из села Клинкова Василий со своими людьми направился прямо в усадьбу боярина Шестака. Лицо его было хмуро и сосредоточено, за всю дорогу он не проронил ни слова.

Въехав на боярский двор, загроможденный всевозможными службами и не обращая внимания на заметавшуюся во все стороны боярскую челядь, он сурово спросил выбежавшего ему навстречу дворецкого:

— Боярин дома?

— В Карачеве он, твоя пресветлая княжеская милость, — кланяясь в землю ответил дворецкий.

— Позвать сюда прикащика Никитина!

Струсивший дворецкий бегом кинулся исполнять приказание. Через несколько минут перед князем предстал высокий чернобородый детина, с красной рожей и заплывшими медвежьими глазками. Он старался держаться с достоинством, но это ему плохо удавалось.

— Ты прикащик боярина? — спросил Василий, не отвечая на его низкий поклон.

— Я самый и есть. Чего изволишь, твоя княжеская милость?

— Это ты летось приказал у клинковского смерда Ивана Купреева выкосить луг и свезти сено в боярскую усадьбу?

— Врет он, батюшка князь! Не верь ты ему, анафеме! Пропил он, должно, свое сено, а теперя...

— Ты врешь, разбойник, а не он! — загремел Василий, напирая на побледневшего прикащика конем. — Сказывай, почто ты такую татьбу учинил?

— Воля твоя, княже милостивый, а токмо не ведаю я ничего о том сене, — смиренно произнес Никитин. — За ништо меня лаешь.

— Дòбро, — сдерживая бешенство промолвил Василий, — созвать сюда всех ваших косарей! Я их сей же час сам допрошу и ежели хоть один покажет, что ты посылал его косить у Купреева, не минет и трех минут, как будешь висеть на воротах. А ну, малый! — обратился он к одному из боярских холопов, которые с любопытством наблюдали за происходящим, — живо, зови сюда косарей. Да по пути прихвати и добрую веревку!

Малый повиновался со всею быстротой, на какую был способен, а сразу обмякшего прикащика начала потряхивать мелкая дрожь.

— Погоди, пресветлый князь, — запинаясь вымолвил он. — Теперь, будто, припоминаю я, что был такой грех... Смилуйся, батюшка, не губи, спъяна меня нечистый попутал! — завопил он, падая на колени.

— Вишь, как слова мои о веревке тебе сразу память прочистили! — зло усмехнулся Василий. — Ты о ней почаще вспоминай. Коли хоть одна еще жалоба на тебя будет, не помилую. На первый раз дать ему пятьдесят плетей, — обратился он к своим дружинникам, которые, к великому удовольствию боярской челяди, не мешкая принялись за дело. — А всё то сено чтобы сегодня до ночи было свезено на двор к Купрееву и складено, где он укажет! Ты, Лаврушка, тут останься и пригляди за этим, а вы догоняйте, как управитесь, — сказал он воинам поровшим прикащика, с остальными направляясь к воротам.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНЯЗЬ ЗЕМЛИ КАРАЧЕВСКОЙ

ГЛАВА 13

На высоком и крутом нагорье, над стремниной реки Десны, тянутся к небу неприступные стены и башни брянского кремля, с трех сторон охваченного избами обширного, утонувшего в зелени посада.

Неповторимый по величавой красоте своей вид открывается отсюда на бескрайное море лесов, затопившее холмы и равнины, и на красавицу Десну, далеко внизу, средь обрывистых берегов уносящую свои быстрые воды в зеленую даль.

По древности лишь очень немногие русские города могут соперничать с Брянском. В числе нескольких других укрепленных городков, он был заложен в десятом веке, в период борьбы князя Владимира Святого с

вятичами. От большинства этих городков вскоре не осталось ни следа, ни памяти, но город Брынь, — как он тогда назывался, — уцелел и разросся, главным образом в силу своего выгодного географического положения: он стоял у слияния двух судоходных рек, Десны и Болвы, и имел прямое водное сообщение с Киевом. Сюда стекалась дань, которую натурой вносили в княжескую казну племена и народы северо-восточной части Киевского государства, — отсюда она по Десне и по Днепру отправлялась в столицу. Вскоре по этой же водной дороге пошла оживленная торговля: из Брыни в Киев потекли меха и продукты лесного промысла, в обратном направлении шли городские товары, хлеб, оружие и ткани.

В конце двенадцатого века русские летописи уже называют этот город не Брынью, а Дебрянском, вероятно потому, что он был окружен обширными лесными дебрями, которые тоже способствовали его благополучию, надежно защищая от всевозможных кочевников, постоянно тревоживших древнюю Русь своими набегами.

Несомненно по той же причине, при татарском нашествии Дебрянск пострадал меньше, чем другие крупные центры Черниговского княжества, и это обеспечило ему положение главного города края, куда была перенесена и епископская кафедра из разрушенного Чернигова. Таким образом, Дебрянск имел прекрасные предпосылки к тому, чтобы успешно развиваться и вырасти в одну из крупнейших столиц удельной Руси, подобно Москве, Твери и Рязани. Но собственные князья оказались для него хуже татар: их беспрерывными войнами и междоусобиями вся Брянская область была опустошена, а городская торговля парализована. Вместо того чтобы расти и богатеть, этот город, — который теперь уже чаще называют Брянском, — стал быстро приходить в упадок и терять свое прежнее значение.

Князья на брянском столе сменялись часто и едва один из них добирался до власти, на него тотчас ополчался кто-нибудь из родичей. Соперники втягивали в

свои распри татар и Литву, разоряли народ и гибли в усобицах сами. Наконец, кроме Глеба Святославича в живых почти никого из них не осталось и он утвердился в Брянске прочно. Однако, народу от этого не стало легче: прежде, в период усобиц, каждый князь, хотевший удержаться у власти, был вынужден в какой-то степени считаться со своими подданными. Глеб Святославич, оставшись один, перестал с ними считаться совершенно. Как следствие этого, страна постепенно пришла к состоянию замедленного, но принявшего устойчивые формы брожения, вернее полумятежа, в неуклонном развитии которого силы князя шли на убыль, а силы народа крепли и созревали для окончательного взрыва.

Князь со своей дружиной чувствовал себя в безопасности лишь за высокими городскими стенами, за которыми, укрылись также и те бояре, вотчины которых были разграблены или пожжены холопами и кабальными людьми. Вокруг этих стен простирался огромный посад, настроенный по отношению к городу явно враждебно и являющийся главным очагом недовольства и смуты.

Это еще не было осадой, но с каждым днем становилось всё более на нее похожим. Отдельные дружинники и небольшие их группы уже не рисковали отдаляться от стен, ибо на них сыпались насмешки, оскорбления и угрозы, а в случае ответа — камни и всё что попало под руку. Не раз бывало, что их ловили и отбирали оружие, а некоторые и сами перебегали к посадским.

Но и верных защитников у Глеба Святославича еще оставалось немало. Временами из кремлевских ворот появлялся хорошо вооруженный отряд, который разъезжал по посаду, наводя страх и расправу: избы особенно приметных мятежников грабили и жгли, а их самих, если удавалось словить, вели на торговую площадь и тут, в назидание другим, пороли плетьми, а некоторым даже рубили головы.

Иногда сильный отряд дружинников, вооруженных как на войну, выходил из города и отправлялся вглубь страны, по деревням и сёлам, а через несколько дней

возвращался с обозом продуктов, взятых в счет податей или просто отобранных у крестьян. Оказавших неповиновение смердов тоже пригоняли с собой и били на площади плетьми, а уличенных в грабежах и поджоге вешали на кремлевской стене, чтобы другим неповадно было.

В одно морозное зимнее утро, шагах в ста от запертых ворот кремля стояла небольшая группа посадских людей, угрюмо наблюдая, как на городской стене двое катов[1]) готовились вешать очередную жертву, — оборванного чернобородого мужика со скрученными за спиной руками. Тут же, возле виселицы, стояло несколько княжеских дружинников.

— Глянь, что деют, анафемы! — с негодованием произнес один из зрителей, — нету дня что-б кого -либо не казнили. Эдак они скоро нас всех переведут!

— Веревок не хватит, — сквозь зубы процедил другой.

— Ну, пождите, аспиды, — крикнул третий, — придет наш час, так вашими же кишками вас давить будем!

— Стой, братцы! Да это никак Прошку Бугаева вешают?

— Он самый и есть! Когда ж это схватили его княжьи каты?

— Эй, Прошка! — закричал кто-то во весь голос. — Разом сигай со стены вниз! В снег упадешь — не убьешься, а тута мы тебя в обиду не дадим!

Но несчастный пленник явно не мог уже воспользоваться этим советом: один из палачей крепко держал его сзади за связанные руки, другой надевал ему на шею петлю. Однако голос товарища он услышал и поднял голову.

— Прощевай, родимая земля! — крикнул он. — Воздайте за меня, братцы, мучителям моим!

В эту секунду каты дружно навалились на свободный конец веревки и тело Прошки, судорожно подергиваясь, поднялось на аршин над стеной. Посадские по-

---

[1]) Кат — палач.

снимали шапки и с минуту стояли молча. Смерть была в Брянске заурядным явлением, но все же каждый невольно подумал, что завтра на месте Прошки может оказаться он сам.

— Пошто погубили человека, лиходеи? — выходя из оцепенения крикнул стоявшим на стене прошкин приятель. — Али креста на вас нет?

— Князь велит, так и всех вас перевешаем! — отозвался со стены один из дружинников.

— Упырь он проклятый, а не князь! Пожди, сучий выкормыш, невдолге и сам задрыгаешь на веревке, рядом со своим князем!

Выпущенная из бойницы стрела свистнула над головой кричавшего. Толпа, не переставая выкрикивать угрозы и ругательства, подалась немного назад. Ворота кремля распахнулись и оттуда выехал конный отряд дружинников, человек семьдесят. Все они были в кольчугах и при полном вооружении. Впереди других, в шлеме-"ерихонке" и в золоченом бахтерце[1]), надетом поверх малинового кафтана, гарцевал на караковом жеребце воевода Голофеев.

Практика уже давно научила посадских что̀ делать в случае подобных вылазок. Сейчас же все бросились в ближайший из оврагов, пересекавших посад, где конница достать их не могла. Оттуда, по дну оврага и закоулкам, выбрались на торговую площадь, служившую центром общественной жизни посада, где легко было затеряться в толпе, а в случае крайности — дать дружный отпор нападающим.

На площади в этот день было особенно людно и даже шел кое-какой торг, что теперь случалось не часто. Открыли лавки мелкие купцы; гончары, шорники и древорезчики выложили свои немудреные товары; бабы с лотков и расстеленных на снегу рогож торговали домотканным холстом, вяленой рыбой, сухими травами и всякой снедью. Ни мехов, ни чего-либо ценного видно не было: такие вещи продавались лишь с оглядкой,

---

1) Бахтерец — древний русский доспех, сделанный из соединенных между собой металлических пластин.

из-под полы, ибо по трудным временам спрос на них был невелик, зато княжьи люди норовили отобрать их пользуясь всяким случаем.

Возле рыбного ряда однорукий верзила в лаптях и в кожухе, по самые глаза заросший дремучей курчавой бородой, водил ученого медведя. В окружавшей их толпе то и дело раздавались взрывы смеха и одобрительные восклицания.

— А ну, Миша, покажь добрым людям как боярин на нашей земле хозяинует, — говорил вожатый, обращаясь к своему питомцу. Медведь, свирепо рыча, распластался на брюхе, подгребая под себя снег и всё до чего мог достать. Вытянув лапу, он зацепил когтями вязку рыбы, лежавшую на рогоже ближайшей торговки и тоже поволок её под себя. Баба всплеснула руками и заголосила.

— Не бойся тётка, — под общий хохот успокоил ее верзила, — Мишка не всамделишный боярин, он твою рыбу отдаст. Энто он только так, для показу. А совесть у его не боярская!

— Ай да ведмедь! — восторженно воскликнул один из зрителей, тощий и рябой мужик, одетый, несмотря на мороз, в легкий дырявый зипунишко. — Стало быть и он с боярами встревался!

— Видать не дюже близко, — сказал другой: — шуба на ём все ж таки осталась, не то что на тебе!

— А зачем мне шуба? — бойко ответил рябой. — О нас князь радеет: шубы нет, так он нас плетью греет!

— Для тепла он уже по пятеро мужиков в один кафтан согнал!

— Бают люди, кто новой подати не внесет, тех станут в Орду продавать!

— Там таких как ты не купляют! Гляди, что от тебя осталось: борода да кости!

— Энто как сказать, — ответил обиженный. — Добавь еще трошки ума, а у тебя и того нету. Пошто ты такой дурак?

— Вода у нас такая в колодце. То от её.

— Вона! А князь наш, случаем, не пил вашей водички?

Все снова засмеялись и громче всех торговка у которой Мишка уволок рыбу. Вынув из возвращенной ей вязки самую крупную рыбину, она сунула ее вожатому:

— Вам с бояриной на хозяйство. А ну, может он еще чего знает?

— Как не знать? — ответил однорукий. — Ён все знает. Покажи, Мишук, как князь Глеб Святославич народ свой жалует!

Медведь с ревом навалился на своего хозяина, согнул его пополам и принялся тузить лапами по спине. В толпе снова раздался хохот, но сразу же оборвался: в увлечении зрелищем никто во-время не заметил, что на площадь въехал отряд дружинников и что воевода находится уже в нескольких шагах. Теперь все шарахнулись в стороны.

— Ты, Федька, эти шутки брось, — сказал Голофеев, вплотную наезжая на вожатого. — Мне ведомо чему твой медведь обучен. И коли не велю тебя бить плетьми, то потому лишь, что был ты добрым воем и на княжей службе руку потерял. Однако гляди: не уймешься, так всё сполна получишь!

— А я что? — нимало не испугавшись ответил однорукий. — Мне тоже-ть жить чем-то надобно. Покеда князь меня кормил, я ему, как сам ты сказал, служил справно. А без руки я ему стал ненадобен: сунул в остатнюю руку гривну, да и ступай куды хошь! Теперь меня не князь, а ведмедь кормит!

Другому бы Голофеев таких вольных речей не спустил. Но он уважал воинскую доблесть и потому лишь ответил своему бывшему дружиннику:

— Кормись как можешь. Но коли не хочешь чтобы я твоего кормильца убить велел, народ мне не баламуть!

— Нас не ведмедь, а твой князь взбаламутил, — крикнул из толпы рябой, — вот его и вели убить!

— Это кто сказал? — обернулся Голофеев. — А ну, взять этого собачьего сына! — приказал он передним дружинникам.

— Сам ты собачий сын! — крикнул кто-то с другой

стороны, явно желая отвлечь внимание от рябого и дать ему время затеряться в толпе.

— Схватить и этого! — распорядился воевода.

Несколько дружинников спешились и расталкивая толпу, кинулись исполнять приказание. Один из них, обогнав товарищей, совсем было настиг рябого, но вдруг ему преградил дорогу саженного роста детина.

— Куды прешь? — спокойно спросил он.

— Уйди с дороги, не то худо будет! — крикнул дружинник. Но детина не двинулся с места.

— Не сверенчи, — сказал он не повышая голоса, — не то сворочу тебе рыло, а воеводе скажу, что так и было.

Дружинник схватился за саблю, но в ту же секунду на него обрушился пудовый кулак и он упал как подкошенный. Пока сюда проталкивались отставшие воины, ни рябого, ни его защитника уже и близко не было. Но другого крикуна успели схватить. Это был приземистый рыжий мужик с огромным багрово-сизым носом. Взглянув на него, Голофеев усмехнулся.

— Ну, повесить тебя я всегда успею, — сказал он, — с такой сопатиной сыскать тебя немудрено. Всыпать ему, для первой встречи, сотню плетей!

Четверо дружинников растянули рыжего на снегу и спустили ему штаны. Двое других стали по бокам и приготовились сечь.

— Эй, воевода! — крикнул кто-то из толпы. — Ты его сечь не моги! То грех великий. Брянский мужик ноне свят: при таком князе как наш, ён всякую седьмицу говеет!

Голофеев отставил этот возглас без внимания и подал знак своим людям. На носатого мужика посыпались хлесткие удары.

— Он не разумеет! — крикнули с другой стороны. — Не так ты его величаешь. Рази-ж он воевода?

— А кто же он? — отозвались из толпы.

— Бери выше!

— Как так выше?

— Да так! На ём ноне аж два чина: собачий сын и дурачина!

По площади прокатился взрыв хохота.

— А ну, молчать, чертово семя! — накаляясь крикнул Голофеев. — Еще такое слово услышу и велю вас саблями разгонять!

В этот момент толпа почтительно расступилась и к месту порки, позванивая веригами, приблизился высокий костлявый старик с седою впрозелень бородой и длинными, спутанными в колтун волосами. Он был невероятно грязен и одет в жалкие лохмотья, едва прикрывавшие его худое тело. Но несмотря на лютый мороз, он, казалось, не испытывал холода. Это был юродивый Стёпа, почитаемый в Брянске за святого.

Юродство с древних времен было на Руси обычным и весьма почитаемым явлением. Приняв на себя подвиг отречения от всех жизненных благ и удобств, что в глазах народа придавало им ореол святости, и зачастую прикидываясь дурачками, — юродивые широко пользовались своим положением в обличительных целях, не боясь говорить правду в глаза кому угодно. "Христовы угоднички" или "люди Господни", как их тогда называли, находились, по общему убеждению, под особым покровительством Божьим, а потому даже такие государи как Иван Грозный и Борис Годунов, суеверно страшась небесной кары, а вместе с тем и народного гнева, терпеливо сносили их публичные обличения.

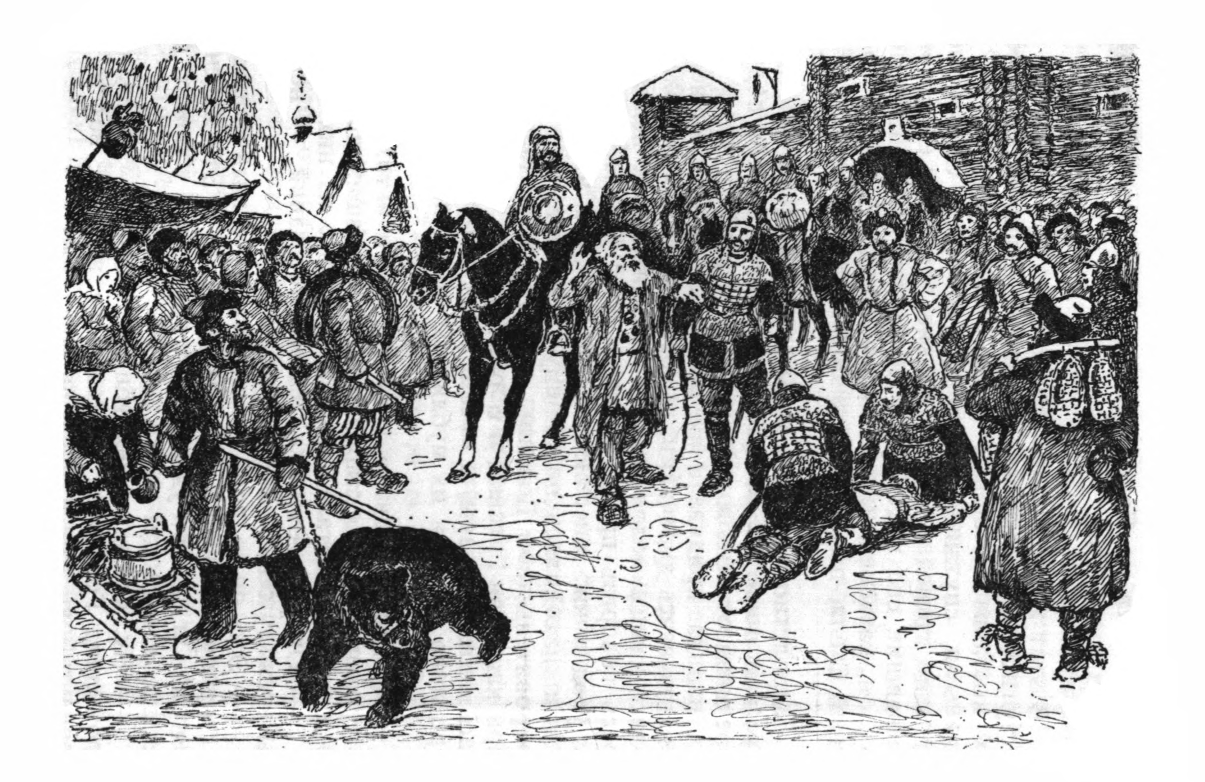
— Пошто воеводу убиваете, слуги антихристовы? — грозно закричал старик воинам, поровшим посадского и даже попытался вырвать у одного из них плеть.

— Окстись, Степа, — сказал последний, — нешто мы воеводу секем? Это вор и взмутчик!

— Это он-то вор? — мотнул юродивый бородой в сторону лежавшего на снегу мужика. — Это мученик святой! Он на себя удары ваши примает, а убиваете вы не его, а воеводу!

— Ну, кто там меня убивает, Степа, — досадливо промолвил Голофеев. — Нешто не видишь: вот он я, перед тобою, жив и здрав на коне сижу!

— Вижу, Паша! Ан иное я тоже вижу: вот на эвтом

же самом месте лежит в крови твое растерзанное тело. И дух от его смрадный, как от издохлого пса!

— Уйди от греха, Степа, Богом тебя прошу!

— А ты меня не гони, Пашка! Я тебе во как надобен: кто, как не я, помолится о грешной душе твоей, антихристу проданной?

— Что ты мелешь, безумный? Какому антихристу душа моя продана?

— Антихрист, как и Господь, один. Ныне Глебом Святославичем он прозывается! Князю тьмы служишь ты, Пашка, а не князю земному!

— Убрать отсюда этого дурака! — теряя терпение крикнул своим дружинникам Голофеев. Но слова юридивого, в которых чувствовалась редкая сила убеждения ,так подействовали на воинов, что они не решались выполнить приказание. В народе, между тем, начался сильный ропот.

— Только троньте Божьего человека, ироды! Живыми отседа не выпустим! — раздались крики. Это уже было не прежнее зубоскальство, а грозное предостережение и Голофеев это понял. Но он не принадлежал к числу робких и отступать перед толпой не привык.

— Чего стоите? — крикнул он воинам. — Сказано вам гнать его взашей!

В тот же миг увесистый булыжник угодил ему в середину груди. Раздался звон доспеха и Голофеев покачнулся в седле. Град камней, поленьев и осколков льда посыпался на дружинников.

— Сабли вон! — крикнул Голофеев. — Разгоняй эту сволочь, а заводил вяжи!

Вся площадь мигом пришла в движение, как растревоженный муравейник. Вооружаясь чем попало, посадские сдвигали вместе сани и переворачивали ларьки, чтобы укрыться от натиска конницы. Началась всеобщая свалка, в которой сперва трудно было что-либо разобрать. Однако через несколько минут стало очевидно, что верх берут дружинники. Под умелым руководством Голофеева, они вскоре прижали своих противников к одному краю площади и кое-кого успели даже связать. Но в тот момент, когда их победа казалась уже несо-

мненной, из боковых улиц, в тылу у отряда, на площадь стремительно вырвались потоки новых людей.

Эти были вооружены уже гораздо основательней: в руках у них мелькали колья, вилы, охотничьи рогатины и, что хуже всего для конницы, — косы. Впереди всех скакал на невысоком чалом коне человек лет пятидесяти, в шлеме и с саблей в руке. Его появление все посадские встретили восторженными криками. Это был сын боярский Дмитрий Шабанов, в прошлом заслуженный воин, а ныне открытый враг Глеба Святославича и любимец всего брянского посада.

Положение теперь резко изменилось: дружинники оказались зажатыми с двух сторон в середине площади, причем неприятель численно превосходил их по крайней мере в десять раз. Самым благоразумным было бы, не принимая неравного боя, отойти по одной из боковых улиц к кремлю, но отчаянный Голофеев, который надеялся, к тому же, на лучшее вооружение и выучку своих людей, о том и не думал. Оставив два десятка всадников для обеспечения тыла, он повернул остальных лицом к новому противнику. Но посадские теперь тоже имели опытного начальника.

— Эй, не дури, Голофеев! — крикнул он, выезжая вперед. — Уводи своих, покуда большая кровь не пролилась! Миром вас отпустим!

— Гляди, какой ты добрый, — усмехнулся Голофеев. — Только шалишь! Отсюда мы вместе уйдем: я на коне, а ты у меня на аркане!

— Эх, Павел Ильич! Славный ты воин, а идешь супротив своего народа!

— Эх, Дмитрий Романович! Славный ты воин, а идешь супротив своего князя!

— Не хочет более народ этого князя!

— Коли не хочет, пусть пробует согнать. А мне этот князь вельми люб, вот я за него и стою! Вперед, ребята! — крикнул Голофеев, — Секи всех в крошево!

На площади вновь разгорелась жаркая схватка. В воздухе мелькали сабли и колья, слышался звук глухих ударов, топот ног и рев озверелых людей. Посад-

ские пустили в дело косы и лошади дружинников падали одна за другой, с подрезанными ногами. Невозмутимый великан, недавно защищавший рябого, оторвав от ближайшего забора длинную жердь, вломился в самую гущу конников, круша направо и налево. Красноносый мужик, которому, благодаря вмешательству юродивого, вместо сотни плетей успели дать не больше десятка, — примостившись подле груды гончарных изделий, с завидной меткостью швырял в княжьих людей горшки, кувшины и миски. Гончар, сразу смекнувший, что в такой свалке его хрупкий товар все равно не уцелеет, — сам подавал ему снаряды.

Шабанов, почти не принимая непосредсвенного участия в сражении, умело руководил действиями посадских людей, появляясь всюду, где их натиск начинал ослабевать. Благодаря этому, перевес вскоре начал склоняться на их сторону.

Голофеев, сваливший уже не одного противника, заметив какой урон производит в его рядах великан с жердью, начал пробиваться к нему. Улучив минуту, он уже замахнулся саблей, но в этот миг глиняный горшок, ловко пущенный красноносым, попал ему в голову и разбившись о шлем, разлетелся в куски.

— Ото тебе за мою "сопатину", собачий воевода! — крикнул мужик.

Этот незначительный, сам по себе, случай имел, однако, для Голофеева скверные последствия: пока он поправлял шлем, от удара насунувшийся на глаза, один из посадских успел пропороть ему рогатиной ногу, у самого бедра. Воевода усидел в седле и превозмогая жестокую боль, несколько минут еще отбивался саблей от наседающих противников. Но чувствуя что слабеет и видя, что продолжать сопротивление бессмысленно, он приказал своим людям пробиваться в боковую улицу и отходить.

Напрягая последние силы и истекая кровью, он лично проследил чтобы все раненные дружинники были подобраны, а потерявшие лошадей — пропущены вперед. И сам покинул площадь последним.

Шабанов приказал никого не преследовать.

ГЛАВА 14

«Тое же зимы 6848[1]) злыя коромольницы Брянци сшедшеся вечем убиша князя своего Глеба Святославичя, месяца декабря в шестой день, на память святого отца Николы. Бе же в то время в Дебрянске и митрополит Феогност и не возможе уняти их».

Троицкая летопись.

Разнеся по домам раненых и подобрав убитых, которых оказалось семь человек, народ столпился вокруг боярского сына Шабанова.

— Ну, Дмитрий Романыч, а теперь чего делать станем? — спросил один из посадских. Видимо он играл не последнюю роль в только что развернувшихся событиях, ибо голова его была обмотана грязной тряпицей, из под которой еще сочилась кровь.

— Чего тут спрашивать! — крикнул другой. — Надобно подымать народ да идти на кремль! Али станем ждать покеда нас всех изведут помалу?

— Тоже вякнул! А чаво ты с дрекольем исделаешь супротив эдаких стен да княжьих лучников?

— Может чего и сделаем! Всё лучше, нежели ожидать, поколе тебя схватят и вздернут!

— Коли до войны дойдет, не все вои встанут за князя. Есть немало таких, что на нашу сторону клонятся.

— Ну, как же! Видать сегодня уже один на твою сторону склонился и тебе ухо стесал! Пожди теперя, покуда новое вырастет!

---

[1]) 1340 год христианской эры. Т. е. это случилось два года спустя после описанных здесь событий.

— В леса надобно уходить, вот что!

— Али ты сдурел? Зимою в лесах мы враз с голоду да с холоду повыздыхаем, а князь как сидел в тепле да в сыте, так и будет сидеть!

— Эх, братцы, видать нам только и осталось ходу, что из ворот да в воду!

Шабанов, дав людям накричаться, сделал знак что хочет говорить. Крикунов начали толкать под бока и вскоре на площади установилась относительная тишина.

— Мыслю я так, — негромко начал Шабанов: — поелику Глеб Святославич народу не люб, его всё одно силою сгонять придется. Сам он по добру не уйдет. Однако тут кто-то верно сказал: одним нам, посадским, идти с дрекольем против кремля и дружины, — это, вестимо, не дело. И другую истину я тут слышал: войско не всё пойдет за князем, ежели промеж нас учнется война. Коли мы разумно повернем дело, дабы не слыть ворами либо мятежниками, — может у князя и вовсе немного будет защитников. Есть на Руси обычай: во дни смуты, вече народное должно молвить свое слово и что оно скажет, — тому и быть! Коли князь народу не люб, вече вольно ему от себя путь указать и призвать другого. Так не раз и не два на Руси бывало! И хотя под татарами мы сей обычай не часто вспоминаем, — силу свою он и доныне не потерял. А посему совет мой будет таков: ни мало не медля созвать народное вече и пускай оно скажет свою волю!

— Истина! Золотые слова твои, Дмитрий Романыч! — закричали кругом. — Созвать ноне же вече! Что оно порешит, на том и станем все, как один человек!

— А где созывать-то его будем? — спросил кто-то.

— Как где? А вот здеся и созовем!

— А ежели князь о том сведает да велит дружинникам взять нас в сабли? Тут много не навечуешь!

— Не посмеет, пёс! Вече — энто право народное.

— А что ему право? Плевать он хотел! Ежели бы он право наше уважал, нешто бы мы его гнали из Брянска?

После долгих пререканий было решено собирать

вече на площади, но в колокол при этом не бить, чтобы в кремле не догадались в чем дело. Кроме того, Шабанов посоветовал, на всякий случай, загородить все улицы, идущие со стороны кремля и приходить на сход вооруженными кто чем может.

Пока бирючи[1]) отправились в слободу и в ближайшие сёла скликать народ, оставшиеся принялись за работу. Через три часа входы со всех улиц, кроме одной, были завалены бревнами, камнями, глыбами льда и снегом. Площадь очистили от всего лишнего и посредине соорудили из бочек и досок помост для старшин.

Народ, между тем, подваливал со всех сторон и вскоре вся площадь оказалась заполненой. На помост взошли земский и торговый старосты, Дмитрий Шабанов и еще несколько наиболее уважаемых лиц, имена которых выкрикивали из толпы. Посадский протопоп, отец Евтихий, долго отказывался от этой чести, не зная как отнесется к тому владыка Иссакий, но в конце концов махнул рукой и тоже влез наверх.

Закричал бирюч, призывая всех к молчанию. Земский староста замахал шапкой и объявил вече открытым. Протопоп, сняв с себя наперсный крест, благословил старшин и толпу, после чего выступил вперед Шабанов и низко поклонился народу.

— Братья! — крикнул он. — Народ православный! Почто мы сегодня собрались, — всем вам ведомо. Времени у нас мало: всякий час могут сюда нагрянуть княжьи люди. Так давайте без лишних баек и споров решать судьбу земли нашей Брянской, и да вразумит нас Господь своею премудростью!

По площади прокатился гул одобрительных голосов. Многие, скинув шапки, осеняли себя крестным знамением. Выждав пока всё снова затихло, Шабанов продолжал:

— Каков есть князь наш, Глеб Святославич и как печется он о народе своем, каждому ведомо. Так вот, пусть вече скажет, допрежь всего, свое слово: люб ему

---

[1]) Бирюч — глашатай.

сей князь али не люб? И надобно ли ему из Брянщины путь указать?

— Не люб он нам! — раздались отовсюду крики. — Пропади он пропадом, антихрист проклятый! Наладить его отселя к нечистому духу! Не хотим такого князя!

— На энтом весь мир, как один человек, стоит! — крикнул, протискиваясь вперед, рябой мужичек, принимавший столь деятельное участие в утренних событиях. — Да ведь князь-то добром не уйдет! Как сгоним-то его, братцы?

— О том речь впереди, — ответил Шабанов, — а сперва надобно с одним делом покончить. Стало быть Глеба Святославича мы не хотим. Но не зря говорится, что без князя земля вдова! Значит перво-наперво надобно думать: кого звать к себе князем? И может статься, что тот новый князь сам пособит нам старого согнать!

— Истина!

— Где там истина! То наихужее, что может быть: заварят они тут кашу, а мы хлебай! Один на другого татар призовет, а тот на его литовцев, либо смоленцев и вконец землю нашу разорят!

— Всем еще памятно, как тут брянские-то князья друг дружку чубасили!

— Самим надобно энтого согнать, а уж след того нехай другой жалует!

— Самим сгонять, это тоже-ть не просто! Сколько крови-то нашей прольется!

— Надобно сперва свой выбор сделать, — сказал Шабанов, — а тогда уже и прикинем, может ли нам пособить тот новый князь, али нет. Кого хотите к себе князем, православные?

— Да чего ж? Из брянских князей, окромя Глеба Святославича, почитай, один Дмитрий Александрович остался!

— Ну и нехай остается, бодай его козел! Не хотим мы его!

— Не хотим боле князя из этого поганого роду!

— Из иных русских земель князя надобно звать! Брянскими мы уже во как сыты!

— Одного из московских княжичей можно призвать!

— Не хотим московских! Москве только покажь сюды дорогу, — почухаться не успеешь, как она всю землю нашу под себя подберет!

— Энтим пальца в рот не суй!

— Смоленского, Василея!

— Бери его себе, а нам не надо! С ими, со смоленскими, войны не оберешься, а нам бы хоть чуток тихо пожить!

— Из смирных князей надобно выбирать и не драчливого роду!

— Так тогда что ж? Смирнее карачевских нету! Энти николи сами не воюют, только обороняются, когда на них кто лезет!

— И добро обороняются! Всем, чай, памятно как летось Василей Пантелеич нашему воинству налагал!

— Его и звать! Лучшего князя не сыщем!

— Вот это князь! Погляди как у его люди живут!

— Василея Пантелеича хотим к себе князем!

— Смоленского княжича хотим! — заорал кто-то из кучи торговых людей. — Смоленского, Василея, а не карачевского!

— Пойди ты к лешему, живоглот, со своим смоленским! Знаем, пошто ты за его кричишь!

— Корысть торговую выше блага нашего ставишь, чертов толстосум!

— Карачевского, Василия!!

Растолкав народ, к помосту пробился однорукий Федька, водивший медведя и подняв над головой свою культяпку, закричал на всю площадь:

— Братцы! Поглядите сюды! Вот энту руку мне Василей Пантелеич самолично отсек! Через его я калекой стал! А всё же я здеся громче всех кричать буду: его хотим к себе на княжение! А руку он мне отсек когда летось повел нас Голофеев карачевских смердов полонять, а Василей Пантелеич нас в лесу настиг. И рубанул

он меня спасая парнишку холопа, коего я мало не размозжил!

— И я там был! — закричал кто-то из толпы. — Весь отряд наш карачевцы тогда полонили и всех до единого Василей Пантелеич велел отпустить без откупа. Вот это князь!

— У такого и в ногах поваляться стòит того ради, чтобы принял нас под свою руку!

— Надысь сказывал мне сват мой, из карачевского села Клинкова, — крикнул рябой, — что приехал до них князь Василей Пантелеич и повелел всем, кто победнее, земли прирезать, а безлошадным подарил коней. А приказчика боярского, что народ обижал, присудил плетьми сечь!

— Энто настоящий князь, а не такой что у народа как чирей на спине сидит!

— Его давай на княжение! Василея Пантелеича! — закричали кругом. — О иных и слышать не хотим!

Замахав шапкой, Шабанов не без труда восстановил на площади тишину.

— Кого хочет народ, дело ясное, — сказал он. — И лучшего выбора не могли мы сделать. Но помнить следует, что Василей Пантелеич в своей вотчине княжит и едва ли схочет её покинуть...

— А кто велит ему свою вотчину покидать? — крикнул однорукий Федька. — Пущай и Брянском и Карачевом володеет!

— То еще и лучше, — закричали со всех сторон. — Соседи мы! Коли воедино сведем два наши княжества, всем от того польза пройзойдет! Гляди, какая сила получится! Никто сюды с войной сунуться не схочет!

— И по мне так, — промолвил Шабанов, — но надобно знать, что сам Василей Пантелеич на это скажет. Ведь Глеб-то Святославич еще в Брянске сидит и сила при нем немалая. Может статься, не схочет князь Василей свой народ в войну с ним втравливать.

— Сами своего змея наладим! Пущай телько согласится Василей Пантелеич у нас княжить!

— Знамо дело! Коли даст он свое согласие, сразу

учнем народ подымать. А может он нам и оружия чуток подбросит!

— Добро, — промолвил Шабанов, — тогда больше и толковать не о чем. Надо засылать к нему послов наших и звать на княжение.

— В сей же час посылать! Выкликай, народ, кого в послы?

— Шабанова, Дмитрия Романовича!

— Гостя[1]) Фрола Зуева!

— Староста Бобров, Анисим Ильич, нехай едет!

— Отца Евтихия!

— Не можно мне, чада мои, без благословения владыки в такое дело встревать, — сказал протопоп, подходя к краю помоста, — а владыка Исаакий, сами ведаете, в отъезде. Мыслю я, что выбор ваш он одобрит, такоже как и я одобряю, однако от лица церкви первое слово ему надлежит сказать, а не мне. Других выбирайте, братие, да не токмо от старшины, а и молодших людей не обходите: дело это всенародное!

— Истина! Гончара Фому давай!

— Ивашку Клеща!

— Федьку однорукого!

— Окстись ты! Куды я такой красивый да еще с ведмедем пойду? Других кричи!

— Андрюху Бохина!

— Матвея Никитина!

Вскоре состав посольства определился и выборным было наказано отправиться в Карачев на следующий же день.

— Да чтоб с худыми вестями не ворочались! — напутствовали их. — Хоть землю у ног Василея Пантелеича лбами своими протрите, а чтоб его согласие было!

---

1) Гость — крупный купец.

ГЛАВА 15

В середине декабря в Карачев приехал, с небольшим отрядом воинов и слуг, муж Елены Пантелеймоновны, княжич Василий Александрович Пронский. Сухощавый и подвижной блондин, с гладко выбритым подбородком, он выглядел моложе своих тридцати двух лет, а по характеру был весельчак и балагур. С его приездом патриархальная тишина карачевского дворца сменилась шумным оживлением, которому, впрочем, не суждено было долго длиться: княжич приехал за женой и через несколько дней должен был выехать, вместе с нею, обратно в Пронск.

За первым же ужином, к которому, по случаю приезда такого гостя, были званы карачевские бояре и кое-кто из дворян, — Василий Пантелеймонович, опечаленный предстоящей разлукой с сестрой, постарался отсрочить её отъезд.

— Куда тебе спешить? — говорил он зятю. — Делов у тебя важных в Пронске нету, ну и погости здесь подоле! А то потянешь Елену в эдакую даль по самым лютым морозам.

— И рад бы я, братец, да нельзя: родитель мой человек строгий и не только княжество, а и нас, сынов своих, держит в страхе Божьем. Коли наказал он мне к Рождеству Христову быть назад в Пронск, стало быть надобно ехать. А мороз русскому человеку не страшен.

— Опричь мороза, вам и Рязань угрожает. Лучше бы Елене здесь переждать поколе минет у вас опасность войны.

— Э, тезка! Та опасность, кажись, николи не минет, — так что же нам с женою до старости порознь жить?

— А как у вас ныне с Рязанью?

— Живем как братья родные, как Каин и Авель, — усмехнулся княжич. — Рязанский князь Коротопол никак того забыть не может, что Пронск прежде рязанским уделом был. Спит и во сне видит, как бы это снова на него лапу наложить. В минувшем году уже собрал он против нас большую рать, да не вышло: припугнул его князь московский, Иван Данилович, — он, вестимо, нашу сторону держит, потому что сильная Рязань ему никак не с руки. Мы же, пока суд да дело, времени не теряли и Пронск, который и прежде был зело крепок, еще гораздо укрепили. Потому Елене и можно туда смело ворочаться: зубы на нас Коротопол по-прежнему вострит, только ежели теперь сунется, — беспременно их под нашими стенами оставит. Еще, гляди, как бы мы его самого из Рязани не выгнали!

— Не боишься, Аленушка, ехать к таким забиякам? — шутливо спросил Василий.

— Чего же, братец, боятся? Война и здесь может случиться.

— С кем она тут будет? Глеб Святославич воюет со своими подданными, ему не до нас. Иные же соседи у нас смирные.

— А в уделах у тебя все спокойно? — спросил княжич.

— Всё слава Богу, хотя и есть люди, коим весьма бы хотелось дядьев моих взбунтовать, — сказал Василий Пантелеймонович, покосившись на боярина Шестака. — Княжение свое не войнами крепить хочу, а миром и правдой, которая у меня будет одна для всех, и для больших, и для малых. К слову, боярин, — обратился он к Шестаку, — ведомо ли тебе, что намедни приказщику твоему, Федьке Никитину, приказал я дать пятьдесят плетей за разбой?

— То мне ведомо от моих людей, — ответил Шестак. — Только зря тебе его оговорили, княже и напрасно ты тем наговорам веру дал. Коли не спешил бы ты рушить старые обычаи и предоставил то дело мне, я бы в нем лучше разобрался.

— Разбирать там было нечего, поелику твой холоп сам повинную принес. А вот про какие порушенные мной обычаи ты говоришь, я что-то в толк не возьму.

— Говорю я про то, что на Руси спокон веку суд над холопом вершит его господин. А ты тот обычай порушил и сам моего холопа судил и казнил.

— Стало быть князь, по твоему, не может в своем государстве судить и казнить разбойника, ежели он чей-то холоп? Не слыхал я что-то о таком обычае!

— За своих холопов перед князем я ответчик, но я же им и судья, — не унимался Шестак.

— Сдается мне, князь Василей, что не разумеешь ты своего боярина, — вмешался в разговор княжич Пронский, — а дело тут ясное: в обиде он на тебя за то, что ты велел дать плетей прикащику, а не ему самому, понеже он за холопов своих ответчик!

Шестак привскочил на лавке, но за столом раздался дружный взрыв хохота и дело обернулось шуткой.

— Коли так, не серчай боярин, — сквозь смех промолвил Василий. — Я тебя обидеть не хотел. То лишь по моему незнанию обычая вышло.

— Это все шутки, князь, — пробурчал Шестак, — а человека ты ни за что высечь велел.

— Повинную он принес при всей твоей челяди, — переставая смеяться жестко ответил Василий, — а коли мыслишь ты все же, что вины на нем нет, стало быть он на себя чужую вину принял. Я в то дело въедаться не стал, а ежели ты имеешь к тому охоту, дознайся от него правды и я тогда истинному виновнику втрое плетей велю дать!

— То не беда, что вздул ты Фому за Ерёмину вину, — засмеялся Пронский. — Чай Фоме оно на пользу пойдет, а Ерёме на острастку. Скажи-ка лучше, братец, где ты добыл такую важную турью голову, что вон там на стене висит? Что-то я в прошлый приезд её не видел.

— Этого тура мы вместе с Никитой взяли в минувшем месяце, надалече от Карачева. И тогда же вон того секача: видишь, голова над дверью?

— Видать знатный был секачина. Но турьих рогов таких я отродясь не видывал!

Разговор за столом перешел на охотничьи воспоминания и более не возвращался к острым темам. Но когда

гости разошлись и члены княжеской семьи остались одни, Василий Александрович, бывший человеком неглупым и очень наблюдательным, сказал шурину:

— Сдается мне, братец, что с боярами тебе будет немало мороки, ежели ты и впрямь общую правду для всего народа установить мыслишь. То им не на руку. Покуда ты с Шестаком препирался, я другим на рожи поглядывал и вижу, не жалуют они тебя.

— То мне ведомо, — ответил Василий. — По их разумению, князь для того и поставлен, чтобы масло им в кашу лить. А поелику знают, что я того делать не стану, — рады бы меня в ложке воды утопить. Только руки коротки.

— Все же ты опасайся их. Есть оружие, коего ни тебе, ни мне честь наша не дозволит пустить в дело, ну, а им оно как раз по руке: имя ему подлость. Оно и в слабых руках сильно, и тем оружием бояре не одного князя свалили.

— Упустили они свой час, — усмехнулся Василий. — Измены, либо воровства какого, ждал я от них как вступал на княжение. И ведаю, затевали они что-то, да, видать, сорвалось у них. А теперь не скоро дождутся случая.

— Может и так. Но все же на твоем месте я бы зорко за ними поглядывал. Берегись бед пока их нет!

Несмотря на то, что Василий уже привык к общей покорности и бдительность его значительно притупилась, — слова зятя произвели на него некоторое впечатление. Придя к себе в опочивальню и сбросив кафтан, он глубоко задумался.

Ему было очевидно, что бояре, сами по себе, не представляют серьезной опасности ни для княжества, ни для него лично: он был достаточно силен, чтобы, в случае надобности, скрутить любого из них. Опасность может возникнуть лишь тогда, когда они найдут себе пособников более сильных чем они сами.

На кого же они могут рассчитывать? На золотоордынского хана? — Эту мысль Василий тотчас отбросил: в интересах хана было защищать спокойствие и порядок в подвластных ему русских землях и он, конечно, ни-

когда не поддержит смутьянов, которые замышляют против своего законного князя, исправно платящего дань в Орду. Да они и сами к хану не посмеют сунуться.

Брянский князь едва-ли пойдет на такое дело, а если бы даже и хотел, то не сможет: ему дай Бог самому на своем столе удержаться, не то что соседних князей спихивать. Нет, пожалуй бояре могли рассчитывать только на его удельных князей. Но они сидят тихо и его вступление на карачевский стол приняли без возражений, как должное. Правда, крест они еще не целовали, но ведь он и сам пока не поднимал о том разговора. И стоит ли его поднимать? Пожалуй, нет надобности, — подумал Василий. — Поелику они во всем покорны, — какая нужда обижать их лишним напоминаем о том, что они, старые люди, обязаны повиноваться воле своего племянника? Лучше привести их к крестоцелованию малость погодя, когда оба пообтерпятся и поймут, что он вовсе не ищет их унижения. Остановившись на этом, самом благоразумном, как ему казалось, решении, Василий успокоился и крепко заснул.

Через несколько дней Елена с мужем уехала из Карачева. Василий и Никита, провожавшие их до ближайшего ночлега, возвратились домой мрачные и подавленные, за всю дорогу едва обменявшись несколькими словами: каждый был поглощен своими невеселыми думами.

Никита любил Елену Пантелеймоновну с того самого дня, когда впервые ее увидел. Другой, менее скромный и бескорыстный человек, на его месте, вероятно, пытался бы добиться взаимности. Как-никак он принадлежал к хорошему, старому роду и при дворе карачевского князя был принят как свой, — брак его с Еленой хотя и был бы неравным, все же находился в пределах возможного. Но Никита любовь свою к дочери владетельного князя и своего государя считал безнадежной и чуть-ли не кощунственной. Глубоко затаив ее в душе, он за все эти годы ничем не выдал своих чувств ни Елене, ни кому-либо другому, если не считать того

разговора, при возвращении с охоты, который позволил догадаться о них Василию.

Когда княжна вышла замуж, Никита не очень убивался: сам он никаких надежд не питал и знал, что все это должно кончиться именно так. Но другие женщины его не привлекали. Незаметно для себя он привык жить лишь памятью об Елене и последние месяцы, когда мог говорить с ней и видеть ее каждый день, он чувствовал себя почти счастливым. Теперь же, с ее отъездом, для него потускнели все краски мира.

Василий, проводив сестру, тоже остро почувствовал пустоту и одиночество своего холостяцкого существования. Правда, оставалась Аннушка, но её жизнь протекала в стороне, видеться они могли лишь урывками и Василия уже не удовлетворяли эти украденные у судьбы минуты счастья. Он сознавал, что так жить ему больше не пристало и надо обзаводиться собственной семьей. Но жалость к Аннушке все время заставляла его откладывать свое сватовство к княжне Ольге Муромской.

Чувство тоски и одиночества, охватившее Василия, обострялось вынужденным бездельем: после отъезда Елены, целую неделю валил снег, затем ударили лютые морозы. Жизнь в Карачеве замерла, все отсиживались по домам и если бы не густые столбы дыма, повсюду поднимавшиеся из печей, — город казался бы мертвым нагромождением снежных холмов, наметенных на руины древнего поселения, сотни лет назад покинутого людьми.

Однажды, когда Василий, погрузившись в раздумье сидел у пылающего очага, дворецкий ему доложил, что прибыли какие-то люди из Брянска и просят допустить их к князю.

— Кто такие? — вяло спросил Василий, не сразу переходя от своих дум к действительности.

— Шестеро их пришло, княже. Старшим у них сын боярский Дмитрий Романов сын Шабанов, а с ним торговые люди Анисим Бобров да Фролка Зуев, да еще гончар один и двое посадских, — запамятовал я имена-то их.

— "Это, видать, что-то незвычайное", — подумал Василий, а вслух сказал: — Ладно, веди их в переднюю горницу да с морозу поднеси по доброй чарке, а я сейчас выйду.

Когда через несколько минут князь вошел в приемную палату, шестеро сидевших там посетителей поднялись со скамей и низко поклонились, касаясь руками пола.

— Будь здрав вовек, князь-государь Василей Пантелеймонович, да хранит тебя Господь на долгие годы, — промолвил стоявший впереди всех пожилой мужчина с сильной проседью в бороде. По подбитому мехом кафтану военного покроя и висевшей на боку сабле, Василий сразу понял, что это и есть боярский сын Шабанов. Двое из его спутников были в крытых сукном лисьих шубах, остальные в нагольных тулупах.

— Будьте здравы и вы, добрые люди, — приветливо ответил Василий. — Сказывайте, с чем пожаловали?

— Чай ведомо тебе, княже, какое лихолетье переживает ныне наша Брянская земля, — не сразу начал Шабанов. — Непрестанными усобицами князей наших народ разорен до-чиста. Некому пахать, некому сеять: все здоровые смерды, годные к работе, кто голову сложил, кто воротился домой увечным, а иные в княжье войско поверстаны. По деревням только и остались бабы, детишки да старцы немощные, кои не выходят из нужды и голода. Не лучше и в городах. Рукомесло ныне умельца не кормит, торговля замерла: брянцам покупать не на что, а со стороны кому охота торговать с нами, коли в земле нашей нет ни закона, ни порядка? Князь же наш, Глеб Святославич, наиглавный в тех бедах виновник, вместо того, чтобы народ свой пожалеть, еще пуще его душит и выколачивает из людишек последнее...

— Погоди, — перебил Василий. — Все горести земли Брянской мне ведомы и отколе идут они я тоже добро разумею. Но того, что хулишь ты здесь князя Глеба Святославича, мне слушать не пристало. Не я его вам на княжение ставил, не мне и судить его.

— Мы у тебя суда на Глеба Святославича не ищем,

— ответил Шабанов. — Мы сами, весь люд брянский, его судили и приговор наш единокупен: не хотим больше такого князя, ибо не защитник он своего народа, а первый ему лиходей и кат. Коли оставим его, — он и вовсе всю землю нашу обезлюдит. Ты не мятежников зришь перед собой, княже, а выборных брянских людей, вечем народным посланных к тебе челом бить: избави нас от великой беды и смуты, прими над землею нашей княжение! — с этими словами Шабанов и его спутники повалились перед Василием на колени.

Василий, который, судя по первым словам Шабанова, полагал, что брянцы будут просить какой-нибудь помощи в борьбе против своего князя, был настолько изумлен этим неожиданным челобитьем, что в первый миг даже растерялся.

— Да как же так? — промолвил он. — Ведь я не свободен. У меня своя вотчина есть... Да вы встаньте с колен-то... Аль мыслите вы, что я землю отцов своих оставлю другому, а сам к вам пойду?

— Почто её другому оставлять? — сказал Шабанов, поднимаясь с колен. — Будешь княжить и там и тут. Сольем два государства наших под твоею властью! Каждой стороне от того будет выгода. Давно ли Брянск и Карачев частями единого княжества Черниговского были, наибольшего на Руси? Вот к тому и надобно обратно идти.

— Почто меня-то призываете вы? Или мало вам на Руси других князей, гораздо старших и славных, нежели я?

— А ну их, этих старших да славных! — махнул рукой Шабанов. — Мы как раз не славного, а тихого да разумного князя хотим! Хватит с нас славных-то! Тебя к себе на княжение просим потому, что ты всем брянцам люб. Оно и не диво: всем ведомо как в твоей вотчине люди живут. И дед твой, и отец были государи мудрые и смирные, о народе своем пеклись, войнами да усобицами его не губили, — знаем что и ты такой. Не зря на Брянщине тебя всем прочим князьям в пример ставят. Пожалей, батюшка Василей Пантелеич, народ наш горемычный, уважь челобитье его!

— Уважь, батюшка князь, всем миром тебя о том просим! — повторили и другие выборные, снова опускаясь на колени.

Василий, уже оправившийся от неожиданности, глубоко задумался. То, что предлагали ему эти люди, было не только разумно, но и отвечало его собственным представлениям о пользе раздробленной на уделы Руси. Перед ним открывалась возможность объединить под своей властью два сравнительно крупных княжества и тем положить во всем этом крае конец раздорам и усобицам, зачинщиками которых всегда являлись неугомонные брянские князья.

Он уже готов был дать свое согласие, но сейчас же ему пришло в голову другое соображение: Глеб Святославич, со своей дружиной, сидит еще в Брянске и добром оттуда, конечно, не уйдет. Значит надо будет идти на него войной. Удобным для себя моментом легко могут воспользоваться оба Мстиславича, которые попытаются отделить Козельск и Звенигород, а то и захватить Карачев. Тогда, вместо умиротворения, весь край окажется залитым кровью и в глазах народа единственным виновником этого будет он, Василий, погнавшийся за чужой вотчиной. Нет, прав был отец, — в таких делах надобно охватывать всё и нельзя поддаваться первому чувству, сколь бы оно ни казалось благонамеренным.

— Брянский народ я благодарю за высокую честь и в челобитной ему не отказываю, — медленно сказал Василий после продолжительного раздумья, — но и принять ее не могу, покуда князь Глеб Святославич находится на Брянщине. Коли есть еще люди, которые за него стоят, стало быть не все у вас хотят меня князем. Значит не миновать войны, — прольется много крови и моих и ваших людей. Я же ищу мира и не хочу, чтобы мои подданные помыслили, что ради возвеличения своего повел я их на убой. А посему вот вам моё слово: силою выгонять Глеба Святославича из Брянска не стану, а коли вы сами ему от себя путь укажете, — тогда приду и буду у вас княжить. И земли наши воедино сольем.

— Того мы от тебя и ждали, — также подумав ответил Шабанов. — Вестимо, ежели дал бы ты нам в помощь своих воев, либо пособил оружием, всё это дело куда скорее бы завершилось. Однако перечить тебе не станем и волю твою чтим. Коли ты своих людей бережешь, стало быть и нас беречь будешь, когда сядешь в Брянске князем. А что сядешь, — в том у нас сумнения теперь нет, ибо Глеба Святославича мы, с помощью Божьей и сами сгоним! У людишек наших силы вдвое прибудет, как узнают они, что дал ты согласие свое. Ну, а пока прощай, княже и спаси тебя Христос за то, что не отвернулся ты от нас и уважил мольбу страждущей земли нашей!

— Не достоин был бы я любви вашей, коли отпустил бы от себя голодными в такой холод, — усмехнулся Василий. — Прошу в трапезную: закусим и побеседуем за чаркой об иных делах.

ГЛАВА 16.

«Аще не охранит Господь града, не спасет ни стража, ни ограда».

Древне-русская поговорка.

Томительно долго тянулся студеный январь. Плотно укрывшись горностаевой шубой снегов, земля спала глубоким сном. Ледяные цепи зимы крепко сковали природу. Под тяжестью искрящихся снежных пластов, в насыщенном холодом воздухе неподвижно стыли темные лапы елей. Даже звери попрятались по укромным убежищам и норам, а о человеке и говорить нечего: коли не было в том крайней нужды, он старался не покидать своего жилища и жался поближе к очагу, в котором ни днем, ни ночью не погасал огонь.

В деревнях и селах, по очереди собирались в каждой избе, бабы чесали кудель, пряли нитки и ткали, негромко напевая. А когда надоедало петь, пугали друг друга страшными рассказами об упырях и оборотнях, об озорных проделках лешего, о русалках и другой нечисти. Или слушали длинную, как зимняя ночь, сказку о непобедимых богатырях и прекрасных царевнах, которую заводила какая-нибудь бывалая старуха. Мужчины, делая вид будто их мало интересуют все эти бабьи рòсказни, тут же неторопливо правили свои зимние дела: чинили сбрую, катали валенки или сучили лёски из конского волоса.

Однообразно тянулось время и в княжеских хоромах. Со дня отъезда сестры, Василий лишь два — три раза навестил Аннушку, да однажды ходил с Никитой в лес, брать из берлоги медведя. Всё же остальное время

коротал преимущественно в своей трапезной, в обществе Никиты, Алтухова и других ближних дворян. От скуки пили и ели гораздо больше обычного, вспоминая прошлое Русской земли, обсуждая ее настоящее и делясь мыслями о будущем. Вокруг было тихо и всё, казалось, предвещало Карачевской земле мир и спокойствие.

В первых числах февраля в Карачев нежданно приехал князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Василий, несколько удивленный его появлением, насторожился, но тем не менее принял дядю с подобающим радушием.

— Ну, вот и я, братанич дорогой, — ласково говорил князь Андрей, троекратно целуясь с Василием. — Не обессудь, что я тебя по старой привычке так называю. Ведаю, — ныне ты над нами великий князь и надлежит мне чтить тебя в отцово место, — с добродушным смешком добавил он.

— Полно, Андрей Мстиславич, княжеские дела одно, а семейственные — иное. И нету к тому причин, чтобы менять наши родственные обычаи.

— Рад это слышать от тебя, Василей Пантелеич! Сам ведаешь, как сына тебя люблю и лучше иных разумею, что большого княжения из нас всех ты наиболе достоин! От сердца тебя поздравляю и первый пред тобою голову клоню, — с этими словами Андрей Мстиславич и в самом деле низко поклонился племяннику.

— Что ты, дядя Андрей! — обнимая его воскликнул Василий, невольно поддаваясь обаянию этих льстивых слов. — Не по службе приехал ты, а как дорогой гость и как равный!

— Не только гостевать я приехал, а наипаче долг свой пред тобою исполнить. И поверь слову, Василей Пантелеич, доселе не мог я этого сделать: изрядно позадержался у тестя в Литве, а как добрался до дому, гляжу — делов накопилась целая прорва. Только вот сейчас и удалось вырваться.

— Не разумею я, о чем говоришь ты, Андрей Мстиславич?

— Крест тебе целовать я приехал.

— Ну, какой в том спех? Я тебе и так верю.

— Нет, не говори, Василей Пантелеич! Это надобно сделать немедля. Беспременно сыщутся злые языки, которые станут тебе на меня всякое нашептывать. Так вот, я и хочу чтобы промеж нас всё ясно и чисто было и ты бы сам мое к тебе усердие видел!

— Воля твоя, но знай: я тебя к тому не понуждаю.

— Знаю, родной. Но сам я хочу исполнить то, что мне моя совесть велит. Ты предвари отца протопопа, чтобы готов был, а то мне сегодня же в обрат ехать надобно: княгиню свою оставил вовсе хворой.

— Ну, по крайности сперва хоть потрапезуем по христиански!

— От этого отказываться, вестимо, не стану. Только допрежь всего хочу я сходить во храм Михаила-архангела, поклониться праху возлюбленного братца Пантелеймона Мстиславича, родителя твоего. Как горевал я, получивши весть о его кончине! Веришь, — целую ночь плакал как махонький! Ехать на похороны было уже поздно, но я в тот же час отписал Покровскому монастырю пятьсот четей земли и две деревни, на вечное поминовение его праведной души.

Пока Андрей Мстиславич совершал свое паломничество, Василий, не переставая удивляться усердию дяди, послал звать к обеду отца Аверкия и бояр.

Трапеза затянулась надолго. Звенигородский князь был в ударе и обстоятельно рассказывал обо всем, что видел и слышал в Литве, а боярин Шестак задавал ему бесконечные вопросы, выпытывая все новые подробности. Наконец, когда начало смеркаться, князь Андрей спохватился, что ему скоро надо ехать и поднялся из за стола.

— Что же, Василей Пантелеич, — сказал он, — исполним главное, коли ты готов. Так уже буду я спокоен, что даже в мыслях не попрекнешь ты меня гордыней, либо каким тайным умыслом. А ты, боярин, — обратился он к Шестаку, — сделай милость, — прикажи моим людям, чтобы зараз коней готовили.

Шестак ушел и долго не возвращался. Остальные

тем временем последовали за Василием в крестовую палату. Войдя туда, Андрей Мстиславич приблизился к алтарю, преклонил колени и истово помолился. Затем поднялся, оглянул иконостас и промолвил, обращаясь к Василию:

— Что-то не вижу я здесь образа Архангела, коим великий дед мой покойного родителя благословил?

— Тот образ в моей опочивальне, в божницу вделан, — ответил Василий.

— Воля твоя, Василей Пантелеич, а хотел бы я крестоцелование свое свершить пред ликом семейной святыни нашей. Не можно ли его сюда принести?

Василию была хорошо известна необычайная набожность звенигородского князя, а потому желание это показалось ему вполне естественным. И он ответил:

— Сюда принести трудно: всю божницу, и с лампадами придется подымать. А ежели хочешь, — пойдем отсюда в опочивальню и там отец Аверкий тебя ко кресту приведет.

— Добро, пойдем! Спаси тебя Господь, братанич, за то что просьбу мою уважил, — сказал Андрей Мстиславич. Протопоп взял с аналоя массивный золотой крест и все отправились в княжескую опочивальню.

Подойдя к божнице, освещенной ровным светом лампад, князь Андрей стал на колени и распростерся ниц перед образом архангела Михаила. Все остальные тоже преклонили колени. Свершив краткую молитву, отец Аверкий крестом благословил присутствующих и все поднялись на ноги, только Андрей Мстиславич еще некоторое время продолжал класть поклоны, шевеля губами и истово крестясь. Наконец он тоже встал и промолвил:

— Счастлив ты, Василей Пантелеич! Счастлив, что в доме твоем находится эта великая святыня нашего славного рода. Пресвятой Архангел, воевода небесного воинства, почиет здесь и с таким хранителем не страшны тебе все земные вороги!.. А в этом ларце, что стоит под образом, должно быть хранится духовная князя

великого Мстислава Михайловича, покойного батюшки моего?

— Да, она, — ответил Василий, подходя к ларцу и опуская руку на его крышку. — Может желаешь прочесть её перед крестоцелованием, дабы не иметь сумнения в том, что все свершается согласно воле первого князя земли нашей?

— Что ты, Василей Пантелеич! Какие могут быть у меня сумнения? Я ту духовную добро знаю и еще раз читать ее нет мне никакой надобности. Да и время мое на исходе. Давай приступим, отец Аверкий!

Священник, с крестом в руке, подошел вплотную к божнице и стал рядом с Василием. Андрей Мстиславич, устремив глаза на лик Архангела, поднял правую руку и отчетливо, без заминки, словно делал это уже не раз, произнес:

— Яз, раб Божий недостойный Адриан, а во святом крещении Андрей, князь звенигородский, перед сими святынями клянусь: братанича моего, Василея Пантелеймоновича, старшим в роду почитать и из воли его не выходить доколе он большим князем земли Карачевской будет. В том призываю Господа во свидетели и святой кресть Его целую!

С последним словом он шагнул вперед и приложился губами ко кресту, протянутому ему отцом Аверкием. Затем низко поклонился племяннику, который обнял его и троекратно поцеловал.

Василия немного удивили слова произнесенной клятвы и на мгновение ему показалось, что звенигородский князь оставляет себе какую-то лазейку. Но эта мысль сейчас же рассеялась.

— "Поелику большим князем земли Карачевской я остаюсь до смерти своей, либо пока сам не покину княжения, — подумал он, — Андрей Мстиславич сказал правильно. А что он многоглаголен и цветистую речь любит, — то давно всем ведомо".

— Ну, вот, промолвил князь Андрей, — теперь я

перед тобою и перед совестью своей чист. Что же до брата моего, Тита Мстиславича, — чай сам ведаешь, что он чуток с норовом... Ты не помысли, будто я про него худое хочу сказать, — спохватился он, — только мнится мне, что сам он сюда для крестоцелования не приедет, как я сделал. А ежели ты его спесь уважишь и однажды самолично к нему в Козельск наведаешься, — он тому будет рад и там же тебе крест поцелует.

— Я с этим не спешу, — ответил Василий, а совет твой мне люб. Дядя Тит Мстиславич годами всех нас старше и чести моей не убудет, ежели я его старость уважу. Как только время выберу, первым поеду к нему в Козельск. Только мнится мне, что лучше повременить с этим до лета, дабы не помыслил он, будто мне не терпится его крестоцелование принять.

— Истина, родной, истина! Мудр ты не по летам и с таким князем процветет и возвысится земля наша!

Во время этого разговора, некоторые из бояр уже вышли из опочивальни в переднюю горницу. Однако находившийся в их числе Шестак вскоре торопливо вошел обратно и крикнул испуганным голосом:

— Никак горим, княже!

— Как горим? Где ты увидел?

— Что-сь во дворе полыхает. Скрозь окна передней горницы большой огонь виден!

Все поспешно бросились из опочивальни. Один лишь Андрей Мстиславич замешкался в ней немного, прикладываясь к образу архангела Михаила. Но через минуту и он присоединился к остальным, так что небольшой задержки его никто в сумятице не заметил.

Слова Шестака всех взволновали не на шутку, ибо в те времена, когда всё строилось из сухого дерева, а борьба с огнем велась лишь с помощью ведер и топоров, — пожары являлись страшным и частым бедствием, уничтожавшим целые города.

К счастью оказалось, что во дворе горел сенной сарай, стоявший несколько особняком от других постро-

ек. Сена в нем тоже было немного. Сбежавшиеся люди, под личным руководством Василия, закидали огонь снегом и вскоре пожар был потушен. От чего он произошел, осталось невыясненным.

— Дивное дело, — говорили люди, — отколь там огонь мог взяться? Ведь и близко никого не было!

— Не иначе как издаля, из какой-либо печи искру переметнуло!

— Должно так. Но вот диковина: сарай был весь снегом занесен, да к тому и ветра нет!

— Может домовой, либо кикимора осерчала?

Посудачив, все разошлись и на том дело кончилось, ибо злого умысла тут подозревать было нельзя: кто стал бы поджигать почти пустой сарай, стоящий в стороне от других строений?

Едва покончили с пожаром, князь Андрей, повозка и люди которого были уже готовы, заторопился с отъездом.

— Куда ты поедешь, на ночь глядя? — удерживал его Василий. — Волки теперь большими стаями ходят. Оставайся ночевать, а завтра поутру тронешься.

— Благодарствую, Василей Пантелеич. И рад бы остаться, но не могу: обещал своим, что назад буду без промедленья, да и самого меня нездоровье жены тревожит. А волки нам не страшны: ночь будет лунная и со мною человек двадцать слуг.

И сердечно распрощавшись с Василием, он уехал.

ГЛАВА 17

«Невры[1]) повидимому колдуны. Скифы и живущие там эллины утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а потом снова принимает человеческий облик».

Геродот.

Вечером того самого дня, когда в карачевском дворце происходили только что описанные события, в новенькой пятистенной избе Лаврушки, стоявшей на самом краю посада, было тепло и людно. Вокруг большого, не успевшего еще потемнеть стола, неторопливо беседуя, сидело за трапезой несколько человек. Молодая хозяйка Настя, с лицом разрумянившимся от жара, ловко орудовала у печки, время от времени подкладывая всякой снеди в стоявшие на столе миски.

Не прошло и месяца с того дня как молодые справили свою свадьбу и Насте тут всё еще казалось необычным: и просторная изба, выглядевшая хоромами по сравнению с ее прежним деревенским жильем, и новая добротная утварь, и обилие соседей, а главное, — то уважение с которым они относились к ее мужу, еще недавно безродному деревенскому пареньку. Новая жизнь казалась Насте почти сказкой, а потому хозяйничала она с охотой и усердием. Все спорилось в ее умелых руках, всё вокруг блистало чистотой и порядком.

Сегодня был "прощеный день", — конец масляницы и перед вступлением в великий пост, люди предавались веселью и чревоугодию. После катания с гор, ку-

---

1) Невры — праславянское племя, во времена Геродота (5-й век до РХ.) обитавшее на территории нынешней Белоруссии.

лачных боев и других уличных потех, Лаврушка позвал к себе на блины двух неженатых приятелей дружинников, а Настя пригласила соседку с которой успела особенно подружиться, — молодую еще вдову Фросю, с десятилетним сынишкой Сеней. Под вечер неожиданно пришли еще двое. Это были односельчане Насти, дед Силантий и молодой веселый мужик Захар Дубикин, присланные своей общиной с челобитной к князю.

Сейчас вся эта братия сидела за столом, освещенным горящею с двух сторон лучиной и справившись с огромной миской наваристых щей, приканчивала уже не первую стопку промасленных блинов, которые хозяйка то и дело подкладывала на плоскую деревянную тарелку.

— Эк потрафило тебе, Лавруха, — говорил Захар Дубикин, запивая очередный блин глотком браги. — Живешь ноне что твой боярин! Ведь год назад и сам ты о таком помыслить не мог!

— Истина, Захар! Кабы не князь наш, дай ему Бог сто лет жизни, не видать бы мне ничего этого. Так по сиротству своему и остался бы на деревне последним человеком.

— В народе бают, что Василий Пантелеич дюже правильный князь. Сказывают, для его всё едино, что боярин, что смерд.

— То так и есть, — подтвердил один из дружинников.

— Вот же, вот! — сказал дед Силантий. — Потому и порешили мы прямо ему бить челом с нашим делом.

— А какое у вас дело? — полюбопытствовал второй дружинник.

— Да вишь, имеется там у нас один луг спорный. Спорности-то в ём, положим, никакой нету, энтот луг завсегда нашей общине принадлежал. Да только от деревни он далеко и мы его годов пять али шесть не косили, — сена нам покедова и с ближних лугов хватает. Ну, а теперь почал его выкашивать боярин Опухтин, — его вотчина с нашими землями смежается. Вот, значит и опасаемся мы, как бы тот луг боярин у нас вовсе не оттяпал.

— А что думаешь! У бояр это скоро.

— Вот же, вот! Летось мы боярскому прикащику сказывали: коли боярину сена не хватает, пущай покедова косит. Только луг наш. А прикащик в ответ: — "то еще бабушка надвое сказала, ваш аль не ваш! У вас, баит, на этот луг грамоты нету, стало быть луг боярский, а не ваш". Грамоты у нас и точно нету, но нету ее покеда и у боярина. Ну, значит, как стало всем ведомо, что новый князь человек правильный, мир и порешил ударить ему челом, чтобы дело это по закону урядить.

— Не сумлевайся, дед, — сказал Лаврушка, — князь вас в обиду не даст. Он бояр не дюже жалует. А вот ты поведай лучше, как сегодня над вами леший надсмеялся!

— Да что тут сказывать? Одно слово — удружил, проклятый! Как есть сбил с пути, и в таком месте, к тому ж, которое я не хуже своего двора знаю!

— Часа три по лесу блукали, — подтвердил Захар, — уже не чаяли и на дорогу выбраться, да спасибо дед Силантий тоже не лыком шит, знал как лешему нос утереть!

— Расскажи, дедушка, всё как оно было, — попросила Настя, подкладывая на стол блинов. — Да и блиночки кушай!

— Благодарствую, хозяюшка. Кажись уже сыт по горло.

— Ништо, дед Силантий, — сказал Лаврушка, — блин не клин, брюха не расколет! Ешь, да рассказывай!

Силантий не заставил себя долго упрашивать. Он взял с тарелки румяный и лоснящийся блин, свернул его в трубку, обмакнул в миску со сметаной и неторопливо съел, оставив лишь самый краешек, который швырнул под печку. Затем допил брагу и туда же выплеснул из чарки последние капли. Человек бывалый, обычаи вежливости он соблюдал строго: сидя в гостях, не забывал почтить домового.

— Стало быть так, — начал он свой рассказ. — Выехали мы с Захаром с самого ранья и к полудню нам уже недалече до Байкова оставалось. Но только мы из

лесу к деревне начали сворачивать, глядим — у самой дороги на пне мужик сидит. Мужик как мужик, не дюже старый, борода кучерявая, седоватая. На ём тулуп, а сбоку котомка. Сидит, значит и прямо на нас глядит. Захар и крикни ему:

— "Здорово, земляк! Пошто тут на морозе сидишь? Гляди, задница ко пню примерзнет!" — А мужик хоть бы что, только пуще на нас вылупился. Начал я смекать, что дело нечисто и говорю тихонько Захару:

— "Брось ты его чипать, а стебани-ка лучше коня, чтобы он нас поживее отседа унес!" — Тут и Захар уразумел что энто за мужичек, и давай коня кнутом полосовать! Покатили шибко и назад не оглядаемся. Только не проехали и полпоприща, посклизнулся наш конь и захромал на всю! Видим, нипочем до Карачева не дойдет. Делать нечего, оставили его, вместе с санями, у Захарова кума в Байкове, а сами пѐшки пошли. Оттель до города поприщ десять, а прямиком, по просеке и восьми не наберется. Только значит, свернули мы на тую просеку, глядим — впереди через неё волк перебежал. Ну что-ж? Всякому ведомо, что коли волк дорогу перебежит, энто к добру. Обратно же, днем волк не страшен. Идем, стало быть, дальше. Часа пол шли, только видим — просека кончается и кругом такая глухомань, какой я в тех местах с роду не видывал. Не иначе, думаю, как забрали мы от просеки вправо, по прогалине. Поворотили в обрат, вышли на истинную просеку, идем будто правильно. Глядь, — впереди снова волк через дорогу шмыгнул! Чего, думаю, он, анафема, тут мотается?

Одначе идём. Поприща два отмахали, — опять просека в чащобу упёрлась и дальше дороги нету! Вернулись чуток назад, взяли по тропке влево, идём. Невдолге видим — снег впереди притоптан, стало быть кто-сь перед нами шел. Пригляделись, а энто наши же следы! Захар баит:

— "Сбились мы, дед Силантий, начисто!"

А я и сам вижу, — что сбились, только ума не приложу как оно могло приключиться, коли я теми местами разов с сотню хаживал? Тут меня и осенило: то не

волк был, а леший, принявший волчью личину. И он, значит, над нами потешается, с пути нас сбивает. Говорю Захару: — так, мол и так, покладём ему на пенек краюху хлеба, может подобреет и отступится. Ну, поклали и дальше идем. Только дороги нет как нет. Вдруг в ельнике как заверещит, как захохочет, да захлопает крыльями! У нас индо шапки попадали!

— Ну, — говорю, — Захар, хлеб нипочем не помогает. Видать дюже ты лесного хозяина обидел своей надсмешкой. А Захар с лица побелел и спрашивает:

— "Чего ж теперя робить станем?"

Я говорю: отвод есть верный. Надобно нам всю одежонку с себя поснимать и надеть её навыворот. Враз на дорогу выйдем. А Захар баит:

— "Неужто, дед Силантий, все скидать? Гляди, морозище какой!"

Оно и правда. Ну, думаю, спробуем сперва одни тулупы да шапки выворотить, коли леший не дюже осерчал, может, на том смилуется. Только куды тебе! — Еще гуще да темней чащоба пошла! А день уже к вечеру клонится. Видим, время терять боле вельзя, сели на снег и давай с себя всё скидывать да на изворот выворачивать...

— Неужто до гола раздеваться пришлось? — спросил Лаврушка.

— А что станешь делать? Не пропадать же в лесу! Всё как есть с себя постаскивали и навыворот надели, даже-ть портянки на другую сторону перемотали. Так нас мороз пронял, что как кутята трусимся!

— Ну, говорю, Захар, теперя бегим что есть мòчи, чтобы отогреться. — Только разгон взяли, коли глянь, а вот она и дорога! Враз я то место признал: поприщах в трех от Карачева вышли.

— Так, значит и пришли в город во всем вывороченом? — спросил один из дружинников.

— Когда кресты на церквах Божьих увидели, — шапки и тулупы снова надели как подобает. А порты и рубахи уже тута, в избе обратали.

— То добро еще, что ты верный отвод знал, — сказал Лаврушка. — А меня учили, — надобно левый са-

пог, либо лапоть на правую ногу одеть, а правый на левую.

— Иной раз и это помогает, — промолвил Силантий, — но одежу выворотить куды верней.

— Как же вы сразу-то лешего не распознали? — спросила Фрося. — Ведь у него глаза кругловатые, а бровей и вовсе нету.

— Поди распознай, коли у него шапка была на самый нос насунута! — ответил Захар. — Да и думки у меня не было к ему приглядаться: эка невидаль, — среди бела дня мужик у дороги сидит!

— Дедусь, а дедусь! — обратился к Силантию внимательно слушавший Сеня. — Значит тот мужик, что на пне сидел, энто и был леший?

— Он и был, детка, — ответил старик. — Он же и на коня нашего порчу навел.

— А как же он опосля волком стал?

— Обернулся им, того и дѐла. Ему энто всё одно как тебе тулуп надеть.

— Какое же его истинное обличье? — не унимался Сеня.

— У нѐжити своего обличья нету, — пояснил дед, — она только под чужой личиной бывает видима. Леший, к примеру, могёт принимать личину мужика, волка и филина. Деревом тоже оборачивается. Водяной, тот всего чаще берет видимость пузатого старика с зелеными усами, а иной раз колесом, либо бороной по воде плавает. Полевик — энтот пьяным мужиком по полю шатается или копной стоит.

— А домовой, дедушка, каков из себя?

— Домового, сынок, из живых людей никто толком не видел и тебя не приведи Господь увидеть. Он человеку только перед самой смертью показывается, когда уже тот никому рассказать не может. А в пол-показа иной раз является он перед большой бедой. И ведомо только, что махонький он, белый да лохматый.

— А пошто он перед бедой приходит? Рази ж он злой?

— Приходит, чтобы человека о беде упредить. А коли ему уважение оказывать, он тогда не злой. Да оно

и леший не злой, только что пошутковать над людьми любит.

— А водяной?

— Водяной, энтот похуже. Он дурить с тобою не станет, а враз тянет на дно. Однако и его умеючи задобрить можно.

— Откедова же, дедусь, вся эта нѐжить взялась?

— То бывшее воинство дьяволово, — пояснил дед Силантий. — Однова восстал дьявол на Бога и привел с собою рать несметную. Но воевода Господень, архангел Михаил, энту рать нечистую разбил во прах и низвергнул с небес. Попàдали слуги дьяволовы на землю и оборотились — кто лешим, кто водяным, кто иной нечистью.

— А какая еще нечисть бывает, дедушка? — допытывался Сеня.

— Да отвяжись ты от человека, репей! — прикрикнула на сына Фрося. — Глядите на его — десяти годов еще нету, а уже все ему знать надобно!

— Нехай учится, — сказал Лаврушка, — то ему на пользу пойдет. А ну, братцы, еще по чарочке! — обратился он к приятелям, подливая им браги.

— А вот и закушенье, — сказала Настя, ставя на стол миску с холодцом. — Отведайте, будьте ласковы!

— Эх, была не была, — сказал Захар, придвигаясь к миске. — Сыт уже я, да на хорошую еду еще кишку найду!

— Это так, — поддержал младший из дружинников. — На лакомый кусок в брюхе всегда сыщется уголок.

— Дѐда, — тихонько толкнул Сеня старика Силантия, — а волкулак энто тоже леший?

— Эко сказал! Волкулак — энто оборотень, человек обращенный в волка либо колдовством, либо своей охотой.

— И всякий может в волка оборотиться?

— Коли знает заговòр, то может. Для этого надобно сыскать в лесу гладкий пень, покласть на него шапку и сказавши заговор, кувырднуться через тот пенёк. А чтобы вдругораз человечий образ принять, —

в обрат надобно кувырднуться. Но ежели, покуда ты волком бегаешь, кто-либо шапку твою унесет, — оставаться тебе волком на веки вечные, либо доколе тебя в том волке кто-нибудь не признает и по имени не окликнет.

— А как колдуны людей в волков оборачивают?

— С наговором накидывают на человека волчью шкуру, либо обманом заставляют его переступить через веревку, свитую из волчьей шерсти. Колдуны да ведьмы любят сами волками оборачиваться и с таким оборотнем повстреваться не дай Господь: ён как упырь крови человечьей ищет.

— Как же распознать, деда, волкулак энто или обнаковенный волк?

— У волкулака зубы всегда черные как деготь, а глаза красные. Иной раз бывает, что у него усы человечьи.

— А коли на ём шкура обвислая, будто на вырост шитая, — добавил Захар, — энто значит не простой волкулак, а колдун либо ведьма в волчьем образе. И только когда такой оборотень крови надуется, тогда на ём и шкура натягивается впору.

— Помнишь, дедушка Силантий, — вставила Настя, — как в запрошлом году, осенью к нам на деревню волкулак забег? Вот страху-то было!

— Как же, помню. Он тогда к кажной избе подбегал и всё норовил внутрь заглянуть.

— Ох и испужались мы! Как увидели, что он от избы к избе бегает, — дверь припёрли снутри дрючком, а сами все на полати сбились и ну Богу молиться!

— Ну и что же было? — спросила Фрося.

— Худого он никому не сделал. Обежал всю деревню и утёк обратно в лес, — сказала Настя.

— Тут дело известное, — пояснил Силантий: — покеда он волком-то рыскал, кто-сь у него шапку с пенька украл. Вот он её и шукал повсюду.

— Это что, — сказала Фрося. — А вот лѐтось приезжала моя кума из Смоленщины и сказывала, что у них колдун целую свадьбу в волков оборотил, и людей, и лошадей, — всех до единого!

— Ну, уж это, мабуть, того, — усомнился Захар, — чтобы целую свадьбу...

— Да уж кума мне врать бы не стала! Я ее добро знаю: она такого греха на душу не возьмет!

— Как же такое случилось?

— Выдавал там один богатей дочку замуж. И в самый тот час, когда уже готовились в церкву, к венцу ее везти, зашел к ним во двор странник и набивается, чтобы и его на свадьбу позвали. Ну, а отец-то невесты и укажи ему на ворота. Ухмыльнулся тот странник и ушел, не промолвив и слова.

Вот, значит, съездили в церкву в соседнее село, обвенчали молодых и под вечер, на трех либо на четырех повозках, в обрат ворочаются. Веселье, вестимо, песни, лошадей гонят во всю и на земь никто не глядит. А тот странник в перелеске положил на дорогу веревку из волчьей шерсти и только, значит, свадьба через тую веревку с разгону пронеслась, — так все разом волками по полю и рассыпались!

— Вот это да! — воскликнул Лаврушка. — Видать, силен был колдун! Так, значит, все и пропали?

— А вот погоди. Ну, стало быть, дома ждут молодых из церквы, а их нет и нет. Уж на ночь глядя, сгонял кто-то на село, там ему говорят: давно, мол, обвенчались и в обрат уехали. Мать дома плачет, убивается, не знает что и думать. Только уж под утро слышит — волк под самым окном избы воет, да так жалостливо, ну прямо как человек плачет! Ночь была светлая, выглянула мать в окошко и видит: сидит прямо перед ней волчица, на неё глядит, а у самой слезы из глаз так и льются! И надоумил её Господь, крикнула она во весь голос: — "Марьюшка, да ужель это ты?" — И враз ее дочка снова человеком стала. Ну, рассказала она, что с ними в лесу произошло, и понеже все те волкулаки вблизи от деревни бегали, мало по малу родные их всех опознали и кого окликали по имени, тот мигом сам собою оборачивался. Только лишь кони пропали в чистую!

— Хвала Господу, что эдак-то кончилось, — промолвил дед Силантий. — А кабы колдун на них особый

наговòр положил, так и деревни бы своей не нашли. Забежали бы нивесть куды, где их никто не знает, и остались бы навеки волками.

— А вот, я тоже слыхал от бывалого человека, — вставил один из дружинников: — обманом закабалил боярин некого смерда из ихнего села, а тот малое время спустя повстревался в лесу с чужим стариком, да ненароком и рассказал ему о своем горе. Ну, старику этот бедолага, видать, по душе пришелся. Достает он из котомки пояс кожаный, вельми казистый, с серебряными наковками, и говорит тому: — "подсунь как-либо этот пояс своему боярину, токмо гляди, ни в коем разе сам его не надевай!" Взял, значит, смерд пояс да невдолге и повесил его на перилах боярского крыльца, как раз к тому часу, когда боярин выходил поглядеть чтò в хозяйстве деется. Повесил, а сам затаился за овином и ждет, что дальше будет. Вот вышел боярин, увидал пояс, повертел его в руках, а потом и примерился им до своего пуза. И только застебнул пряжку, разом оборотился в волка! Но того, видать, сам не сообразил и стоит, значит, на месте как ништо не бывало. Глянул туды кто-то из челяди и крик поднял, — волк на крыльце! Ну, тут кто за вилы, кто за дрючек, собак, вестимо, спустили, и пришлось нашему боярину дать дёру в лес. Только его и видели!

— Дело ясное, — сказал Силантий: — тот пояс, стало быть, из волчьей кожи был сделан.

— Да, чего только не бывает на свете, — отозвался Лаврушка. — Ну-ка, Настя, подбрось нам блинков, покеда нас никто не заколдовал!

— Чур тебе, безумный! — испугалась Фрося. — Нешто можно такое говорить? Как раз беду накличешь!

— Ништо, — успокоил Лаврушка. — Гляди, я за сучёк держусь, стало быть меня нечистая сила слышать не может!

— Дедушка, а какая еще нѐжить бывает? — тихонько спросил Сеня у старика.

— Ох, много её на свете, сынок! Русалки всякие: водяницы, берегини, лесовки, полудницы... А то есть еще кикиморы.

— А какая она, кикимора?

— Она домовому сродни. Только домовой живет в избе, под печкой, поелику он дышит не воздухом, а избяным да человечьим духом. Ну, а кикимора больше по клетям да овинам прячется. Сама она мала и худа как щепочка, голова у ей с орешек, но шуметь здоровà и коли осерчает, никому не даст спать цельную ночь. Большого вреда от нее человеку не бывает, только курей она любит таскать. Одначе супротив этого имеется верное средство: в курятнике надобно повесить дырявый камень либо горлышко от битого кувшина. Уж тогда кикимора туды не сунется.

— Ой, чуть не запамятовала! — воскликнула Настя, – Лаврушенька, намедни впервой снеслась наша Чернушка. Я энто яичко супротив волков приберегла.

— Яйцо супротив волков? — удивился младший из дружиников. — Энто как же?

— Али ты не знаешь? — Первое яйцо от черной курицы, энто самое верное дело, чтобы волки твою худòбу в поле не трогали.

— А чего же делать-то надобно с тем яйцом? Ай волка яишней кормить?

— Тоже скажешь! То яйцо нужно ночью разбить посредь выгона, где твоя скотина пасется. И коли сделаешь это покеда оно свежее, — на цельный год его силы достанет.

— Ну, вот, завтра в ночь я энто и обделаю, — сказал Лаврушка. — У нас теперя два коня, один другого краше, да корова, княжий Насте подарок. Так что оберегаться надобно и от волков, и от дурного глазу.

— Ты, никак, сдурел! — воскликнул дед Силантий.

— В первый день великого поста колдовать пойдешь и хочешь чтобы с того колдовства прок получился?

— Батюшки, и правда! — всполошилась Настя. — В посту не можно того робить! А коли ждать, яйцо всю силу потеряет.

— Чего же делать-то? — спросил Лаврушка.

— Энтой же ночью надобно идти, — сказал Силантий. — Далече ли у вас выгон-то?

— Какое далече! Вот, сразу за околицей, рукой подать. Давай, Настя, яйцо. Зараз я туды и схожу, а вы тута беседуйте и угощайтесь, я невдолге ворочусь! — С этими словами Лаврушка одел полушубок, подпоясался саблей, взял поданое Настей яйцо, завернутое в тряпицу и вышел из избы.

Перешагнув порог, он сразу же погрузился в густую тьму: стояла уже глубокая ночь и небо было затянуто облаками. Однако через минуту глаза его немного освоились с темнотой и он бодро зашагал по направлению к выгону.

После рассказов об оборотнях и прочей нечисти, в пустом и темном поле было изрядно жутко, но всё же Лаврушка благополучно добрался до его середины, разбил там чудодейственное яйцо, с молитвой вылил его содержимое на землю, перебросил скорлупки через левое плечо, как учили его сведущие люди и с чувством исполненного долга, направился к дому.

Не успел он сделать и десяти шагов, как пошел частый снег, сразу же начавший скрывать от его глаз темные очертания посадских изб и кое-где мерцавшие огоньки.

— "Эге, — подумал Лаврушка, — так и без лешего заблудиться недолго!"

Чтобы избежать этой опасности, он переменил направление и двинулся прямиком к ближайшему забору, упершись в который свернул вправо и вдоль околицы пошел к своей избе. Он был уже недалеко от цели, когда вдруг совсем близко ему почудились голоса.

Лаврушка остановился, прислушиваясь. Да, никаких сомнений быть не могло: впереди него, очевидно у

ворот ближайшей избы, разговаривали двое мужчин, которых в хаосе мятущихся снежных хлопьев, он различить не мог.

— "А ну, послушаем кто это и о чем точит лясы в такую ночь", — подумал он и прижавшись к забору сделал несколько бесшумных шагов в сторону разговаривающих. Оставаясь сам невидимым на фоне темного забора, Лаврушка приблизился к ним почти вплотную и теперь мог различить впереди фигуру всадника, темнеющую на улице, у ворот. Второй собеседник стоял в приоткрытой калитке и почти не был виден.

— Зима зимой, а гривна тоже на снегу не валяется, — отчетливо донеслись до Лаврушки слова всадника, голос которого показался ему очень знакомым. — Коли желаешь получить её, надобно ехать немедля.

— А чаво пересказать-то надо?

— Козельскому князю от меня передашь, что вещий сон Андрея Мстиславича исполнился. И ничего боле.

— Какой такой сон?

— Князь знает какой, а тебе знать незачем. Так вот, завтра же выезжай и как воротишься, получишь гривну. А ежели хоть слово лишнее кому сболтнешь, после на себя пеняй!

— Ну, а коли к завтрему мятель не уймется, боярин?

— "Ага, это Шестак, — догадался Лаврушка, — как есть его и голос".

— А отец у тебя для чего колдун? — ответил Шестак. — Скажи ему, он мятель враз заговорит.

— Не всякий раз то удается, боярин.

— Коли не удастся, — день пережде́шь. Запомнил крепко, что сказать-то надобно козельскому князю?

— Запомнил, боярин.

— Ну, так с Богом! — с этими словами всадник тронул лошадь плетью и почти мгновенно исчез в снежной посыпи. Одновременно захлопнулась калитка и от нее послышались удаляющиеся шаги. Постояв еще с минуту, пошел своей дорогой и Лаврушка.

— "Вот оно что! — соображал он. — Второй, стало быть, это Ивашка, сын колдуна Ипата. Как это я их

избу сразу не распознал! Ох, сдается мне, что тут дело дюже нечисто! Завтра беспременно обо всем этом Василея Пантелеича упрежу!"

На следующее утро Лаврушка слово в слово передал князю подслушанный ночью разговор.

— Ладно, ступай, — выслушав его ответил Василий. — А службу твою я не забуду.

Оставшись один, он крепко задумался. Было совершенно очевидно, что оба его дяди и Шестак находятся в постоянной связи и продолжают плести какую-то таинственную паутину. Но что за этим скрывается и что означает "вещий сон Андрея Мстиславича", — Василий понять не мог.

— "Должно быть Шестак даёт знать Титу Мстиславичу, что звенигородский князь мне кресть поцеловал, — подумал он, — поелику ничего иного вчера тут не было. Но почто с такой вестью спешно, в самую мятель, посылать гонца? Нет, тут, пожалуй, что-то другое кроется. Ну, ладно, поживем — увидим. А за Шестаком надобно будет присматривать: видать он не оставил мысли моих удельных взбаламутить".

ГЛАВА 18.

«Когда хану Сартаку доставили приглашение Берке-хана, проклятый Сартак ответил: «ты мусульманин, я же держусь христианской веры и видеть мусульманское лицо для меня несчастие».

Ал-Джузджани,
афганский историк 13 века.

При удаче путешествие из Козельска в столицу Золотой Орды можно было совершить за месяц, но у княжича Святослава Титовича оно отняло значительно больше времени.

Прямая дорога на Сарай шла через земли Карачевского княжества и потому ею нельзя было воспользоваться не выдавая своих намерений. В целях сохранения тайны, Святославу пришлось ехать через великое княжество Рязанское, что удлиняло и без того неблизкий путь верст на пятьсот.

Выехал княжич в конце сентября и в дороге его захватили осенние дожди. Многочисленные в этих местах болота, легко проходимые летом, теперь превратились в неодолимые препятствия, на объезд которых приходилось тратить часы и дни. Глубокая и цепкая грязь, покрывшая дороги, позволяла лошадям идти только шагом. Святослав рассчитывал, выйдя на среднее течение Волги, спуститься к Сараю водным путем, но на его несчастье ледостав в этом году был ранний и когда, в середине ноября, он добрался до Волги, её уже сковывал лед.

На измученных конях, по пустынным и диким местам, где завывали холодные ветры да волки, пришлось сделать еще около тысячи верст и лишь к концу дека-

бря Святослав Титович, исхудалый, обветренный и озлобленный неудачами пути, прибыл в ханскую ставку.

Новый Сарай или Сарай-Берке, находившийся на девяносто верст ниже позднейшего Царицына, на левом берегу Волги, был основан младшим братом Батыя, ханом Берке. Сам Батый свою столицу — Сарай Бату — построил неподалеку от того места, где сейчас стоит город Астрахань. Чтобы лучше понять, почему этот богатый и цветущий город не удовлетворил хана Берке, нужно слегка коснуться истории Золотой Орды.

Чингиз-хан еще при жизни своей разделил все завоеванные им земли между четырьмя сыновьями, из которых старший, Джучи-хан, получил необъятную территорию, простиравшуюся от Енисея до Дуная, а на юге охватывавшую средне-азиатские земли, известные впоследствии под общим названием Западного Туркестана, Хорезм[1]), Кавказ и Крым.

Предстояло еще завершить покорение некоторых входивших сюда областей, в том числе и Руси. Это сделал в последующие годы сын Джучи, выдающийся татарский полководец Бату-хан, которого русские летописцы, беспощадно исказившие все татарские имена, называли Батыем.

Это движение монгольских полчищ на запад должен был возглавить сам Джучи-хан, тоже покрытый славою воин. Завоевав Хорезм, он на некоторое время задержался там, пополняя свои силы и готовясь к походу на Европу. Но второй сын Чингиз-хана, Чагатай, ненавидевший старшего брата, сумел убедить отца в том, что Джучи замышляет измену и подбивает побежденных хорезмийцев и кипчаков[2]) на восстание, которое он сам хочет возглавить.

Поверив этому, Чингиз-хан послал в Хорезм своих людей с приказанием уничтожить непокорного сына.

---

[1]) Хорезм — древнее ирано-тюркское государство, позже известное под названием Хивинского ханства.

[2]) Кипчаки — половцы.

Осенью 1226 г. его воля была исполнена: во время охоты, предательским ударом сзади, Джучи-хану был перебит спинной хребет.

Стоит отметить, что те немногие сведенья о личности Джучи-хана, которые до нас дошли, рисуют довольно привлекательный образ: по своему времени, это был гуманный и смелый человек, не боявшийся говорить правду в глаза даже своему страшному отцу. Ему он был верен и предан, но не одобрял его жестокого обращения с покоренными народами. Своим великодушным отношением к подвластным ему хорезмийцам и кипчакам, он и подал повод к клевете Чагатая.

По смерти Джучи, выделенный ему колоссальный улус[1]) должен был наследовать его старший сын Орду-Ичан[2]). Однако этот последний, признавая превосходсвоего брата Бату-хана, — как полководца и правителя, — совершенно добровольно уступил ему первенство и занял подчиненное положение, оставив за собой только среднеазиатские и зауральские кочевья, получившие название Ак-Орды[3]).

Этот жест хана Орду-Ичана был исключительным и неповторимым в истории чингизидов, где почти каждый хан добирался до престола по трупам вырезанных им родственников. К характеристике Ичана следует добавить, что несколько позже он, по собственному почину, поделился своими владениями с младшим братом Шейбани-ханом, отдав ему зауральские степи. Батый до самой смерти глубоко почитал его и не стыдился публич-

---

[1]) Улус — собственно означает совокупность племен и народов, подчиненных одному хану или князю, но подразумевает и занимаемую ими территорию. В этом смысле имеет значение удела.

[2]) Некоторые историки называют его Ичен-Орда.

[3]) Ак-Орда в переводе означает Белая Орда. Но русские летописцы эту орду ошибочно называют Синей. В действительности же Кок-Ордой, т. е. Синей Ордой называлось государство Батыя, которое в наших летописях называют Золотой Ордой. Последнее название сохраняется в этой книге во избежание путаницы.

но оказывать ему знаки уважения, как старшему. И хотя царствовал он, имя Орду-Ичана, по его распоряжению, ставилось на первом месте во всех ханских ярлыках и иных государственных документах.

Когда умер Батый, — основатель огромной, независимой империи, получившей название Золотой Орды, — ему наследовал его старший сын Сартак. Это был, повидимому, человек мягкий, — побратим Александра Невского и полный доброжелатель русских. И он и его жена были православными. Если бы ему было суждено дольше остаться на ханском престоле, дальнейшая история Орды, да вероятно и Руси, сложилась бы совершенно иначе. Но несколько месяцев спустя он умер от яда. Великим ханом был объявлен его малолетний сын Улагчи, при регентстве Баракчины, — главной жены Батыя. Однако через год был отравлен и он. На золотоордынский престол вступил виновник обоих этих отравлений, — младший брат Батыя, Берке-хан. Он был мусульманином и сделавшись великим ханом, обратил в ислам всю подвластную ему Орду.

Будучи ничтожеством по сравнению со старшими братьями, — Ичаном и Батыем, — Берке им завидовал и ненавидел их, в особенности Батыя, который стяжал себе славу великого полководца и "джехангира"[1]). Вступив на престол, Берке где только возможно старался унизить его память.

В татарской Орде, когда умирал семейный человек, его жен должны были разобрать ближайшие родственники. В силу этого обычая, Берке взял хатунь Баракчину, но лишь в качестве второстепенной жены, полуналожницы, а несколько месяцев спустя, якобы по подозрению в измене, утопил ее в мешке с кошками.

Не желая признать своей столицей город построенный Батыем, Берке основал другой, — получивший название Сарая-Берке, — и в течение всей жизни не жалел усилий и средств, чтобы сделать его больше, богаче и красивее прежней столицы, Сарая-Бату. И если достигнуть этого он не успел, то несколько десятков лет спустя

---

1) Джехангир означает «покоритель мира», — один из титулов Батыя.

его труды завершил великий хан Узбек, который значительно расширил этот новый Сарай и украсил его великолепными дворцами, мечетями и иными зданиями, вызывавшими восхищение современников.

Все подвластные Золотой Орде страны внесли свою подневольную лепту в строительство этого города, порожденного завистью и чванством. Из Руси сюда сплавляли по рекам лучшие древесные материалы, с Урала шли караваны голубого гранита и отделочных камней, из Крыма везли мрамор, из Персии — ковры и драгоценную утварь для ханских дворцов. Из Хорезма привозили части старинных стен, покрытые бесценной мозаикой, из Самарканда и Бухары — целые блоки разобранных храмов, дворцов и мавзолеев, которые являлись непревзойденными по красоте и изяществу архитектурными творениями.

Тысячи мастеров зодчества, художников, ваятелей, резчиков, древообдельцев, кровельщиков и других умельцев, привезенных сюда в качестве рабов или по вольному найму, дни и ночи работали в этом городе, воздвигая дворцы, дома и мечети, выкладывая деревянными торцами огромную площадь и улицы возле ханского дворца, украшая общественные здания и жилища татарской знати, в которые по трубам проводили воду из Волги.

В результате этих усилий на ровной как стол местности вырос обнесенный земляным валом город с двухсоттысячным населением. По свидетельству путешественников арабов, он был так велик, что за день его нельзя было объехать на лошади. В нем было много дворцов, выстроенных из голубого камня-гранита и из разноцветного мрамора, либо сплошь выложенных синими, желтыми или красными изразцами, с золотой отделкой. Красотою и богатством украшения выделялись также здания монетного двора, общественных бань, арсенала, оружейных мастерских, мавзолеев и медресе[1]). Было

[1]) Медресе — мусульманские училища высшего порядка, куда поступали юноши уже окончившие низшую школу. Кроме духовных наук, тут преподавали и общеобразовательные.

здесь несколько десятков великолепных мечетей, с тонкими минаретами, взлетающими к небу как пламенная молитва фанатика-дервиша. Были пять православных церквей, католический костел, храмы буддийские, конфуцианские, браминские, шаманские и всех прочих существующих в Азии религий.

Это было полное смешение всех мыслимых архитектурных стилей и форм, где русское стояло рядом с египетским, а китайское — с византийским или мавританским. Но вся эта хаотическая смесь создавала городу какое-то свое собственное, оригинальное и отнюдь не отталкивающее лицо. Некоторые восточные историки, побывавшие в Сарае-Берке, называют его одним из красивейших городов их времени.

Однако, несмотря на это, Старый Сарай, являвшийся крупным торговым и ремесленным центром, долго еще сохранял свое значение и несколько ханов, следующих за Берке, предпочитали держать свою ставку там. Только Узбек, пятьдесят лет спустя, окончательно перенес столицу Золотой Орды в Сарай-Берке, обязанный ему своим блестящим завершением.

Расцвет этого города обуславливался также его географическим положением: через него шли все важнейшие пути караванной торговли Европы с Азией.

Сюда стекались пряности из Индии, ковры из Персии, меха из Сибири, парча и пурпур из Византии, хлеб из Киевщины, сукна из Фландрии, драгоценная утварь из Венеции, оружие из Дамаска, тропические фрукты из Египта, виноград из Крыма, вина из Франции, Венгрии и Грузии.

Европейским купцам не нужно было больше ездить в Китай за шелками, — их можно было всегда купить на рынках Сарая, где каждый находил, к тому же, спрос на свои собственные товары. Сарай-Берке сделался как бы центральным базаром Европы и Азии. Генуэзские, венецианские, византийские, русские, китайские, еврей-

ские, армянские и прочие купцы имели тут собственные караван-сараи, то-есть обнесенные высокими стенами кварталы, где находились их жилища, склады, постоялые дворы и рынки. В Сарае-Берке можно было встретить торговца любой национальности и купить все что угодно, начиная с прекрасной восточной рабыни и кончая лучшими шампанскими винами.

Богатство города, помимо торговли, постоянно умножалось продуктами грабежа и поступающей дани. Десятую часть достояния всех покоренных татарами стран и народов всасывала в себя Орда.

Сами татары вырабатывали очень немного товаров, не отличавшихся, к тому же, ни богатством выбора, ни мастерством производства. Войлок, кожи, шорные изделия, грубые шерстяные ткани, примитивная керамика, оружие и кумыс, — вот всё то, что они умели производить своими руками и чем, собственно, ограничивались их потребности воинов и кочевников.

Богатство ордынца измерялось главным образом количеством его коней. У каждого рядового воина их было не меньше двух, у начальников, даже невысоких, они исчислялись табунами. Великолепная татарская лошадь, резвая и выносливая, давала кочевнику почти все, что ему было нужно: еду, питье, жилище, средство передвижения, залог победы над врагом и возможность грабежа. Излишки своего конского поголовья Орда продавала в Индию.

Конечно, Сарай производил множество всевозможных товаров и изделий отличного качества, поступавших как на внутренний, так и на внешний рынок. Но всё это делалось руками огромного количества ремесленников-рабов, которых татары тщательно отбирали в покоренных ими землях и отправляли в Орду. Среди них было немало людей исключительно высокого мастерства. Так, например, русский золотых дел мастер и резчик по кости, Кузьма, из Сарая был специально вызван в монгольскую столицу Каракорум, где сделал императору Гуюк-хану трон из слоновой кости и золота, долго

изумлявший всех непревзойденной тонкостью своей работы.

Труд искусных умельцев в Орде хорошо оплачивался, обычно все они быстро выкупались из рабства, имели в Сарае свои дома и достигали благосостояния, иногда, повидимому, значительного. По свидетельству католического прелата Плано-Карпини, — главы посольства, которое папа Иннокентий Четвертый отправил к Гуюк-хану, — этот самый русский мастер Кузьма, находившийся в то время в Каракоруме, приютил у себя и более месяца содержал на свой счет папское посольство, ожидавшее приема у императора.

Простых ремесленников селили в Сарае отдельными кварталами, распределяя их по отраслям мастерства и вовсе не считаясь с национальностью. Были отдельные кварталы и улицы кузнецов, оружейников, шерстобитов, кожевников, медников, гончаров, ткачей, резчиков и других. В каждом из таких ремесленных центров были свои торговые ряды, кроме того в городе имелась огромная площадь для общих базаров.

Домà более зажиточных людей и знати были выстроены из камня, жилища ремесленников — из самана и глины. По мере удаления от центральной части столицы к ее окраинам, улицы становились всё ýже и грязнее, дома лепились всё теснее друг к другу. Садов в Сарае не было вообще, он был совершенно лишен каких- либо признаков зелени. Посреди города находился большой, искусственно сделанный пруд, но вода в нем была загрязнена и для питья не годилась. За исключением высшей знати, имевшей водопроводы, всё население города вынуждено было питьевую воду возить из Волги или покупать на улицах у водовозов.

Татары медленно и с трудом привыкали к оседлой городской жизни. Едва лишь наступало тепло, — всё монгольское население города, включая и самого великого хана, выкочевывало в юрты, шатры и кибитки, которые по обоим берегам Волги покрывали всё видимое глазу пространство вокруг столицы. В течение целого

лета огромный город казался наполовину вымершим и только лишь с наступлением осенних холодов кочевники постепенно возвращались в свои дома, да и то не все: многие оставались зимовать в юртах, по ту сторону городского вала.

Привычка к походным условиям жизни была у татар так сильна, что некоторые ханы, включая и Батыя, на зиму приказывали в одном из залов своего дворца устанавливать шатер, в котором и проводили большую часть времени.

ГЛАВА 19.

«А пошлины ему, Феогносту митрополиту, платить не надобе, ни подвод, ни кормов, никаков дар ни почестия не воздавать никому. А земель его, ни вод, ни огородов, ни садов, ни мельниц, ни людей его никто да не заимает, ни истомы творит, ни возьмет у них ничего. И кто того не соблюдет, смерти да побоится. А ты, Феогност митрополит, за нас молитвы Богу воздавай».

Царица Тайдула,
из ярлыка данного ею митрополиту
Феогносту в 1351 г.

По прибытии в Сарай, княжич Святослав прежде всего отправился в русский квартал, разыскал там брянского купца Зернова, с которым Тит Мстиславич вёл кое-какие торговые дела, и при его содействии в тот же день нашел вполне приличное помещение для себя и своих людей.

Это был небольшой каменный дом, в средней части города, с двориком и сараями, в которых удалось разместить слуг и лошадей. Сам Святослав Титович и сопровождавший его пожилой сын боярский Степан Колемин, вместе с привезенными дарами, поместились в двух низких, но просторных горницах дома. Их убранство непритязательному козельскому княжичу показалось даже роскошным: полы и стены почти сплошь были закрыты пестрыми коврами, на широких и низких диванах лежало множество шелковых подушек, а на стоявших по углам резных деревянных этажерках была расставлена узорчатая керамика, бронзовые светильники и малахитовые безделушки. Круглые полированные

столы возвышались над полом едва на четверть, — за ними ели сидя на подушках, прямо на полу, поджав под себя ноги.

Но что в зимнюю пору было едва ли не самым важным, — в одной из горниц имелось отличное отопление: это была сложенная из камня печь, от которой дым и горячий воздух проходили по широкому глиняному дымоходу вдоль внутренних стен. Только лишь при виде татарского топлива Святослав брезгливо поморщился: дрова тут стоили чрезвычайно дорого и почти все дома отапливались аргалом[1]).

Помывшись в бане у купца Зернова и отоспавшись после утомительного путешествия, княжич приоделся и отправился к местному православному епископу, чтобы завязать полезное знакомство, а заодно разузнать коечто о характере хана Узбека, придворных порядках и приближенных к хану лицах, посредничеством которых можно было бы воспользоваться. О цели своего приезда он решил, до поры до времени, распространяться как можно меньше.

Владыка Даниил, епископ сарайский и подольский, был еще не старый человек, высокого роста и представительной наружности. Его проницательные, светящиеся умом глаза, казалось, просматривали собеседника насквозь. Он был ставленником великого князя московского, Ивана Даниловича, а последний умел подбирать людей, особенно для таких ответственных мест, как ханская ставка, куда все соперничающие русские князья приезжали с жалобами друг на друга, а чаще всего на самого Ивана Даниловича. При том неизменном уважении, которым пользовалось у татар русское духовенство, сарайский епископ в глазах хана имел порядочный вес и часто своими силами мог защитить в Орде интересы московского князя. Если же случай того требовал, он своевременно оповещал Москву.

Епископ принял княжича несколько настороженно: он знал, что русские князья в Орду зря не приезжают.

---

[1]) Аргал — кизяк, плитки из высушенного навоза.

Однако, когда Святослав, назвавши себя, подошел под благословение, почтительно поцеловал ему руку и от имени отца своего просил принять в дар массивную золотую чашу для сарайской епархиальной церкви, — владыка смягчился, а из дальнейшего разговора понял, что это сравнительно мелкий проситель, не имеющий никакого отношения к московским делам. Он благосклонно вступил в беседу с козельским княжичем и несколькими ловко поставленными вопросами прижал его к стене: Святославу стало ясно, что нужно или развязывать язык, или стяжать недоверие владыки и лишить себя его возможного содействия. Почти без колебания он избрал первое.

Рассказав о цели своего приезда, карачевские дела он осветил, разумеется, по-своему: о духовной грамоте князя Мстислава Михайловича не обмолвился и словом, а просто сказал, что в виду тяжелой болезни большого князя, его брат, Тит Мстиславич, как следующий по старшинству, заранее желает оформить у хана свои права наследия, дабы избежать смуты и усобицы, если кто-нибудь из младших князей вздумает эти права оспаривать. Владыку Даниила, которого дела окраинных княжеств интересовали весьма мало, это объяснение вполне удовлетворило. Он, в свою очередь, осветил Святославу положение дел в Орде и дал ему несколько полезных советов.

Возвратившись домой, Святослав Титович глубоко задумался. От епископа он узнал, что получить у хана прием будет очень трудно, ибо раздраженный нескончаемыми распрями северных князей, то и дело приезжающих в Орду с жалобами и доносами друг на друга, — Узбек последнее время никого из русских на глаза к себе не пускал. В подтверждение этого, владыка сослался на пример тверского княжича Федора Александровича, который уже более двух месяцев жил в Сарае, тщетно домогаясь приема.

Но сидеть ожидая у моря погоды было нельзя. Святослав отлично понимал, что в его миссии быстрота является залогом успеха: если умрет Пантелеймон Мстиславич и до хана дойдет весть о том, что в Карачеве

мирно княжит его сын Василий, — дело заговорщиков будет обречено на провал. Надо было добраться до Узбека теперь же, во что бы то ни стало, а для этого необходимо было заручиться помощью влиятельных лиц.

Прежде всего следовало добиться приема у хатуни и путем подарков постараться склонить её на свою сторону. Святослав знал, что хан Узбек женат на дочери византийского императора Андроника и был уверен, что именно с нею ему придется иметь дело. К его большому удивлению, владыка Даниил сказал, что никакого влияния на хана она не имеет и что в особой милости у него молодая, недавно взятая им жена Тайдула. Но к ней тоже нужно было найти какой-то подход. По словам епископа, особым расположением хана пользовались темники[1]) Абдулай и Киндык. Последнего сейчас в Сарае не было и княжич решил начать с Абдулая.

На следующий день Святослав отправился к нему, в сопровождении сына боярского Колемина, хорошо говорившего по-татарски и двух слуг, несших подарки.

Абдулай жил неподалеку от ханского дворца, в красивом, мавританского стиля доме, который и по внешности, и по внутреннему убранству тоже смело можно было назвать дворцом. Но старый воин, всю жизнь проведший в походах, в глубине души не очень радовался этому великолепию. Задумчиво бродя по обширным, неизвестно для чего нужным залам своего дворца и с опаской переставляя ноги, разъезжающиеся на скользском паркете, он с грустью думал о прелести войлочного шатра, где всё так привычно и удобно, где каждая вещь всегда находится под рукой. Но что поделаешь? — Великий хан желает, чтобы татарские князья, его приближенные, жили теперь во дворцах, а воля великого хана — это воля Аллаха...

Русского княжича Абдулай принял сразу, по долгой практике зная, что подобные посетители не являются с пустыми руками.

В большой, сплошь убранной дорогими коврами

---

[1]) Темник — командир десятитысячного отряда, тумена.

комнате, куда его провели, Святослав увидел пожилого одноглазого татарина, сидящего, поджав ноги, на низком диване. Приложив руку ко лбу и сердцу, княжич поклонился Абдулаю и сказал несколько слов стоявшему сзади Колемину. Последний выступил вперед и в свою очередь низко поклонившись, перевел по-татарски, что сын козельского князя Святослав, находясь в Орде, счёл своим долгом лично приветствовать столь славного баатура[1]) как эмир Абдулай, о воинской доблести и мудрости которого знает вся Русь.

Добродушно кивнув головой, татарин указал гостю на стопку подушек, лежавшую рядом и сказал на довольно сносном русском языке:

— Садись, князь. Я не раз бывал на Руси и немного знаю ваш язык. Хорошо ли доехал ты?

Святослав ответил, что доехал он вполне благополучно и сделал знак слугам, стоявшим у двери. Те подошли и с низкими поклонами положили к ногам Абдулая дамасскую саблю в драгоценных ножнах и пачку в сорок бобровых шкурок. Единственный глаз татарина заискрился удовольствием. Почти не обратив внимания на меха, он взял саблю, вынул ее из ножен и с видом знатока внимательно осмотрел клинок. Потом осмотрел и ножны, и поцокав языком, промолвил:

— Спасибо, князь. Ты не мог сделать лучшего подарка старому воину. Садись же и поведай, что привело тебя к нам? — Затем он громко крикнул что-то по-татарски и через минуту двое слуг внесли и расставили на круглом столе достархан[2]): кумыс в серебряном кувшине, варёные в меду фрукты, финики, орехи и другие сласти.

Абдулай сам налил княжичу кумыса[3]) и Святослав, мастерски скрывая свое отвращение, бережно принял кубок и осушил его до дна. Он знал, что тут недопустимы никакие вольности: кумыс считался у татар священным напитком, отказаться от него значило смер-

---

[1]) Баатур, богадур, батырь — витязь, богатырь.

[2]) Достархан — угощение, сладости.

[3]) Кумыс — хмельной напиток, приготовляемый из перебродившего кобыльего молока. В переводе означает «серебряное питье«.

тельно оскорбить хозяина, а непочтительно о нем отозвавшись или пролив, хотя бы нечаяно, на землю, — можно было поплатиться головой.

Выполнив сей неприятный долг и закусив кусочком рахат-локума, Святослав вкраце рассказал о цели своего приезда и выразил надежду, что "достославный эмир, — верную службу и мудрые советы которого по справедливости столь высоко ценит великий хан", — поможет ему в этом деле.

Абдулай задумался, поглаживая пальцами свои жидкие висячие усы. Он не хотел обманывать Святослава или обещать ему то, чего не сможет исполнить, ибо, как всякий татарин, по натуре был глубоко честен. Правда, эта татарская честность носила несколько своеобразный характер и потому ускользнула от внимания русских летописцев, бывших, к тому же, далеко не беспристрастными судьями. Для них татарин был прежде всего поработителем родины, "поганым" и для его описания существовала только одна краска: черная.

Не подлежит конечно, никакому сомнению, что самый беззастенчивый и жестокий грабеж во время военных и карательных действий был у ордынцев вполне обычным явлением. С их точки зрения, это и было то, ради чего воюет воин. Это была законная плата за тяжелую службу и смертельный риск его ремесла, ибо никакого иного вознаграждения он не получал. Но в то же время воровство, мошенничество, обман в торговой сделке и даже простая ложь были в Орде почти неизвестны. За бесчестный поступок, даже вполне обычный и широко практикуемый среди других народов, татарина ожидала беспощадная казнь. Честность была, пожалуй, самой сильной чертой татарского характера, — она прошла через века и сохранилась до наших дней. В дореволюционное время каждая приволжская рабочая артель, отправляясь на заработки, старалась включить в свой состав какого-либо татарина, чтобы доверить ему денежную и хозяйственную часть: его национальность служила гарантией того, что ни одна копейка не пропадет и никто не будет обижен.

Ордынцы любили подарки, но хорошо понимали, что даются они не от наплыва душевных чувств, а что в обмен потребуется какая-то услуга. И обещав оказать её, татарин, по мере сил и возможностей, старался свое обещание выполнить. Поэтому Абдулай, после довольно долгого раздумия, сказал:

— Плохое время ты выбрал. Великий хан Узбек, да живет он тысячу лет, сильно гневен на русских князей. Трудно будет устроить, чтобы он тебя принял. Я это сделаю, но нужен подходящий случай и обманывать тебя не хочу: ждать придется, может быть, долго. Хану я хорошо о тебе скажу. Только смотри: великий хан, да продлит Аллах его драгоценные дни, справедлив и если твое дело правое, — обиженным от него не уйдешь. А коли ты с обманом и неправдой пришел, — пеняй потом на себя.

Святослав рассыпался в благодарностях и заверил, что дело его никакого обмана в себе не таит. Затем сказал, что отец его, князь козельский, много слышавший о непревзойденной красоте и мудрости хатуни Тайдулы, прислал ей поклон и подарки, которые теперь же нужно передать по назначению. Абдулай понимающе улыбнулся.

— Ну, это легче сделать, — сказал он. — Хатунь Тайдула, да сохранит Аллах красоту ее на долгие годы, любит русских, и любит подарки. Ты будешь извещен о дне, когда она пожелает тебя принять.

С витиеватыми выражениями благодарности и щедрыми пожеланиями всех милостей Аллаха, Святослав простился с темником. После этого разговора, настроение его заметно повысилось.

— "Один пособник уже есть, — с удовлетворением думал он, — и дело мое, кажись, налаживается. Худо только, ежели ждать придется долго... Ну, ничего, — впереди еще Тайдула. Коли придусь ей по душе, она, небось, сумеет дело ускорить. Абдулай-то еще когда свой случай найдет, а она, поди, всякую ночь тот случай имеет!"

В ожидании приема у Тайдулы, Святослав Титович

верхом, а иногда и пешком, прогуливался по городу, дивясь его величине и с любопытством приглядываясь к окружающему. Самым большим городом, какой он до сего времени видел, был Смоленск, — теперь он казался ему жалкой деревней, в сравнении с Сараем. Всё для него было тут ново, всё поражало своей необычностью.

За исключением церквей, он никогда не видел ни одной каменной постройки, а здесь не было ни одной деревянной. В Козельске даже появление какого-нибудь заезжего поляка было событием, а тут на улицах и площадях, кроме татар и русских, сотнями толкались арабы, греки, персы, китайцы, половцы и Бог весть кто еще, и никто тому нимало не дивился. Он никогда не мыслил, что вода представляет собой какую-то ценность, а здесь ее возили по городу в огромных глиняных кувшинах и продавали за деньги. И притом возили не на лошадях, а на верблюдах. Святослав их никогда прежде не видел и потому к первому же подошел вплотную, чтобы рассмотреть забавного урода поближе. Очевидно этот осмотр затянулся дольше чем требовали правила верблюжьего приличия, ибо флегматичное животное, пожевав губами, пустило вдруг в княжича ловко нацеленный плевок, после которого прогулку пришлось прекратить и идти мыться и переодеваться.

Но самым интересным были огромные базары, где люди говорили на множестве языков, но все же как-то сговаривались и понимали друг друга. А о товарах уж и говорить нечего: Святослав в жизни своей не видел и сотой доли того, что было тут выставлено. Он часами ходил по рядам, рассматривал изумительной выделки индийскую парчу, оружие, выкованное лучшими мастерами Востока, замечательные венецианские доспехи, делающие воина совершенно неуязвимым, стеклянную и золотую посуду тончайшей художественной работы, великолепные порсидские ковры, драгоценные украшения и безделушки, и множество иных вещей, назначения которых он иногда и не знал. Кое-что щупал руками, даже торговался, но не покупал ничего: был прижимист, в отца.

Так прошло дней десять. Святослав начал уже бес-

покоиться, — не обманул ли его Абдулай, когда, наконец, от имени последнего явился нукер[1]) с извещением, что хатунь Тайдула примет русского княжича завтра, за час до полудня. Он пояснил, что прием состоится в ханском дворце, куда надлежит войти через боковой, восточный вход, предъявив начальнику караула серебряную пайцзу[2]), которую тут же вручил Святославу.

На следующий день, немного раньше назначенного часа, Святослав Титович, одетый во всё самое лучшее, сверкающий золотым шитьем, в сопровождении своего переводчика и слуг с подарками, находился уже в покоях Тайдулы.

Комната, где его оставил битакчи[3]), поразила княжича своим великолепием. В отличие от всего, что он до сей поры видел в богатых татарских домах, стены ее, вместо ковров, были сплошь покрыты бирюзового цвета мозаикой, со сложнейшим серебряным узором. Сводчатый потолок был темно-голубого цвета и с него свисала на серебряной цепи своеобразная люстра, составленная из семи масляных светильников, сделанных из полупрозрачного опалового стекла с голубой и серебряной росписью. На светлом паркетном полу, который был инкрустирован перламутром, перед каждым из двух стоящих здесь диванов лежало по шкуре белого медведя.

Убранство комнаты дополняли разбросанные по полу высокие шелковые подушки, служившие сидениями, выложенный слоновой костью полированный столик орехового дерева и несколько таких же этажерок, уставленных драгоценными вещицами. Святослав собирался их как следует рассмотреть, но не успел, ибо в этот миг появился битакчи и торжественно объявил, что лучезарная хатунь Тайдула, на которой неизменно почивает

---

1) Нукер — дружинник, служилый дворянин.

2) Пайцза — серебряная, золотая или бронзовая пластинка, с выгравированной на ней подписью. Служила как бы охранной грамотой или пропуском.

3) Битакчи — дворцовый чиновник, придворный.

милость Аллаха, сейчас осчастливит своим появлением тех, кто достоин высокой чести ее увидить.

С этими словами битакчи широко распахнул двери и сделав шаг в сторону, сложился почти вдвое в почтительном поклоне. В сопровождении двух богато одетых пожилых монголок, в комнату вошла совсем молодая, высокая и стройная женщина, в которой лишь слегка косой разрез больших и лучистых глаз, да угольно черные волосы изобличали татарку. Тонкие, круто взлетающие брови, безукоризненной формы нос, маленький, изящно очерченный рот и все остальные черты ее юного лица, почти нетронутого белилами и румянами, гармонично складывались в такое чарующее целое, что сразу становилось понятным, почему ею пленился суровый пятидесятисемилетний хан, никогда не знавший недостатка в прекраснейших женщинах.

Одета она была в расшитый серебром голубовато-серый китайский халатик, из-под которого виднелись вишневого шелка шальвары и серебряные туфельки на высоких голубых каблуках. Вместо "бокки", — громоздкого головного убора знатных татарских женщин, — на ней была низкая бархатная шапочка, расшитая жемчугом и украшенная пером серебристой цапли. Драгоценностей на ней, вопреки обычаю, тоже было не много: два-три кольца с крупными самоцветами, жемчужные серьги да золотой браслет, в виде змеи, обвивающий ее левую руку.

С красотой внешности у Тайдулы сочеталась красота души, и порабощенная татарами Русь ей многим обязана. При хане Узбеке она еще не играла заметной политической роли, но когда два года спустя Узбек умер, Тайдула сделалась главной женой его сына, хана Джанибека, на которого приобрела заметное влияние. Она всегда с симпатией относилась к русскому народу, а после того как московский митрополит Алексей чудесным образом вернул ей потерянное зрение, — превратилась в неизменную и пламенную заступницу за русских. И если её мужа даже русские летописи, да-

леко не снисходительные к татарам, нарекли Джанибеком Добрым, то в этом заслуга Тайдулы.

Джанибек. сам по себе, отнюдь не был добрым: с татарами и в том числе со своими родными братьями, он расправлялся с отменной жестокостью. Но, благодаря Тайдуле, в течение пятнадцатилетнего царствованья Джанибека, а потом и двух его сыновей, Бардибека и Науруза, при которых она сохранила свое влияние на государственные дела, — Русь, по словам летописцев, "дышала свободно" и ни один русский князь не был казнен.

Особенное покровительство оказывала она русской церкви и православному духовенству. Из семи дошедших до нас ханских ярлыков, расширяющих права и привилегии русской церкви, три выданы лично ею, а четвертый — ханом Бардибеком, несомненно по ее ходатайству. Последние годы жизни она почти безвыездно жила в городе Туле,[1]) окруженная русским духовенством, и весьма возможно, что втайне приняла православие.

Увидя вошедшую хатунь, Святослав собирался отвесить низкий восточный поклон, но вместо этого, то ли пораженный ее красотой, то ли решив, что маслом кашу не испортишь, — он, почти неожиданно для самого себя, повалился на колени и поцеловал пол у ее ног, как это делали перед членами ханской семьи татары.

— Встань, князь, — сказала Тайдула по-татарски, — встань и скажи, что привело тебя ко мне?

Колемин сейчас же перевел её слова. Когда Святослав поднялся и взглянул на ханшу, она уже сидела на диване, подобрав под себя ноги.

Путаясь в словах и сбиваясь, оробевший княжич коекак объяснил, что приехал в Орду по делу своего отца, князя козельского, и так как дело это очень спешное, он просит прекраснейшую и мудрую хатунь помочь своим влиянием, чтобы великий хан принял его возможно ско-

---

[1]) По просьбе Тайдулы, хан Джанибек дал ей город Тулу в качестве личного удела.

рей. Потом, вспомнив вдруг, что не с этого следовало начинать, добавил, что отец его, много наслышанный о ее несравненных достоинствах, шлет ей низкий поклон и скромные подарки, которые он счастлив лично положить к ее ногам.

С этими словами он обернулся к слугам и те, приблизившись к дивану и преклонив колени, положили перед ханшей две дюжины драгоценных шкурок черной, с проседью, лисы и открытый ларец из слоновой кости, в котором лежало ожерелье из крупных розовых жемчужин и две золотые застежки, украшенные рубинами.

Вопреки ожиданию Святослава, Тайдула не проявила особого восторга при виде этих дорогих подарков. С таким видом, словно делает это скорее из вежливости, чем из любопытства, она вынула из ларца ожерелье, немного полюбовалась игрой жемчужин и положила его обратно. Затем на мгновение погрузила свои тонкие пальцы, с посеребренными ногтями, в груду лежавших перед нею мехов и сказала:

— Передай мою благодарность и ответный поклон твоему почтенному отцу, да продлит Аллах его дни. Я не сомневаюсь в том, что милостивый и справедливый хан, наш повелитель, исполнит его просьбу. Но какое влияние может оказать слабая женщина на того, чья государственная мудрость сияет над нами как солнце? Поверь, что тот день и час когда великий хан тебя примет, будет наиболее угоден Аллаху. Я же со своей стороны могу лишь желать, чтобы это случилось скорее.

Задав Святославу еще два-три незначительных вопроса, Тайдула поднялась и отпустила его довольно холодным кивком головы. Отвешивая поклоны и бормоча пожелания, княжич выпятился за дверь, чувствуя что его подарки пропали даром и что он не произвел здесь выгодного впечатления.

В этом он не ошибся. Едва за ним закрылась дверь, на прекрасное лицо ханши наползла брезгливая улыбка. Судя по тем князьям, которых она видела до сих пор, у нее сложилось мнение, что русские — это красивые, сильные и мужественные люди, не роняющие своего достоинства даже перед лицом грозного хана Узбека. А этот

невзрачный рыжий человек униженно пресмыкавшийся перед нею, был так на них непохож!

— Не знаю каков его отец, — сказала хатунь своим приближенным, — но сын мне совсем не нравится. И помощи моей просил он едва ли для доброго дела. Уберите это, — добавила она, небрежно поведя головой в сторону подарков, и быстро вышла из комнаты.

ГЛАВА 20.

> «Дошедшу же до Орды, князь Юрий Московський и беззаконий проклятый татарин Кавгадий начаша вàдити на великаго князя Михаила царю Озбяку. И веле царь судити его с Юрьем, они же оболгаше его и судии рекоша: достоин есть Михаил смерти».
>
> Тверская летопись.

Для княжича Святослава потекли нудные дни ожидания. Прошел январь, а никаких перемен в его положении не было. Через несколько дней после приема у Тайдулы, он снова был у Абдулая, на которого возлагал теперь все свои надежды. Но ответ эмира был мало утешительный: подходящего случая говорить с ханом у него еще не было и надо ждать.

В начале февраля, обуреваемый нетерпением и тревогой, княжич опять отправился к Абдулаю и думая, что может быть мало ему дал, прихватил с собой золотой кубок и богато оправленный кинжал. Татарин с благодушным видом принял подарки, но снова ответил, что надо ждать. А когда разочарованный Святослав принялся настаивать, ссылаясь на важность и спешность своего дела, Абдулай невозмутимо ответил:

— Я думал, что ты благоразумнее, князь. Ты приехал по важному делу, — зачем же так спешишь провалить его? Я знаю, что великий хан сейчас гневен, потому и жду. Но коли ты того хочешь, завтра же скажу ему о тебе. Только на себя пеняй, ежели, вместо приема, хан прикажет тебе убираться из Орды.

Разумеется, Святослав этого не захотел и больше не надоедал Абдулаю, поняв, что нужно запастись терпением.

Чтобы убить медленно тянувшееся время, он с утра до вечера бродил по городу, но шумные базары центра ему прискучили и он стал посещать более отдаленные кварталы, с любопытством приглядываясь к особенностям местной жизни.

Его сильно удивляла праздность, которой тут предавались мужчины. Татарин считал, что его дело — война, и почти все хозяйственные и домашние работы лежали в Орде на рабах и на женщинах. Однако в положении последних не было заметно приниженности, обычной для других мусульманских стран. Женщина здесь не закрывала своего лица чадрой и не вынуждена была прятаться от посторонних: она пользовалась полной свободой и в правах была равна мужчине. В решении семейных и родовых дел, ее голос нередко получал перевес.

В заседаниях курултая[1]), как нам известно из многих сохранившихся документов, ханские жены принимали участие наравне со своими мужьями. Бывали случаи, когда женщина стояла во главе государства. Так, например, на императорском престоле в Каракоруме, после смерти Куинэ[2]), внука Чингиз-хана, в течение нескольких лет находилась императрица Огюль-Гаймиш. В царствованье малолетнего хана Улагчи, как уже было упомянуто, Золотой Ордой правила вдова Батыя, Баракчина. В семидесятых годах четырнадцатого столетия в Сарае чеканила свою монету Тулюбек-ханум.

Не раз заходил Святослав и в кварталы ремесленников — рабов. Собственно, многие из них уже не являлись рабами: рабство у татар не было наследственным и сын раба, рожденный в Орде, становился свободным человеком. Если он был хорошим ремесленником, — мог оставаться в городе и работать за свой собственный счет, платя установленный налог. Если он ничего не умел делать и не обнаруживал желания стать воином, — ему давали

---

[1]) Курултай — верховный совет ханов и татарской знати, созываемый иногда для решения особо важных государственных и династических дел.

[2]) Куинэ — имя которое принял Гуюк-хан, вступивши на монгольский императорский престол.

землю и кое-какую помощь, превращая его в "сабанчи", то-есть полукрепостного крестьянина.

Рабыня, на которой женился татарин, немедленно получала свободу. Это право распространялось и на простую наложницу, если она становилась матерью, ибо по татарскому закону, в этом случае она автоматически превращалась в законную жену отца своего ребенка. В силу такого положения, незаконнорожденных детей в Орде не существовало.

Пленников, захваченных во время войн и набегов, татары пригоняли в Орду и здесь, прежде всего, отсортировывали хороших ремесленников. Их, первые два-три года, держали под крепким караулом и заставляли работать, причем весь доход от их подневольного труда шел в пользу хана и государства. Потом их обычно переводили на своего рода оброк, то-есть предоставляли им жить и работать самостоятельно, выплачивая в ханскую казну определенную сумму деньгами или произведениями своего мастерства. В этот период строгого наблюдения за ними уже не было, бежать не составляло особого труда, но на это отваживались весьма немногие: без специального пропуска иностранцу было почти немыслимо выбраться из Орды, а в случае поимки — беглого раба ожидала жестокая казнь.

Что касается остальных пленных, то частично их раздавали воинам для домашних услуг, а всех прочих продавали в рабство в другие страны, главным образом в Египет.

Святослав с некоторыми русскими ремесленниками вступал в беседы и расспрашивал о их житье, но ответы получал довольно разноречивые. Многие жаловались на тяжелую жизнь и умоляли помочь им отсюда вырваться, другие говорили, что жить и тут можно, а некоторые искусные умельцы в Орде преуспевали и своим положением были довольны. Однако почти все испытывали тоску по родине и по мере возможности копили средства, в надежде когда-нибудь выкупиться. На жестокое обращение жалоб почти не было.

Однажды в русском торговом квартале, покупая

что-то у купца Зернова, княжич столкнулся у прилавка с высоким и статным мужчиной, лет двадцати трех. Русые волосы и голубые глаза сразу изобличали в нем соотечественника, а богатое одеяние и барственные повадки не оставляли сомнений в том, что он принадлежит к высшей знати. Еще раньше чем Зернов их познакомил, Святослав догадался, что это и есть тверской княжич Федор, о котором говорил ему епископ.

Это нечаянное знакомство сперва вызвало в нем скрытую досаду: как всякий человек, сознающий, что творит подлое дело, он старался держаться в тени и избегать встреч, благодаря которым на Руси могла открыться его некрасивая роль. Но раз уж факт совершился, делать было нечего. К тому же веселый и добродушный тверич произвел на Святослава приятное впечатление и вдобавок показался ему человеком недалеким.

От Зернова они вышли вместе и Святослав Титович, живший поблизости, пригласил к себе тверского княжича, на что последний охотно согласился, ибо тоже изнывал в Орде от бесплодного ожидания и смертельной скуки.

В скором времени они уже сидели у горящей печки, около круглого татарского стола, поднятого слугами Святослава на нормальную высоту. На столе стояла большая сулея старого грузинского вина и блюдо с жареной бараниной.

— Не обессудь, князь, — сказал Святослав. — Ежели бы ты к нам в Козельск пожаловал, я бы тебя не так принимал. Но эти басурманы и есть толком не умеют. Чай сам знаешь, — кроме проклятой кобылятины да баранины трудно здесь и сыскать что-нибудь. Впрочем вино у них доброе.

Федор Александрович поспешил заверить, что столь приятная встреча для него дороже всяких угощений, и приналег на вино и баранину, обнаружив изрядный аппетит и весьма общительный характер.

Завязалась беседа. Святослав, не собираясь вдаваться в подробности, сказал гостю, что приехал в Орду по

поручению отца, которому по старшинству надлежит получить ярлык на большое княжение в Карачеве, после умирающего князя Пантелеймона Мстиславича. Но к его удивлению, тверской княжич оказался гораздо осведомленнее, чем он предполагал.

— Погоди, Святослав Титович, — перебил он, — да ведь у князя Пантелеймона был сын Василей. Сказывали у нас, что последние годы он-то и правил княжеством, вместо хворого отца своего. Встречал я кое-кого из карачевцев, — они на него не нахвалятся. Неужто помер он?

— Жив он, чего ему сделается? — с неудовольствием ответил Святослав. — Только по духовной грамоте деда моего, Мстислава Михайловича, после князя Пантелеймона отцу моему надлежит в Карачеве княжить, — соврал он.

— Ну, коли так, дело иное. Только думается мне, что ежели народ княжича Василея столь крепко любит, — не обойдется у вас без усобицы.

— Какая может быть усобица, коли у родителя моего будет узбеков ярлык на княжение?

— Э, брат, не думай! Вон у нас с Москвой, как раз через эти самые ханские ярлыки, более тридцати годов свара идет, да какая! Сколько княжьих голов уже в ней слетело, а конца еще и не видно!

— Расскажи, Федор Александрович, что у вас там творится, — попросил Святослав, обрадованный возможностью отвести разговор подальше от карачевских дел. — До нас слухи разные доходят, а чему верить — иной раз и не знаем. А наиглавное, — с чего это пошла промеж вас столь лютая вражда?

— Ну, коли всё рассказывать, так нам и седьмицы не хватит, — промолвил Федор, — а вкоротке изволь, ежели хочешь... Чай ведомо тебе, что начиная с прапрадеда моего, Всеволода Юрьевича, прозванного Большим Гнездом, великое княжение все время в нашем роду было. Промеж собой у нас, вестимо, кое-какие распри из-за старшинства случались, но из сторонних князей ни один к великому княжению тянуться не дерзал. В году от сотворения мира шесть тысяч восемьсот три-

надцатом[1]) вступил на тверское княжение дед мой Михайло Ярославич и, как водится, поехал в Орду, к хану Тохте за ярлыком. Только глядь, — а там уже московский князишко Юрий Данилович торчит и тоже ярлык на великое княжение просит! А Тохта и рад: кто, говорит, больше заплатит, тому и дам ярлык! Ну, у Москвы в ту пору кишка еще была тонка и ярлык на великое княжение получил мой дед, хотя и не дешево это ему стало.

— Известное дело, — продолжал Федор, отхлебнувши вина, — дед на Москву распалился изрядно. Еще бы! Он самым могучим был на Руси государем, кроме Твери, володел также великим княжеством Владимирским, ему покорились Великий Новгород, Псков и иные земли. Уже его не князем, а царем повсюду начали величать и вдруг на тебе, — какая-то Москва с ним тягаться вздумала! И главное дело, воротившись из Орды не солоно хлебавши, Юрий Данилович не унялся, а зараз же почал новгородцев супротив Твери наущать. Михайло Ярославич пождал год, думая, что московский князь образумится, а потом собрал рать и повел ее на Москву. Самого города он, правда, не взял, ибо оказался он гораздо укреплен, но всё же московские земли поразорил и страху на москвичей нагнал. Запросил Юрий Данилович миру, но малое время спустя снова принялся за старое, будто ничего и не было. Дед еще года два терпел, а потом вдругораз на Москву пошел. На сей раз покарал он Юрия сильнее: огнем и мечом прошел по его землям и многих людей в полон увел.

На том Москва, будто, смирилась и несколько лет всё было тихо. Но когда умер хан Тохта и Михайло Ярославич поехал в Орду выправлять ярлык у нового хана, Узбека, Юрий Данилович уговорил новгородцев прогнать тверского наместника и посадил в Новгороде брата своего, Афанасия. Воротившись из Орды с ярлыком, дед того Афоньку из Новгорода, вестимо, прогнал и новгородцев добре поучил. Однако смута там продол-

---

[1]) 1305 год до Р.Х. До Петра Первого летоисчисление на Руси велось от сотворения мира.

жалась и Михайло Ярославич довел до хана о бесчинствах московского князя.

— А хан всё время руку Твери держал? — спросил Святослав.

— Вестимо так, ежели Михайлу Ярославича сразу же великим князем утвердил! Мало того: сам ему наказывал московским князьям потачки не давать. Но вот ты послушай как дальше-то дело обернулось: вызвал, значит, Узбек Юрия Даниловича в Сарай на расправу и два года о нем ни слуху, ни духу не было. Все уже думали, что хан его до самой смерти в Орде продержит, ан вдруг возвращается Юрий Данилович женатый на узбековой сестре Кончаке, с ярлыком на великое княжение и с татарским войском!

Михайло Ярославич аж обомлел. Но не желая подвергать русские земли разору — от великого княжения хотел отступиться добром. И все же Юрий, с московской ратью и с татарами, пошел на Тверь. Тогда дед, со всею силою своей выступил им навстречу и под селом Бартеневым разбил их в прах. Был взят огромный полон, сама Кончака и брат Юрия, Борис Данилович, попали в наши руки. Татар тверичи хотели перебить, но Михайло Ярославич того не допустил.

— Ну, ладно, — может всё это и обошлось бы, да на нашу беду, покуда переговаривались о мире, в Твери умерла от простуды жена Юрия, Кончака, во крещении нареченная Агафьей. И бессовестный пёс Юрий тотчас наклепал хану, что его сестру уморили зельем, по приказу тверского князя. Узбек их обоих вызвал на суд. Опричь убивства Кончаки, Юрий Данилович обвинил деда в сокрытии собранной для хана дани. Показывал против него također темник Кавгадый, бывший при татарском войске у Юрия. И по их лживым наговорам Узбек приказал Михайлу Ярославича казнить смертью.

— Я о том слышал, — промолвил Святослав. — Только у нас сказывали, будто дед твой добром сойти с великого княжения никак не хотел и за то пошел на него московский князь с татарами.

— Не верь тому, Святослав Титович! Мыслимое ли дело, чтобы тверской князь узбековой воле не подчи-

нился? Ведь это значило одному со всею Ордой воевать и всю землю свою отдать на разорение.

— Тако же и я мыслю. Ну, сказывай, однако, что дальше-то было?

— По смерти деда, великим князем остался Юрий Данилович, а тверской стол занял старший мой дядя, Дмитрий Михайлович. Сидел он в Твери тихо и с Москвой у него был мир. В ту пору даже женился другой мой дядя, Константин Михайлович, на дочке Юрия Даниловича, Софье. Так прошло года два и вдруг нежданно-негаданно Москва поднялась на нас войной, за то, будто бы, что Дмитрий Михайлович домогался в Орде ярлыка на великое княжение. Тверь к войне не была готова и дяде пришлось просить мира. Он обязался великого княжения не искать и при этом же случае передал Юрию Даниловичу две тысячи серебряных рублей[1]) дани, собранной Тверью для хана.

Потом невдолге свеи[2]) напали на Новгород и Юрий Данилович с войском отправился туда. Свеев он побил и тогда же на реке Неве построил супротив них город Орешек[3]), но со всеми этими делами задержался там надолго и те две тысячи рублей так Узбеку и не отдал. Уж не знаю, то ли случая не имел, то ли утаить их мыслил. Сведал об этом дядя Дмитрий Михайлович и не утерпел: за всё содеянное нам зло, такая у него ненависть к Юрию была, что поехал он в Орду и довёл хану об утайке тех денег. Узбек его обласкал и дал ему ярлык на великое княжение. Но два года спустя, вернулся из похода князь Юрий и, понятное дело, тотчас поехал к хану обеляться.

В году шесть тысяч восемьсот тридцать третьем[4]) Узбек призвал их обоих на суд. На там суде, впервой близко встретившись с Юрием, коего он справедливо почитал убивцем своего отца, Дмитрий Михайлович не стерпел и тут же, в Сарае, снес ему голову саблей. И за это Узбек повелел казнить его лютой смертью.

---

1) Рубль — тогда пол-гривны, гривна рубленная пополам.

2) Свеи — шведы.

3) Орешек — впоследствии Шлиссельбург.

4) В 1325 году по Р. Х.

— Да, много бед вам Москва наделала, — сказал Святослав, наполняя кубки вином. — Промочи горло, Федор Александрович, да сказывай, что потом было?

— Эх, брат и вспоминать тошно!.. Узбек, после этого, всё же дал ярлык на великое княжение отцу моему, Александру Михайловичу. А московкий стол занял брат Юрия, Иван Данилович, коего не зря Калитой прозвали: он из-за денег али из-за клочка земли кому хочешь горло перервет! Из зависти он моего родителя возненавидел черною ненавистью. Не знаю уж, чего он хану наплёл, но только не минуло и двух лет, как явился в Тверь двоюродный брат узбеков, царевич Чол-хан[1]), с большим отрядом татар. Он выгнал всю нашу семью из дворца и поселился в нем сам. Пошел слух, что он в Твери навсегда останется княжить. Его татары начали так обижать и грабить народ, что вскоре не стало никакого терпения. Отец, понимая чем это пахнет, старался не допустить мятежа, но тверичи его не послушали и восстали. Самого Чол-хана посекли в куски и кинули в огонь, а всех татар, кои не успели бежать, перебили.

— Что же, думаешь ты, сделал тогда змей Калита?

— Поскакал в Орду и упросил царя Узбека дать ему пятьдесят тысяч татарского войска, чтобы самолично покарать тверичей! Узбек дал и московский князь с теми татарами разорил Тверь и иные города наши, а всю землю Тверскую пожег и пограбил. За такое усердие хан дал этому иуде ярлык на великое княжение, а мы с отцом бежали во Псков. Псковичи приняли родителя как своего законного князя, а на тверской стол сел дядя Константин. Только этот выродок во всем был покорен Калите и даже ходил с ним вместе на Псков, супротив родного своего брата.

— Ну, вот, — продолжал княжич после минутного молчания, — отец во Пскове сидел тихо и Москву ничем не тревожил. Но кровопивец Калита и там его не оставил: он потребовал у Пскова, чтобы выдал ему своего князя. Псковичи отца моего любили и выдать его не

---

1) По русским летописям Щелкан.

схотели. Тогда Иван Данилович, который уже и попов успел оседлать, заставил митрополита Феогноста отлучить весь Псков от церкви, а сам выслал на нас сильную рать. Родитель мой — человек большого сердца: он порешил ехать в Орду и отдаться в руки хана, чтобы не лилася из-за него русская кровь. Однако псковичи, сведав о том, удержали его силой и поклялись защищать до конца. Отцу совесть не позволила принять такую жертву. Он тайно покинул город, вместе со мной, — мы бежали в Литву, и тем Посков был спасен от разорения московским войском.

— Через полтора года, с помощью великого князя литовского, Гедимина, который доводится нам родичем, мы возвратились во Псков и отец там княжил боле пяти лет. Тем временем гнев хана Узбека поостыл и назад тому года три, отец послал меня в Орду, выведать — не допустит ли его хан обратно в Тверь? Узбек мне ответил: —"пускай твой отец сам явится сюда с повинной головой, а я что схочу, то с ним и сделаю". И отец не побоялся приехать. Хану такое бесстрашие пришлось по душе и он возвратил ему Тверь, дозволив именоваться великим князем Тверским. Вестимо, Иван Данилович остался великим князем Московским и всех прочих собранных им земель, но такая уж у него подлая натура: тотчас снова почал клепать на родителя моего, коего минувшим годом Узбек уже вызывал на допрос в Орду. Однако он легко оправдался во всем и хан отпустил его с миром. Ныне же Калита снова довел до Узбека ложь, будто отец мой мутит новгородцев и подбивает их передаться Гедимину. И видать, хан тому веру дал, ибо вот уже три месяца минуло как я приехал в Сарай с отцовыми оправданиями, а Узбек меня до сей поры на глаза к себе не допускает.

— Экая нам незадача, — промолвил Святослав. — Я вот тоже никак приема добиться не могу.

— Да тебе что? Твое дело такое, что можно и обождать. А у нас, брат, головы на кону стоят.

— Неужто, мыслишь ты, снова до того дойдет?

— Всё может случиться. Видать, московский упырь

не успокоится, покуда весь род наш не переведет. Сила у него теперь большая. К хану он блином масляным в рот лезет и хан ему верит во всем.

С этими словами, тверской княжич поднялся и стал прощаться. Святослав, понимая, что он расстроен своими воспоминаниями, его не удерживал.

***

В рассказе княжича Федора Александровича преувеличений не было. Всё это исторические факты, из которых сам собой напрашивается вывод, что московские князья-собиратели, борясь с соседями за свое возвышение, были весьма неразборчивы в средствах. Кроме четырех великих князей тверских, по их наветам казненных ханом Узбеком, на их совести лежит также смерть троих рязанских великих князей: Константина Романовича, обманом захваченнного и убитого в Москве в 1306 году, и двух следующих, — Василия Костантиновича и Ивана Ярославича, которые разновременно были казнены в Орде по проискам Ивана Калиты и его брата Юрия[1]).

Едва начавшая возвышаться Москва особенно жестокую борьбу вела с Тверью, за владетелями которой было неоспоримое право на старшинство и на великое княжение над Русью. И мнения всех серьезных русских историков сходятся на том, что в этой борьбе тверские князья были, в нравственном отношении, много выше московских, и что именно потому они оказались побежденными. Таковым же было, несомненно, общественное мнение тогдашней Руси. Это видно хотя бы из того, что тверской князь Михаил Александрович, погибший по

---

1) См. хотя бы Никоновскую или Патриаршую летопись под годами 1306, 1308 и 1327.

вине московского князя, был православной Церковью причислен к лику святых мучеников.

Но трудно нам, далеким потомкам, осуждать первых московских князей за их действия, которые, конечно, лишены какой-либо этики. Трудно, ибо эти действия оправданы всем дальнейшим ходом истории, и их конечным результатом явилось создание величайшей в мире империи. Раздробленную на сотни враждующих княжеств удельно-феодальную Русь[1]) нельзя было объединить одевши белые перчатки. Это можно было сделать, пожалуй, только так, как сделали московские князья: не боясь пачкать свои руки ни в грязи, ни в крови, не задумываясь над этической стороной своих поступков и пуская в ход все средства, какие им предоставлял случай.

Что же, значит, цель оправдывает средства? — В политике, к сожалению, да. Это мы наблюдаем на протяжении всей истории человечества и не подлежит никакому сомнению, что государственный деятель не связывающий себя вопросами этики, всегда имеет преимущество над своим более щепетильным противником. И если неэтичные методы, им применяемые, несут благо его стране и народу, — суд истории и потомков его не только оправдывает, но и возносит на пьедестал. Можно это положение одобрять или порицать, но, независимо от оценки, факты не перестают быть фактами.

Впрочем, вернее всего, Иван Калита о таких отвлеченных материях, как суд истории и благо потомков, вовсе не думал. Он просто был трудолюбивым, цепким и эгоистичным хозяином, по сегодняшней терминологии — "кулаком" государственного масштаба. С точки зрения чистой этики и морали, он был, конечно, явно отрицательной личностью. Но оттого, что именно такая отрицательная личность на соответствующем этапе

---

[1]) В период наибольшей раздробленности, на Руси было около 360-ти княжеств.

истории оказалась во главе Московского княжества, — оно смогло в дальнейшем превратиться в великую Российскую империю, и результаты оказались положительными.

Кроме того, не следует забывать, что каждое событие можно рассматривать под различными углами зрения. Кажется, — что̀ может быть гнуснее поступка Калиты, который, во главе татарского войска, пришел разорять Тверскую землю за восстание тверичей против татарского сатрапа? Но если бы он этого не сделал, татары пришли бы сами, подвергнув разорению не только Тверское княжество, но и все другие, лежавшие на их пути. В этом свете гнусный поступок принимает вид подвига, которого Калита не смог бы совершить, если бы придавал значение вопросам этики.

ГЛАВА 21.

«Хан Узбек ревностно исповедовал Ислам, отличался умом, красивой внешностью и статной фигурой... Под его властью Орда достигла высшего могущества и расцвета».

Ал-Бирзали (14 в.)

Только в начале марта настал вожделенный для Святослава миг, когда, наконец, Абдулай известил его, что через три дня хан Узбек принимает прибывших из Египта послов, после чего назначен прием и ему.

Эти три дня прошли для княжича в лихорадочной деятельности, сменившей сонное равнодушие, которое давно им овладело. Он бегал к Абдулаю и другим сведущим лицам, с которыми успел свести знакомство, вызнавая все мелочи татарского придворного этикета и того, как надлежит разговаривать с ханом. Что говорить Узбеку по существу своего дела, — он уже давно обдумал во всех подробностях.

В назначенный день и час, разодетый козельский княжич, в сопровождении четырех слуг, нагруженных подарками, — без которых к хану являться не полагалось, — подошел, вместе с Абдулаем, к ханскому дворцу. Он уже не раз любовался этим великолепным зданием, окруженным высокими стенами из голубого гранита. Величественный портал его, легкие круглые башни и огромный купол, венчающий центральную часть дворца, были сплошь покрыты бело-голубой мозаикой и арабесками, с преобладанием тех же цветов. На вершине купола ослепительно сиял освещенный солнцем золотой полумесяц, видимый отовсюду за много верст.

На мраморных ступенях, ведущих к главному входу, по обе стороны стояли ханские тургауды[1]), в чешуйчатых стальных латах и шишаках, вооруженные круглыми щитами и длинными копьями, с привешенными к ним красными конскими хвостами.

Абдулай сказал несколько слов вышедшему навстречу начальнику стражи, на что последний ответил почтительным поклоном. Два воина-великана, стоявшие по бокам входа, с обнаженными кривыми мечами в руках, по его знаку распахнули двустворчатую, окованную серебром дверь и пропустили Святослава и его спутников внутрь дворца.

Здесь к ним подошел векиль[2]) и сказал, чтобы все следовали за ним. Проведя посетителей через ряд помещений, убранных почти со сказочной роскошью, он остановился перед закрытой дверью и обернувшись к Святославу, предупредил, чтобы тот был готов предстать перед "солнцем мира", великим ханом Узбеком. Это означало, что хан находится в соседнем зале и что с этой минуты нужно неукоснительно следовать установленному ритуалу. Святослав уже знал его на зубок. Он, творя про себя молитву, отстегнул саблю и передал ее векилю. Последний распахнул двери и княжич, склонив голову и высоко поднимая ноги, шагнул через порог: наступить на него — значило оскорбить достоинство хана и пасть под мечами стоявших у двери тургаудов.

Старые очистительные обряды, обязательные при приближении иноверца к ханскому престолу, после принятия Ордой магометанства, сохранили лишь силу традиции и были значительно упрощены. Вместо окуривания дымом, при входе в приемный зал две пожилые татарки покадили на Святослава и его слуг благовонным дымом из небольших золотых кадильниц. Взамен очистительных костров, его провели между двумя чисто символическими огнями, горевшими на треножниках

---

1) Тургауды — гвардейцы, телохранители.

2) Векиль — дворецкий, дворцовый смотритель.

по сторонам ковровой дорожки, которая вела от двери к подножию трона.

Подняв голову, что можно было сделать только пройдя эти два испытания, Святослав увидел в глубине зала хана Узбека, сидящего под пурпурным балдахином, на высоком черном троне, инкрустированном слоновой костью, с подлокотниками в виде двух золотых драконов. Сзади стояло боевое знамя Чингиз-хана: три укрепленных на древке перекладины, с висящими на них девятью хвостами тибетских яков. По сторонам трона, на нескольких ведущих к нему ступенях, покрытых коврами, сидело человек пятнадцать ханских родственников и приближенных. Вдоль обеих боковых стен зала неподвижно стояли тургауды в боевых доспехах и с копьями в руках.

Шагах в пяти от трона, на расстоянии сажени друг от друга, были укреплены два копья, между которыми протягивалась веревка, свитая из конского волоса, Под нею должен был пройти всякий приближающийся к хану иностранец, символизируя этим свою покорность. Для лиц особо высокопоставленных, если хан к ним благоволил, её протягивали настолько высоко, что можно было пройти лишь слегка нагнув голову. Чем скромнее был ранг посетителя, тем ниже натягивалась веревка, так что иным приходилось проползать под нею на четвереньках. Зацепить ее головой было равносильно оскорблению ханского достоинства, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Святославу ее протянули не высоко, но и не слишком низко, так, что можно было пройти снизу, согнувшись в пояснице. Но из боязни задеть веревку, он скорчился под нею в три погибели, что вызвало легкую усмешку на лице Узбека. Однако княжич ее не увидел, ибо в этот момент, согласно обычаю, — от исполнения которого лишь очень немногих освобождали по личному повелению хана, — он встал на колени и склонившись поцеловал пол у подножия трона. В таком положении нужно было оставаться, пока хан не произнесет своего слова.

— Подними голову и говори, — выждав несколь-

ко секунд сказал Узбек по-татарски. Это значило, что в продолжении дальнейшего разговора надо было оставаться на коленях. Позволение говорить стоя, считалось уже великой честью и только лишь самых больших князей хан приглашал садиться, если желал показать им свое особое благоволение.

Едва лишь стоявший сбоку толмач перевел слова Узбека, Святослав распрямился и глянул вперед. Перед ним сидел на троне крупный мужчина величественной осанки, в остроконечной тюбетейке и в темно-зеленом халате, расшитом золотом и драгоценными камнями. Его лицо, красивое в молодости, теперь обрюзгло и пожелтело, в недлинных опущенных усах серебрилась густая седина.

После Батыя, Узбек был самым выдающимся из золотоордынских ханов, — в его царствованье Орда находилась в зените своего могущества и расцвета. Это был жестокий, но умный монарх, умевший держать всех в повиновении и установить образцовый порядок на территории своей огромной разноплеменной империи. Он много заботился о расширении торговли, благоустройстве и строительстве городов, в особенности Сарая, блестяще организовал службу связи между подвластными ему землями, но главное свое внимание обращал на область внешних сношений и сумел высоко поднять международный престиж Золотой Орды.

Путем ряда удачно заключенных браков, он породнился с византийским императорским домом, с египетским халифом и с другими крупными монархами своего времени. В Каире его именем была названа одна из главных площадей; китайский император Тогон-Тэмур, отдал за него свою дочь Баялынь и перед ним открыто заискивал; в Европе и в Азии все чутко прислушивались к его голосу.

Всё это хорошо знал стоявший перед ним на коленях маленький козельский княжич, у которого внезапно слова застряли в горле при мысли о том, что одного движения бровей этого грозного властелина будет достаточно, чтобы смести его с лица земли. Лишь пре-

дельным напряжением воли он подавил свое волнение и деревянным голосом произнес заранее заученные слова:

— Здрав будь всемилостивейший повелитель наш, да продлит Аллах твою драгоценную жизнь на тысячу лет! Тебе, великому хану Узбеку, сыну Тогрул-хана, сына Менгу-Темура, внука славного джехангира Бату-хана и пра-правнука покорителя вселенной, великого Чингиза, тебе, солнцу нашему отец мой, князь Тит козельский, низкий поклон шлет и по малости достака своего бьет тебе челом недостойными нашими подарками!

С этими словами Святослав снова поклонился в землю, а его слуги положили к ногам хана два сорока

собольих и два сорока бобровых мехов, кованное золотое блюдо и на нем, в маленьком хрустальном ларце, — редкий по красоте изумруд, величиной с голубиное яйцо. На остальные подарки хан глянул равнодушно, но при виде последнего невольно подался вперед. Всем было известно, что изумруды являются слабостью Узбека, а такой даже ему не часто случалось видеть.

— Откуда у вас этот камень? — спросил он, не отводя глаз от драгоценности.

— Этот смарагд добыт в горах Зобара, на берегу Чермного моря, — ответил княжич, — и в нашем роду наследуется он боле двухсот лет, со времен предка моего, черниговского великого князя Олега Святославича, который получил его за женою своей, румейской[1]) царевной Феофанией. Дивный самоцвет сей, рядом с иными смарагдами, подобен тебе, пресветлый и могучий хан, среди других владык земных. И он более пристал твоему величию, нежели нам, твоим ничтожнейшим рабам.

— Встань, — милостиво сказал Узбек. — О твоем отце я знаю, что он мне верный слуга. Говори, в чем челобитье его?

Святослав поднялся с колен, торжествуя в душе: изумруд сделал свое дело, — благосклонные слова хана не оставляли в том никаких сомнений. И окрепшим голосом он промолвил:

— Тебе ведомо, всемилостивый хан, что Карачев есть стольный город всей нашей земли и что ныне княжит там старшой брат родителя моего, Пантелей Мстиславич. Но он стар и одержим смертельным недугом, жить ему осталось считанные дни. Так вот, дабы после его кончины не приключилось смуты и усобицы в земле нашей, отец мой, о тишине края и о пользе твоей радея, челом тебе, повелителю нашему, бьет: по смерти князя Пантелея Мстиславича, дал бы ты ярлык на большое княжение в Карачеве ему, Титу Мстиславичу, понеже его есть право и старшинство. А всем прочим князь-

---

[1]) Румом на востоке называли Византию.

ям земли нашей повелел бы ты его, как государя своего, чтить и из воли его не выходить.

— А есть ли сыновья у князя Пантелея? — спросил Узбек.

— Есть один сын, по имени Василий. Но он крепко пьет, а от того в разуме стал нетверд и ко княжению не способен, хотя бы и стал его домогаться. Только по милости Божьей карачевский стол наследуется у нас от брата к брату, а не от отца к сыну, ибо такова была воля первого князя земли нашей, Мстислава Михайловича. Сам нонешний князь Пантелей также княжение принял от своего старшего брата Святослава.

— Да будет так, — сказал Узбек, немного подумав. — Я дам ярлык твоему отцу. Жду от него, что будет мне верен и что смуты в своей земле не допустит. А теперь можешь идти!

Бормоча благодарности, кланяясь и пятясь задом, ликующий Святослав покинул приемный зал. Его дело было сделано. Через несколько дней, получив ханский ярлык и пайцзу на свободный выезд из Орды, он тронулся в обратный путь.

ГЛАВА 22.

«Почто губим Русьскую землю, сами на ся вражду деюще?»

Повесть временных лет.

По причине весенней распутицы и большого разлива рек, Святослав, выехавший из Орды в середине марта, добрался до Козельска только к концу мая. Но на задержки в пути он не очень досадовал: теперь всё было в порядке, — ханский ярлык бережно хранился у него на груди. То и дело проверяя, цел ли он, и чувствуя под пальцами приятный хруст сухого бычьего пузыря, в который был из предосторожности завернут драгоценный документ, — Святослав мечтою улетал в карачевский дворец, поелику он уже не козельский княжич, как все еще думают, а будущий великий князь земли Карачевской! Ради этого стоило вынести все невзгоды утомительно-долгого путешествия и все сарайские унижения. Впрочем, о них никто и знать не будет, — утешал он себя.

В первом же русском поселении, лежавшем на его пути, Святослав узнал о смерти Пантелеймона Мстиславича, и о том что в Карачеве княжит Василий.

— "Ничто, — злорадно подумал он, — недолго ты, гордыбака, там покняжишь! Ужо теперь выкинем тебя оттуда в Елец. Небось, еще нам накланяешься!"

***

Тит Мстиславич встретил сына со всеми внешними проявлениями родительских чувств, но узнав о полном

успехе его миссии, к удивлению Святослава, особой радости не проявил. Все эти месяцы в глубине его сознания, назойливо и тихо, как мышь, работала совесть, не давая ему покоя и беспрерывно воскрешая в памяти грозные слова отца: "аще же кто волю мою преступит, да падет на того мое проклятие навеки и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Богом". Под конец Тит Мстиславич до того изведся, что сам себе страшась в том признаться, уже в глубине души желал, чтобы сын возвратился из Орды без ярлыка.

Однако дело было сделано и ханский ярлык, который с гордостью вручил ему сияющий Святослав, теперь находился в его руках. Ярлык, отдающий ему вожделенное княжество Карачевское и вместе с тем бесповоротно навлекающий на него проклятие отца. Отступать было слишком поздно.

Стараясь ни о чем больше не думать и утешая себя тем, что такова, видно, была воля Божья, — он сейчас же отправил гонцов к звенигородскому князю и к боярину Шестаку, прося их без промедления прибыть в Козельск.

Шестак приехал через неделю и узнав об успехе Святослава, пришел в восторг, от которого, казалось, вовсе опъянел. Докучливыми и неуёмными проявлениями своей радости, он совсем допёк князя Тита за те несколько дней, которые прошли в ожидании Андрея Мстиславича. Но наконец приехал и он. Тем же вечером в трапезной козельского князя, за столом снова сидели четверо собеседников, которые совещались тут девять месяцев тому назад.

Святослав обстоятельно поведал о своем пребывании в Сарае и о разговоре с великим ханом Узбеком, умолчав о пережитых унижениях и приукрасив, наоборот, все выгодные для себя стороны дела. Два или три раза он повторил, что Узбек сразу вспомнил Тита Мстиславича и отзывался о нем с благоволением, называя верным своим слугой и достойнейшим из русских князей. Набивая цену своему отцу, он многозначительно

поглядывал на князя Андрея, но последний, казалось, был этим очень доволен и лишь сочувственно кивал головой, слушая слова племянника.

Действительно, всё складывалось именно так, как хотел Андрей Мстиславич, и сейчас он окончательно уверился в том, что ведет беспроигрышную игру. От Василия он отделался руками козельских князей, причем сделал это так ловко, что сам остался совершенно в стороне. Если бы даже Узбек не дал ярлыка Титу Мстиславичу и признал права Василия, — его, князя Андрея, ни в чем обвинить было бы нельзя: он по своей доброй воле поцеловал крест законному князю и всегда был ему покорен.

С другой стороны, хорошо зная горячий нрав Василия, он был уверен, что последний с ханской волей не посчитается и добром Титу большого княжения не уступит. Стало быть, ему придется либо сложить голову в Орде, либо бежать, когда придет сюда татарское войско наводить порядок. Иными словами, из игры он так или иначе выйдет и на карачевский стол сядет Тит Мстиславич.

Но последнему и в голову не приходило, что всем этим делом он целиком отдал и себя и сына своего Святослава в руки князя Андрея. Будучи родственником и другом Гедимина, Андрей Мстиславич хорошо знал, что литовцы готовятся к захвату этого края. Если им это удастся, — ни Тита Мстиславича, ни сына его Гедимин на княжении не оставит, как явно татарских ставленников, при помощи хана отнявших карачевский стол у законного князя. И единственным кандидатом на большое княжение будет именно он, Андрей Мстиславич.

Если же литовцы почему-либо отложат или проиграют войну и княжества эти останутся в подчинении у Золотой Орды, — он тоже ничего не теряет: на этот случай в его руках находится духовная грамота Мстислава Михайловича. При её помощи ничего не стоит доказать хану Узбеку, что козельские князья его обманули и незаконно получили ярлык на княжение в Карачеве. Всем известно, что Узбек в таких случаях бывает беспощаден. Правда, грамота доказывает права Васи-

лия, но ведь он ими воспользоваться уже не сможет, ибо, если и останется жив, — будет находиться в бегах и в опале у хана. Следовательно, карачевский стол будет отдан ему, Андрею Мстиславичу.

Таким образом, сплетенная им паутина, казалось, при любых обстоятельствах обеспечивала ему не только большое княжение, но и переход в его руки всех удельных княжеств Карачевской земли, что и являлось конечной целью его вожделений.

Выслушав рассказ сидевшего рядом Святослава, он одобрительно приобнял его рукой и слегка прижимая к себе, сказал:

— Ну, молодец ты, братанич! Не зря я советовал тебя, а не кого иного, в Орду послать: знал, что дело наше в надежных руках будет. Ловко ты царя Узбека вокруг пальца обвел!

— Истину говоришь, князь! — поддержал и Шестак. — Молод наш новый княжич карачевский, а разумом мудр. Его усердием недолго Васька на большом столе посидел! — с хохотом добавил он.

— Покуда еще сидит, — мрачно сказал Тит Мстиславич, — и добром едва ли с него сойдет. Смеяться рано, боярин. Гляди, не пришлось бы плакать.

— Плакать придется Василею, — ответил Шестак. — Наше дело теперь правое и супротив ханского ярлыка на Руси никто не выстоит. В случае чего, татары ему мигом мозги прочистят!

— Хоть оно и так, да ведь татары-то не во дворе у нас стоят, как у Василея дружина. Покуда они сюда дойдут, он нас всех повоюет!

— Небось, не посмеет! А коли и пустит в дело войско, это ему не надолго поможет: подойдут татары, заберут его в Орду на расправу и всё одно сядешь ты князем в Карачеве.

— Эк тебе дались татары, Иван Андреич! — в сердцах сказал князь Тит. — Татар звать, это уж последнее дело: ведь они все земли наши пограбят. На такое можно решиться только ежели одни с Василием не сладим, когда ничего иного уже не остается. Стало быть надобно сперва самим за него браться!

— Ну и возмемся! Коли начали говеть, неужто скажем теперь, что не поевши мяса силы нету до церкви дойти?

— Не то говоришь ты, боярин! Взяться можно по разному. С чего начинать-то будем? Не идти же на него, здорово живешь, войной?

— Послать в Карачев гонца и объявить ему ханскую волю, — вставил Святослав. — Коли схочет на рожон лезть, пусть первый начинает войну. А может статься, у него хватит ума по добру с нами поладить: ведь лучше в Ельце княжить, нежели в Орде голову сложить.

Предложение княжича всем паказалось разумным, но именно потому оно испугало Андрея Мстиславича, до сих пор не принимавшего участия в споре. Мирное окончание дела нарушало все его планы, ибо в этом случае Василий остался бы чист перед ханом. Поэтому он поспешил сказать:

— Не дело говоришь, Святослав. Ведь это всё одно, что отдать себя в руки Василея. У него наготове добрая дружина, с которою он, узнав о ярлыке, тотчас пойдет на нас. Покуда мы соберем людей, он захватит наши вотчины, посадит в них свих наместников, а сам, не будь дурак, поскачет в Орду и скажет хану, что на него, на большого князя, восстали удельные и он, защищая порядок в своей земле, должен был смирить их оружием...

— А ярлык? — перебил Святослав.

— Что ярлык? Он скажет Узбеку, что того ярлыка и в глаза не видывал, а разговорам о нём веры не дал, ибо стол свой занимал по закону, дань хану посылал исправно и никакой вины за собою не знал. Смекаешь, как дело-то может тогда обернуться?

— То истина, — сказал Шестак. — Надобно иначе деять. И не упреждать Василея о ярлыке, а на людях сунуть его в тот ярлык носом, дабы не мог после отбрехиваться, что, мол, не знал ханской воли.

— Это не просто сделать, — промолвил Святослав. — Поедешь к нему в Карачев с ярлыком, — обратно может и ног не унесешь. А обычному гонцу такого де-

ла доверить нельзя. купит его Василей, али убьет и опять же скажет, что никакого ярлыка отродясь не видывал, а сам тот ярлык изничтожит.

— Ни в Карачев ехать, ни гонцов посылать не гоже, — сказал князь Андрей после небольшого раздумия, — и о ханском ярлыке Василий до поры знать ничего не должен. Надо его добром сюда залучить, — тут разговаривать с ним будет куда сподручней.

— Золотые слова твои, Андрей Мстиславич! — воскликнул Шестак. — Так и надобно сделать. Коли он ни о чем догадываться не будет, — приедет сюда без дружины, да и ввалится как сом в вершу! Тут мы ему при народе прочитаем узбеков ярлык и попросим честью убираться из Карачева в Елец. А коли не схочет, схватим его и в железах свезем в Орду!

— Зачем везти в Орду? — сказал князь Андрей. — Ежели он супротив ханской воли пойдет, мы и сами покарать его по праву можем.

— Да уж из рук выпускать не стоит, — промолвил Святослав.

— Вестимо, тут разговаривать с ним было бы легче, — сказал Тит Мстиславич, — да ведь как заманишь его в Козельск, чтобы он ничего не учуял?

— А его и заманивать нет нужды, — ответил Андрей: — он сам сюда явится, по своей охоте.

— Отколь тебе это ведомо?

— Был у нас разговор. И он мне сказал, что приедет в Козельск, чтобы первым почтить тебя, как старшего родича.

Тита Мстиславича эти слова ожгли как пощечина.

— Почтить меня приедет как старшего, а я, как Иуда, предать его должен? — глухо вымолвил он.

— Что за слова, брат дорогой, — брезгливо сказал Андрей Мстиславич. — Почто ему тебя не почтить, коли он уже тебе, своему дяде, на шею сел? Теперь ему это на руку. К тому же, не одно лишь почтение у него на уме: также мыслит он при этом случае крестоцелование твое принять.

— А твое нет?

— Я уж целовал ему крест в Карачеве, — спокойно ответил князь Андрей.

— Как же это? — не веря ушам спросил Тит Мстиславич. — И теперь ты свое крестоцелование готов порушить, словно бы ничего не было?

— Нимало. Я целовал ему крест на верность доколе он остается законным князем карачевским. А ныне законный князь наш ты, а не он.

— Ну и хитёр ты, Андрей! Не пойму только, зачем было душой кривить и крест целовать, коли он тебя не понуждал?

— Ежели бы я того не сделал, духовная родителя нашего и посейчас была бы в его руках.

— А где она теперь, эта духовная?

— У Василея её больше нет, — уклончиво ответил Андрей Мстиславич.

— Когда же думал он в Козельск быть? — после довольно длинной паузы спросил князь Тит.

— Сказывал, как наступит лето. Но понеже к его приезду мы должны загодя приготовиться, лучше бы тебе самому день назначить.

— Как же то сделать?

— Оповести, что по хворости сам не можешь поехать в Карачев и просишь его прибыть в Козельск, дабы принять тут крестоцелование твое. И укажи день.

— Не бывать тому! — крикнул Тит Мстиславич. — Не стану я ловить его на крест святой, как рыбу на червяка! Что хочешь другое придумывай, а этому не бывать!

— Эк ты, братец, горячь! Ну, изволь другое: позовём его на семейный совет. И у тебя, и у меня-де сыны повыросли, надобно что-то им дать и о судьбе их с большим князем сообща подумать. А поелику спинкая хворь тебе сесть на коня либо в повозку не дозволяет, просим мы собрать тот совет в городе Козельске.

— Ну, это уже лучше. А на когда звать-то его?

— Погоди. Сегодня у нас восьмое июня. На то, чтобы здесь всё урядить как пристало, положим месяц, а лучше полтора. Стало быть, можно звать его на двад-

цать третье июля, — память святого мученика Трофима. Этот день у меня счастливый.

— Ладно, так и порешим. На этих же днях пошлю в Карачев гонца. А как готовиться-то будем?

— Наиглавное людей надобно побольше собрать да вооружить их добро, — сказал Шестак, — чтобы Василей отсель не вырвался.

— Зачем нам много людей? — возразил Святослав. — Что он, на семейный совет, детям на смех, дружину с собой приведет? Небось, приедет только со стремяным да со слугами, сам-досять, не более.

— А вдруг почует неладное да приведет сотен пять воев, как бы для того, чтобы князя Тита почтить? Тогда не мы, а он здесь хозяином будет, ежели мы без войска окажемся.

— Вот и не надо, чтобы он неладное почуял. А коли мы начнем в Козельске людей собирать, он о том враз сведает и тогда уж наверное приведет с собою не пять сотен, а целую рать!

— Стало быть, в большой тайности надобно войско собирать, — настаивал Шестак. — Я одно знаю: Василея нельзя отсюда живым выпустить, сколько бы воев с ним не пришло!

— А я знаю другое, боярин, — еле скрывая бешенство сказал Тит Мстиславич, которому этот разговор переворачивал душу: — что с головы Василея здесь и волос не упадет, хотя бы он даже один приехал! Я не убивец и не тать! Коли не поладим добром, — готов встретиться с ним в честном бою, но заманив обманом, зарезать его в доме моем никому не дозволю. И ты это крепко заруби на носу!

— Кто тебе говорит про убивство, Тит Мстиславич? — пошел на попятный Шестак. — А взять его нужно, ибо ежели мы его отсель выпустим, он всю нашу землю кровью зальет!

— Никакого душепродавства здесь не допущу, — упрямо сказал князь Тит. — Мое согласие есть лишь на то, чтобы зазвать его сюда и тут поговорить с ним начистоту. Коли добром поладим, то и слава Создателю. А ежели упрется он, — пусть возвращается в Карачев

и будем воевать. Всё одно с ханским ярлыком мы его одолеем.

— Эх, Тит Мстиславич! Ну, а ежели он сам, заместо того, чтобы ворочаться в Карачев и видя, что мы тут без защиты, велит нас всех повязать? Ведь для этого ему много людей не надобно, а уж сотню дружинников он при себе всегда иметь будет, хотя бы для чести. Неужто, к примеру, ты сам, сделавшись великим князем, сочтешь себе приличным на княжеский съезд с десятком слуг явиться?

Тит Мстиславич на минуту задумался. Потом сказал:

— Навряд ли он сделает такое, как ты говоришь, коли мы первые не нападём, Всё же в нем кровь черниговских князей течет. Однако, на этот случай сотни две воев и мы можем наготове держать.

— Как бы для почётной его встречи, — добавил Святослав.

Князь Андрей, не любивший открыто высказываться по столь острым вопросам, во время этого спора хранил молчание, ожидая, что дело и без него примет нужный ему оборот. Конечно, убийство Василия именно в Козельске было ему особенно выгодно, но он сразу понял, что подстрекать к этому Тита Мстиславича бесполезно и опасно. В конце концов ему было важно, чтобы дело не закончилось полюбовно, а зная горячий нрав племянника, он не сомневался в том, что сумеет вызвать ссору, которая погубит Василия в глазах хана, а может быть даже позволит тут же отделаться от него, якобы в порядке вынужденной самозащиты. Прикинув всё это в уме, он примирительно сказал:

— Мыслю я, что брат мой дело говорит: нет нужды идти на крайности. А чтобы Василей не мог взять нас голыми руками, двух сотен козельских воев за глаза достанет. Сверх того и мне будет прилично прихватить с собою человек пятьдесят. Однако следует предразуметь, что Василей своего стола добром не уступит и что промеж нас учнется война. Стало быть, должны мы не мешкая начать сбор войска и делать это надобно

так, чтобы в Карачеве до сроку не всполошились. В Козельске пока можно готовить лошадей и оружие, а людей собирать у меня в Звенигороде. Коли мы эти полтора месяца зря не потеряем, к Спасову дню сможем выставить против Василея рать в две — три тысячи человек. А за сим заслоном вскорости и еще столько соберем.

— С этим согласен, — сказал Тит Мстиславич. — Однако же будем Бога молить, чтобы дело обошлось миром и Василея зря ярить не станем. Ежели надобно будет, я ему и Козельское княжество дам, а ты себе возьмешь Елецкое.

— Сохрани тебя Господь от этого, брат! — воскликнул Андрей Мстиславич, встревоженный не столько судьбой Козельского княжества, сколько возможностью мирного исхода. — Он это за слабость нашу сочтёт и враз тебя за глотку ухватит. Нет уж, что вырешено сообща, на том и надобно стоять твердо!

— Там видно будет, — буркнул князь Тит. — Зря я, вестимо, ничего такого не скажу. Но ежели для общего мира потребуется...

— Наипаче всего потребуется, — перебил Андрей Мстиславич, — чтобы ты крепко помнил, что волею великого хана, ты теперь государь земли Карачевской и что слабость тебе не к лицу!

— Ладно, оставим это, — устало сказал Тит Мстиславич. — Стало быть о главном мы договорились. Сейчас милости прошу закусить, а за трапезой побеседуем о прочем.

ГЛАВА 23

«Князя бойся и чти всею силою своей, несть бо страх сей пагуба для души, но паче научишься от того и Бога боятися. Небрежение же ко властем — небрежение о самом Боге».

Из «Изборника» вел. князя Святослава Всеволодовича, 1076 г.

Стряхнув с себя тяжелые наледи, давно уж расправились широкие лапы елей, разорвала зимние оковы звонкая Снежеть и красавица Карачевская земля сбросила со своих пышных плеч горностаевую шубу. Прилетела веселая колдунья Весна, солнечным гребнем расчесала красавице кудри, щедро вплела в них зеленые ленты, украсила её грудь цветами, — отошла чуть назад, подивилась на мастерство свое и улетела красить другие земли. И вот уже животворящее солнце жарко целует свою вечно юную любовницу.

Потемневшие рощи снова налились птичьим гомоном, в болотах ликующим кряканьем славили жизнь дикие утки и на сочные приозерья вышли из лесу отощавшие лоси. Каждая былинка жадо впивала в себя ласку солнца, всякое дыхание спешило воспользоваться расточительной щедростью матери — Земли.

С первыми победами весны, люди тоже оборвали свое вынужденное зимнее безделие и из тёмных, прокопченных изб вышли во дворы и в поля. Вскоре окрестности сёл и деревень запестрели темными узорами пашень и нежно-зелеными коврами озимых всходов. По подсохшим дорогам потянулись телеги, в кузницах застучали звонкие молоты, из огородов и садов потекли

весёлые девичьи песни. Каждый радостно творил привычное дело, дышал полной грудью и как умел славил тепло и Бога.

Тихо и спокойно было в Карачевском княжестве. Кругом кипели удельно-поместные страсти, шла борьба честолюбий и алчности, князья воевали друг с другом, но этот лесной край продолжал жить своею мирной жизнью, не ведая о том, что и его готова захлестнуть кровавая петля междоусобий.

Менее всего помышлял о такой возможности князь Василий. Если вначале он и опасался каких-либо враждебных действий со стороны своих удельных князей, то теперь, когда наиболее опасный момент благополучно миновал и все, как ему казалось, обтерпелись, он перестал о том думать.

С наступлением тепла, он с головой ушел в дела управления и проводя в жизнь намеченные планы, находился почти в беспрерывных разъездах. Он нежданно появлялся в самых отдаленных и глухих деревнях, беседовал с крестьянами, узнавал их нужды, укреплял слабые хозяйства, а где требовалось, вершил суд и расправу.

Он создал также несколько общин из новосёлов, которым охотно предоставлял землю и оказывал щедрую помощь. Народу к нему приходило много, особенно из Смоленщины и из Брянщины, где смердам жилось хуже всего. В конце концов это переселение приняло столь широкие размеры, что Василий сам вынужден был ограничивать его, опасаясь осложнений с соседями.

Впрочем, самого беспокойного из них, князя Глеба Святославича, крепко связывали свои собственные заботы: последнее время он уже не покидал своего кремля, ибо теперь все население княжества вело с ним почти открытую войну. Придерживаясь своего первоначального решения, Василий в дела Брянска не вмешивался, но зорко следил за всем, что там происходит.

Однажды, возвратившись из дальней поездки и по-

парившись в бане, он сидел с Никитой в трапезной, когда ему доложили, что прибыл гонец из Козельска. Василий его принял тотчас и узнав, что дядья приглашают его на семейный совет, нисколько не удивился. Подобные съезды князей карачевского дома и прежде бывали не раз, всегда способствуя укреплению доброго согласия между ними. Сейчас такая встреча была особенно нужной, ибо она могла окончательно рассеять тень недоброжелательности и недоверия князей друг к другу.

— Дяде моему, князю Титу Мстиславичу, поклон передай и скажи, что на двадцать третье июля в Козельск беспременно буду, — сказал он, отпуская гонца.

— Ну, вот и слава Богу, — промолвил он, когда они остались вдвоем с Никитой. — Я и без того в Козельск сбирался, а так оно еще и лучше выходит: по крайности знаю уже, что прием мне будет оказан добрый, поелику они меня сами к себе зовут.

— Примут-то, может и хорошо, а вот как проводят?

— А проводят еще лучше. Дабы в устройстве земли нашей они мне палок в колеса не совали, надобно наладить с ними добрый мир. На том съезде я их по шерстке поглажу, младшим сынам их выделю приличные вотчины, — глядишь и уразумеют, что я им вовсе не ворог.

— Давай-то Бог, — с сомнением в голосе промолвил Никита.

— Ты что? Али опасение какое имеешь?

— Коли спрашиваешь, скажу: не нравится мне все это дело.

— Какое дело?

— Да вот этот семейный совет.

— Почто так?

— Не верю я, князь, твоим дядьям.

— Я и сам им не верил, думал не пойдут добром под мою руку. Ан видишь, — смирились. Никто и слова вперекор не молвил, как принимал я большое княжение.

— Вот это и худо. Ежели бы они тогда заартачились, как того ожидать следовало, было бы всё понят-

но. А так похоже, что затевали они что-то супротив тебя, да то-ли сговориться не успели, то-ли не всё у них готово было, когда преставился князь Пантелей Мстиславич. И может статься, все эти месяцы они тебе покорность выказывали лишь затем, чтобы глаза отвести и тем временем свой подвох без помехи закончить.

• — Блажишь ты, Никита! Ну, сам рассуди: что они теперь могут сделать, хоть бы и хотели? Коли думали княжение у меня оспаривать, — время у них упущено, я уже давно княжу. Ежели теперь удумали меня согнать, — сами знают, что руки коротки. Войска собрать они не могут без того, чтобы мы тотчас о том не сведали. Чего же бояться-то?

— Не знаю, Василей Пантелеич, а вот душа у меня не спокойна. Ведь когда по осени ездил я к ним гонцом, по всему было видно, что сговор они вели и что-то у них затевалось. Да и после того... Шестак-то сколько разов уже в Козельск мотался? И сейчас тоже он там сидит.

— Пускай сидит. Здесь воздух чище будет.

— Оно так, да всё же примечательно, что как раз в это время и гонца к тебе из Козельска прислали. Похоже, что перед этим снова они сговаривались.

— То вельми понятно: коли они меня на семейный совет зовут, как им было о том промеж собою не договориться?

— А Шестак здесь причём?

— Э, дался тебе Шестак! Он исстари друг Титу Мстиславичу.

— Вот эта дружба к добру и не приведет. Послушай совета моего, Василей Пантелеич: под каким-либо случаем отложи эту поездку в Козельск. Повременим малость да приглядимся. Может и сведаем что о их замыслах.

— Еще чего! Коли мое слово им сказано, я его не порушу.

— Ну, тогда, по крайности, прихвати с собою сотён пять воев.

— Да ты, никак, рехнулся! На семейный совет с войском прийду! После этого надо мною не только все ро-

дичи, а и дети малые потешаться станут. Выпей-ка лучше вот эту чарку, авось у тебя от головы оттянет!

— Эх, Василей Пантелеич! Дай-то Бог чтобы я ошибался, а не ты!

**
*

После этого разговора прошло больше месяца, но ничто не нарушало мирного течения жизни Карачевской земли. Василий всё это время был поглощен своими делами и по-поводу предстоящей поездки нимало не тревожился, лишь изредка посмеиваясь над опасениями Никиты.

Видя, что это бесполезно, Никита их высказывать вслух перестал, но недоброе предчувствие его не покидало. Он зорко присматривался ко всему окружающему, прислушивался к разговорам бояр и даже на свой собственный страх установил тайное наблюдение за Козельском, заслав туда пару надёжных людей. Но всё было совершенно спокойно и ничего подозрительного заметить ему не удалось. Даже Шестак, за которым Никита следил особенно бдительно, больше не покидал Карачева и ни с кем из посторонних людей не сносился.

Не удовлетворившись этим, Никита поделился своими опасениями с воеводой Алтуховым, в преданности которого Василию он не сомневался. Алтухов считал, что какой-либо злой умысел или западня тут весьма мало вероятны, но внимательно выслушав все доводы Никиты, — всё же согласился, что некоторые меры предосторожности принять следует, и притом втайне от Василия, чтобы не рисковать его запретом, в котором можно было не сомневаться.

Наконец, приблизился день отъезда. Василий решил взять с собою, в качестве свиты, боярина Тютина, воеводу Алтухова, детей боярских Лукина и Софонова и, разумеется, Никиту. Последнему было поручено также составить отряд из тридцати дружинников, для сопровождения.

— Дозволь, княже, хотя бы сотню взять, — снова попробовал настаивать Никита.

— Опять ты за свое! Уже было тебе не однажды сказано: не стану я людей смешить!

— Какой тут смех? Тебе, как великому князю, даже приличествует много людей при себе иметь.

— Бери тридцать человек и разговор кончен!

Скрепя сердце Никита повиновался, но людей и коней для этой поездки подобрал с особой тщательностью. В состав конвоя вошли отборнейшие дружинники, в том числе Лаврушка, с которым Никита долго беседовал отдельно.

Утром двадцать второго июля все было готово к отъезду, когда Никита доложил князю, что воевода Алтухов занемог и просит освободить его от поездки.

— Что с ним такое? — с неудовольствием спросил Василий.

— Должно вчера, после бани, прохватило его ветром, — ответил Никита. — Поясницу свело, никак на коня сесть не может.

— Ладно, пускай вместо него живо сбирается второй воевода, Гринёв!

Перед тем как выйти во двор, Василий, уже готовый в путь, подумал вдруг, что в связи с предстоящим на завтра крестоцелованием Тита Мстиславича, не мешает прихватить с собою духовную грамоту деда. Он быстро прошел в свою опочивальню и подойдя к божнице, открыл кипарисовый ларец. Но последний был пуст.

Не веря глазам, князь сунул в ларец руку, тщательно обшарил все углы, потом поднял его и потряс над полом. Никаких сомнений не оставалось: духовная Мстислава Михайловича исчезла.

— Тишка! — крикнул Василий сдавленным от страшного гнева голосом. Постельничий, находившийся в соседней горнице, не замедлил появиться перед князем.

— Где грамота, что тут лежала?

— Не ведаю, пресветлый князь, — запинаясь ответил Тишка, побледневший при одном взгляде на пылающее бешенством лицо Василия. — Еще покойный родитель твой запретил мне к этому ларю касаться. Я никогда и близко до него не подходил.

— Позвать дворецкого!

Через минуту, в сопровождении Тишки, в опочивальню вошел взволнованный Федор Иванович, которому постельничий по дороге успел сообщить в чем дело.

— Куда девалась грамота из этого ларца? — грозно спросил Василий.

— Не ведаю, батюшка князь, — ответил старик. — Я к ней николи не осмелился бы и притронуться.

— Все вы святые! — крикнул Василий. — А грамота сама, что ли улетела?! Опричь меня, только вы двое сюда вхожи, ваш стало быть и ответ! Коли сей же миг не сыщется пропажа, обоим велю головы снять!

— В животах наших ты волен, княже, — с достоинством ответил Федор Иванович. — С детских лет и я, и Тихон служим твоему роду честно и не чаяли мы дожить до того, что ты худое на нас помыслишь.

— Прости меня, старик, — несколько успокоившись сказал Василий, — ни на тебя, ни на Тишку я и в мыслях не имел. Лишь о недогляде вашем речь моя была. И грамоту эту надобно сыскать чего бы то ни стоило. Как мыслишь ты, кто мог совершить такое подлое дело?

— Ума не приложу, княже. Ведь не то что в опочивальню твою, а и в смежные горницы, окромя тебя да Никиты Гаврилыча, почитай, никто не заходит.

— Ну, о Никите Гаврилыче тут и разговору быть не может! Припомните оба, не захаживал ли сюда еще кто?

— А ты, княже, когда в последний раз тую грамоту в руки брал?

— Невдолге после кончины батюшкиной, — немного подумав ответил Василий, — так, должно, в половине ноября.

— Стало быть, тому уже месяцев восемь, как её унести могли. А может ты запамятовал? Не доставал ты её, часом, в тот день когда звенигородский князь тебе крест целовал?

В мозгу Василия молнией мелькнуло подозрение на князя Андрея: ведь это он пожелал целовать крест не в крестовой палате, а перед ликом Архангела, в опочивальне! Но вспомнив все обстоятельства дела, Василий

тотчас отбросил эту мысль. В опочивальне было тогда много народа, — все вместе вошли и все вместе вышли, — Андрей Мстиславич один тут не оставался и в тот же час уехал. Да и зачем ему эта грамота, коли он по своей доброй воле крест поцеловал и его, Василия, право признал полностью и при многих свидетелях? Нет, это не он сделал!

— Я в тот день грамоты не вынимал, — ответил Василий, — и была ли она в ларце, не знаю. Может и прежде ее унесли. Припомните добро, не входил ли кто в опочивальню до того, или после?

— В светлое Христово Воскресенье отец Аверкий захаживал, святой водой кропить, — подумав сказал Федор Иванович.

— Ну, это не к делу! А не был ли еще кто?

— Воевода Алтухов, Семён Никитич, однова наведывался, тебя искать. Только в ту пору я сам был в опочивальне.

— Хотя бы и не был, на Алтухова помыслить нельзя. Значит кто-то еще сюда лазил и притом в тайности.

— Вспоминается мне, — нерешительно сказал Тишка, — кажись, невдавне до приезда князя Андрея Мстиславича, отлучился я как-то по нужде из опочивальни, а когда воротился, — в ту самую минуту оттедова боярин Шестак выходил.

— Шестак! — воскликнул Василий. — Что же ты сразу о том не сказал?

— Запамятовал я, всесветлый князь. Только вот сейчас, как стал думать, так и всплыло в памяти.

— А в руках у боярина в ту пору ты ничего не приметил?

— Ничего не было, батюшка, в том крест целовать готов!

— Ты хоть спросил его, что он в моей опочивальне делал?

— Спросил. Ответствовал, что тебя ищет.

— Покличь-ка сюда Никиту Гаврилыча!

Тишка бегом кинулся исполнять приказание и сейчас же возвратился в сопровождении Никиты, который ожидал на крыльце выхода князя.

— Никита, — сказал Василий, — сыщи немедля боярина Шестака и приведи сюда! Да ежели он станет вилять либо упираться, бери его силой!

— Будет исполнено, княже, — ответил Никита и быстро вышел из горницы.

В ожидании Шестака, Василий зашагал по опочивальне, снова наливаясь безудержным гневом. Что грамоту украл именно Шестак, у него не было теперь никаких сомнений. Шестак его ненавидел, он старался настроить против него удельных князей, он посылал к ним каких-то таинственных ночных гонцев. Зачем своровал он эту грамоту сейчас, когда Василий уже княжит, — о том надобно подумать... Не для того ли, чтобы потомков его лишить права на княжение? От такой гадины всего можно ждать! — "Ну, погоди, козлиная борода, ты у меня еще пожалеешь, что на свет народился!" — подытожил он все эти мысли, как раз в тот момент, когда в опочивальню вошел боярин Шестак, довольно невежливо подталкиваемый сзади Никитой.

Шестак, когда к нему явился княжий стремяной и почти силой повел во дворец, в первую минуту порядком струсил. Но по дороге взбодрил себя мыслями о том, что Василий княжит последний день и так или иначе — песня его спета. Что именно стало известно князю, боярин не знал, но решил отрицать всё начисто и прикинуться оскорбленной невинностью. В соответствии с этим решением, едва переступив порог опочивальни, он обиженным тоном заявил:

— С каких это пор твои слуги, князь, начали карачевских бояр хватать? Такого еще, кажись, не было на Руси!

Висилий с яростью взглянул на Шестака. Перед ним, вспыжившись, но с животным страхом в глазах, стоял маленький ничтожный человечек, не по заслугам занимающий в стране самое завидное положение, стяжавший огромные богатства и всё же с легким сердцем готовый предать своего государя, залить родную землю кровью и совершить любую подлость. И с таким еще церемониться!

— Не бывало? — со злой усмешкой переспросил он. — А еще не то будет: карачевский боярин повиснет на воротах, ежели не возвратит грамоту, лежавшую вот в этом ларце и не скажет зачем он её оттуда своровал?

— Да ты что, князь? — побледнев, но выдерживая взятый тон промолвил Шестак. — Какая грамота? Да я после смерти родителя твоего и близко тут не бывал!

— Тишка! — крикнул Василий. — Видал ты нынешней зимой как боярин из моей опочивальни выходил?

— Видал, пресветлый князь!

— Что теперь скажешь, боярин?

— Скажу, что врёт твой холоп, либо кем научен! — закричал Шестак. — Может, сам он ту грамоту украл, а на меня валит! А ты по холопскому навету бояр хватаешь и смертию им грозишь! Да за такое поношение чести моей, я к самому великому хану...

Шестак не успел кончить: шагнув вперед, Василий схватил его за бороду и затряс так, что голова боярина ходуном пошла в его крепкой руке.

— Молчи, гнида! Это у тебя-то честь?! Да я тебя, допрежь чем повесить, велю с хомутом на шее по всему Карачеву провести! Сказывай, где грамота, собачий сын!

— Богом клянусь, не брал я её, — прохрипел Шестак, от наглости которого не осталось и следа.

— Врешь, ворюга!

— Крест поцелую, что чист я в этом!

— Тебе ничто и на кресте солгать! Коли не сам украл, говори — кто это сделал? Без тебя тут всё одно не обошлось!

В помутившемся от страха мозгу Шестака мелькнула мысль — рассказать всё и тем спасти свою шкуру. Но он сейчас же сообразил, что если Василий не заподозрит главного и поедет в Козельск, — он оттуда едва ли вернется. Что бы там ни говорил князь Тит, а уж Андрей Мстиславич и Святослав о том позаботятся! И потому надобно стоять на своем и лишь постараться избежать петли сегодня.

— Смилуйся, Василей Пантелеич, — захныкал он. — За что это ты на верного слугу своего? Спасением души моей клянусь: ничего я о том не ведаю!

— Ишь, как запел, иуда! — брезгливо сказал Василий, выпуская боярскую бороду. — Куда вся спесь подевалась! Только не верю я твоим клятвам. Сейчас мне недосуг, а вот ворочусь из Козельска и мы с тобой еще потолкуем! Коли сам не развяжешь язык, я тебе его развязать сумею! Кликни двух воев, Никита, — добавил он. — В железà боярина и в подвал! Да караулить крепко, чтобы не сбег!

Через минуту в опочивальню вошли два дружинника, одним из которых был Лаврушка. Вот уж не чаял он, что выпадет ему счастье самолично вести в тюрьму грозного боярина, заклятого врага их деревни! Приблизившись к Шестаку и тронув его за плечо, он с усмешкой сказал:

— Ну, что ж, пойдем, боярин, в твои новые хоромы! — а когда они очутились в корридоре, добавил: — да пошевеливайся, рыжий черт, нам с тобою мулындаться неколи!

— Все ли в сборе? — спросил Василий у Никиты, когда увели Шестака.

— Давно тебя во дворе ожидают, князь.

— Ну, значит, немедля в путь! И так не мало времени утеряли.

— Василей Пантелеич! — воскликнул Никита. — Неужли и теперь упорствовать будешь и не велишь с нами поболе людей взять?

— А что такое случилось, чтобы я свой наказ менял?

— Как что случилось? Ужели мыслишь ты, что Шестак для себя ту грамоту украл? Ни малого сумнения нет, что у них сообща какая-то измена задумана!

На этот раз Василий почувствовал, что опасения Никиты имеют достаточно оснований. Но когда нервы

его бывали взвинчены, как сейчас, он не способен был действовать осмотрительно и менее чем когда-либо желал показаться трусом.

— Глупости все это, — резко сказал он. — А хоть бы и затевали они что, — не боюсь я их! Едем!

— С тремя десятками людей?

— Да!

— Василей Пантелеич...

— Я сказал! — крикнул Василий. — А еще станешь ныть — и этих велю тут оставить! — и не глядя на сокрушенно умолкнувшего Никиту, он быстрыми шагами вышел из горницы.

ГЛАВА 24

Того же лета 6847 (1339) убиен бысть князь Андреи Мстиславичь от своего братанича Василья Пантелеева сына, месяця иуля в 23 день».

Владимирская летопись.

Двадцать третьего июля в Козельске всё было готово ко встрече карачевского князя. Тит Мстиславич, последние дни находившийся в совсем подавленном настроении, почти ни во что не вмешивался, предоставив действовать своим сыновьям. Впрочем, цепляясь за слабую надежду на мирный исход переговоров, он настрого приказал, чтобы Василий был встречен с подобающим почетом и не мог заметить ничего похожего на расставленную ему западню.

Посоветовавшись с Андреем Мстиславичем, княжичи Святослав и Иван решили сотню пеших воинов, вооруженных копьями и мечами, поставить на княжьем дворе, как бы для торжественной встречи гостя. В момент въезда Василия, они должны были построиться двумя рядами от ворот к крыльцу, а потом, во время совещания князей, — разойтись, но оставаться тут же, ожидая дальнейших приказаний. На заднем дворе, в конюшнях и овинах, стояла сотня оседланных лошадей и частью при них, частью в смежных помещениях, находилось еще сто воинов, которым настрого было приказано до поры не высовываться наружу. Там же были размещены пятьдесят конных дружинников звенигородского князя, прибывшего накануне, в сопровождении небольшой свиты и обоих сыновей.

Никому не было известно когда именно приедет Василий Пантелеймонович, а потому к десяти часам утра, на всякий случай, все были уже на своих местах. Но проходил час за часом, одетые в доспехи воины изнывали от зноя, а карачевский князь не появлялся.

Наконец, около двух часов дня, с наблюдательной вышки сообщили, что со стороны Карачева показалась группа всадников. Вокруг княжеских хором всё пришло в движение, забегали княжичи, расставляя людей и отдавая последние распоряжения. Через несколько минут, сотня обливающихся потом воинов, сверкая на солнце начищенными шлемами и остриями копий, вытянулась через двор двумя длинными шеренгами. Едва только, по команде Святослава Титовича, стены этого живого корридора выравнялись и неподвижно застыли на месте, — в настежь открытые ворота шагом въехал небольшой отряд карачевского князя.

Впереди всех, блистая богатством наряда, ехал Василий Пантелеймонович. На нем был расшитый золотом малиновый, с перехватом, кафтан, темно-синие шаровары, узорчатые сафьяновые сапоги, со слегка загнутыми кверху носками и низкая соболья шапка. На груди сверкала драгоценная овальная панагия с эмалевым изображением архангела Михаила, а на поясе висела кривая сабля, богато изукрашенная золотом и самоцветами.

Его аргамак Садко тоже был убран нарядно: под отделанное золотом и слоновой костью седло был положен темно-зеленый, расшитый бисером, чепрак с бахромой; уздечка и оголовье сверкали золотом, а массивная шейная цепь, составленная из золотых щитков и крупных аметистов, дополняла убранство коня.

Сзади ехала небольшая свита, тоже богато одетая и наконец, на статных гнедых конях, следовал отряд дружинников, — молодец к молодцу, все в одинаковых темно-зеленых кафтанах и при саблях.

При виде этого великолепия, княжич Святослав посерел от зависти, но несколько утешился пересчитав приезжих.

— Всего тридцать пять человек, — шепнул он сто-

явшему рядом брату, — и притом без доспехов, с одними саблями. В случае чего, ни один отсюда не уйдет!

Подъехав к крыльцу, Василий спешился и обнял по очереди вышедших навстречу дядей, а потом и всех двоюродных братьев. Несмотря на внешние проявления радушия, он сразу почувствовал в приеме какую-то странную натянутость. Тит Мстиславич был необычно суетлив и явно растерян, княжичи глядели изподлобья и только лишь Андрей Мстиславич был, по обыкновению, благостно-спокоен, явно стараясь преувеличенной сердечностью прикрыть общую неловкость.

Когда после обмена приветствиями, князья вошли в хоромы, Никита, который умышленно задержался возле своих людей, мрачно оглядел двор.

— "Ежели тут сотня вооруженных до зубов воев поставлена открыто, — почитай, не менее того по разным углам попрятано", — подумал он. Подозвав боярского сына Лукина и Лаврушку, он тихо сказал им:

— Коней не расседлывать и держать у крыльца, а ежели кто станет приставать, скажете, что такова воля нашего князя, который тотчас после совещания мыслит ехать в обрат. Зорко поглядывайте по сторонам и коли кто попробует закрыть ворота, того не допущайте. Ну, а во всем прочем действуйте как у нас было говорено. Я, Гринёв и Софонов будем неотлучно при князе, а ты, Лукин, оставайся снаружи и в случае чего пришлешь ко мне Лаврушку. Ну, с Богом! — С этими словами Никита подтянул саблю и отправился догонять Василия.

Козельские и карачевские дружинники разошлись, между тем, по двору и вступили в оживленные разговоры. Лукин, как бы прогуливаясь, обошел двор, прощупал взглядом все закоулки, но ничего подозрительного не заметил. Когда он заканчивал круг, из дома вышел княжич Святослав и увидя, что гости поставили своих коней прямо у крыльца, понял, что им сделано важное упущение: лошадей следовало, конечно, отослать подальше, а это было невозможно, ибо в конюшнях и на заднем дворе карачевские коневоды сразу обнаружили

бы засаду. С минуту подумав, княжич подозвал одного из своих дружинников, вполголоса отдал ему какое-то распоряжение и возвратился в хоромы.

Дружинник послонялся немного по двору, кое с кем перемолвился словом, а потом, будто невзначай, подошел к воротам и начал было закрывать их. Но не спускавший с него глаз Лукин загородил ему дорогу.

— Почто ворота зачиняешь? — насмешливо спросил он. — Али опасаешься, что войско ваше со двора утечёт?

— А тебе что? — огрызнулся дружинник. — Велено мне, вот и зачиняю!

— Кем это велено?

— А хотя бы княжичем нашим.

— Покуда здесь находится князь наш и государь земли Карачевской, его воля тут всех выше. А от него не было приказу ворота зачинять!

Дружинник замялся в явной нерешимости. Видя это, Лукин примирительно добавил:

— Для вашей же пользы говорю. Сейчас поглядишь, как нам открытые ворота спонадобятся.

Действительно, через несколько минут во двор въехала телега с лежавшей на ней сорокаведерной бочкой.

— Эй, ребята! — крикнул Лукин. — Князь Василей Пантелеич жалует вас бочкой горелки! Скатывай её на земь и угощайся, кто в Бога верует!

Козельцы не заставили себя уговаривать и скоро ковши с крепкой водкой заходили по рукам. Когда, часа через пол, княжич Святослав, заслышав снаружи пение и крики, вышел на крыльцо, он в первый момент едва не задохнулся от гнева. Но узнавши в чем дело и заметив, что карачевские дружинники тоже вдребезги пьяны, — не только успокоился, но и обрадовался.

— "Эк ладно всё обернулось, — подумал он. — Карачевцы перепились, кажись, все до единого и теперь мы с Василием что схотим, то и сделаем. Сам пособил нам своею бочкой!"

Постояв на крыльце и с поощрительным видом полюбовавшись идущей во дворе гульбой, Святослав Титович снова ушел в хоромы.

***

Василия и его спутников, между тем, провели в трапезную, где их встретила хозяйка, княгиня Дарья Александровна, — женщина лет пятидесяти, слегка располневшая, но моложавая. Лицо её было бледно и в глазах, казалось, застыл испуг. Когда же Василий, почтительно поздоровавшись с тетушкой, поднёс ей драгоценную застежку и пару серег с крупными брильянтами, она, пролепетав несколько слов благодарности, залилась вдруг слезами и сославшись на сильное недомогание, покинула трапезную. Наступившее неловкое молчание нарушил Андрей Мстиславич:

— Сестрице со вчерашнего дня неможется, — сказал он, — только и поднялась с постели, чтобы тебя достойно принять, братанич дорогой! Да вот, видать, от жары сомлела.

— Ну, стоило ли, — пробормотал Василий, который за всем этим начал чувствовать что-то неладное, — я ведь человек свой...

— Ты уж извини её, Василей Пантелеич, — деревянным голосом сказал князь Тит. — Мы уж тогда сами, без хозяйки... Сделай милость, выпей да закуси с дороги, а о делах после потолкуем.

Слуги наполнили кубки, однако никто не пил, ожидая слова хозяина. Ему следовало поднять здравицу за Василия Пантелеймоновича, как за старшего из князей, но ввиду предстоящего разговора, Тит Мстиславич не находил в себе силы на подобное лицемерие и мрачно молчал.

— Ну, что ж, выпьем за дорогих гостей, — наконец выдавил он, — за то, чтобы все дела промеж нас решались миром и цвела бы наша родная земля.

Услышав эту здравицу, карачевцы недоуменно переглянулись, а лицо Василия сразу нахмурилось. Но он сейчас же взял себя в руки и первым осушил свой ку-

бок. Все остальные последовали его примеру. Слуги снова наполнили чарки, но беседа не налаживалась и к закускам почти никто не притрагивался.

— Что ж, давайте говорить о делах, —сказал, наконец, Василий, которому надоело это томление. — Времени у нас мало, я хочу засветло в обрат выехать.

Карачевцы ожидали, что Тит Мстиславич станет уговаривать их князя остаться на ночлег, но в нарушение всех обычаев гостеприимства, он этого не сделал, а лишь сказал ни на кого не глядя:

— Ну, коли так, можно и о делах... — и приказал слугам убрать со стола, и больше не возвращаться.

Вскоре в трапезной, кроме Василия и четверых его дворян, остались князья Мстиславичи, человек шесть их приближенных, звенигородский архимандрит Зосима и пятеро княжичей. Из последних выделялся саженным ростом и богатырским сложением двадцатилетний Федор Звенигородский. Младший брат его, Иван, совсем его юноша, тоже был высок и крепок, тогда как из троих козельских княжичей только младший, Федор, обладал вышесредним ростом и приятной внешностью.

За стол сели все старшие, остальные разместились на боковых лавках, а кто и стоя. Никита, давно понявший, что здесь назревает что-то весьма серьезное, стал, вместе с Софоновым, за спиной Василия, по бокам которого сидели боярин Тютин и воевода Гринёв, а прямо напротив, через стол, — князь Андрей Мстиславич.

— Ну, начнем, — сказал Василий, после того как все заняли свои места и архимандрит прочел краткую молитву. — Коли я правильно понял, наиболе всего тебя, Тит Мстиславич и тебя, Андрей Мстиславич, заботит судьба молодших сыновей ваших. Всем ведомо, что по обычаю, каждый удельный князь сам печётся о детях своих и устраивает их, как может, на землях своего княжества. А посему мог бы я вам сказать, что не моя это печаль и не мое дело. Однако, думаю и скажу иное: желая быть вам добрым родичем, а также блюдя волю деда моего, завещавшего нам жить меж собою дружно и без раздоров, — готов я от себя выделить младшим

княжичам вашим добрые вотчины, дабы всякий из них володел своим городом. Ивану твоему, Тит Мстиславич, полагаю дать город Серпейск с уездом, а Ивану Звенигородскому — город Кромы. Вотчичи[1]) ваши по отцам наследуют Козельск и Звенигород, стало быть из возрастных остается еще Федор Козельский. И его не забуду. Жду, что невдолге будут у меня новые земли, а коли то не сбудется, — дам ему город Лихвин. С тем каждый из сынов ваших будет не простым вотчинником, а князем, как подобает всякому отпрыску высокого рода нашего. Однако же, как разумеется то из духовной грамоты князя Мстислава Михайловича, которая для нас всех есть нерушимый закон, — все эти новые княжества остаются частями единой Карачевской земли и их князья не выходят из воли общего государя, — великого князя Карачевского. Мыслю, что такое решение всем вам будет по сердцу и закрепит промеж нас доброе согласие. А ежели имеются у вас еще какие пожелания, — готов их выслушать.

Можно было ожидать, что беспримерная щедрость Василия вызовет со стороны молодых князей и их отцов поток благодарностей. Однако, вместо них, последовало гробовое молчание. Тит Мстиславич, совершенно уничтоженный царским великодушием преданного им племянника, сидел растеряный и бледный. Но все глаза были устремлены на него, а среди приближенных Василия всё явственнее слышался ропот возмущения. Молчать дальше было невозможно и князь Тит, с таким чувством, словно бросается в бездонную пропасть, забормотал:

— На добром слове тебе спасибо, Василей Пантелеич. Нам бы, вестимо, лучшего и желать нечего... Только, видишь ты, какое тут дело... Всё, брат, по иному теперь оборачивается. Кабы раньше я о тебе правильно понимал, не бывать бы этому... Ну, а теперь уже дело сделано, хоть и сам не рад...

— Какое дело, Тит Мстиславич? — недоуменно

---

[1]) Вотчич — старший сын, наследник.

спросил Василий. — О чем говоришь ты, Христос с тобой?

— Воля хана Узбека... Сам разумеешь, Василей Пантелеич, супротив его воли не пойдешь...

— При чем здесь хан Узбек? — начиная догадываться крикнул Василий. — Что за околёсицу плетёшь ты, Тит Мстиславич? Сказывай всё толком!

— Принеси сюда ярлык, Святослав, — упавшим голосом сказал князь Тит.

Княжич Святослав быстро вышел в соседнюю горницу и сейчас же возвратившись, со злорадной улыбкой положил на стол, перед Василием, развернутый пергамент с алою ханской тамгой[1]).

Бледный, но сохраняющий полное самообладание, Василий внимательно прочел документ с начала до конца, потом встал и с презрением взглянул на сжавшегося в комок козельского князя.

— Знал я твое естество, Тит Мстиславич, — медленно, чтобы подавить бушевавшее в груди бешенство, сказал он, — но не думал всё же, что жадность да зависть доведут тебя до такого... Торг совершил ты важный: и меня, и совесть свою продал татарам, стяжав за то ханскую милость, а заодно и отцово проклятье!

— Не бывать тому! — крикнул Никита, становясь рядом с Василием. — Вся земля наша за тебя встанет, Василей Пантелеич! Мы тебя в обиду никому не дадим!

— В том сумнения не имею, — сказал Василий, — но кровью народной не хочу я приправлять кашу, которую князья заварили! В деле этом есть и иные пути. Но, допрежь всего, желаю я знать, кто здесь изменник мне, а кто друг. Что скажешь ты, Андрей Мстиславич?

— А что тут говорить? — ответил князь Андрей, обеспокоенный тем, что Василий не выходит из рамок благоразумия. — Ханская воля для нас закон. Да и по старшинству Тит Мстиславич среди нас первый, стало быть ему и княжить в Карачеве.

---

[1]) Тамга̀ — в данном случае печать.

— И это говоришь ты, по своей доброй воле крест мне целовавший?

— А ты припомни как дело-то было: я крест целовал из воли твоей не выходить, доколе ты останешься большим князем в Карачеве и своего крестоцелования я не порушил. А ныне, велением хана, большой князь наш не ты, а Тит Мстиславич!

— Теперь разумею! — воскликнул Василий. — Целуя мне крест, ты знал уже, что для меня яма вырыта! И другое мне ясно: рыл её князь Тит, а ты ему указывал! И тем временем, без сумнения, ему самому яму готовил!

— Богом тебя прошу, братанич, — окрепшим голосом сказал Тит Мстиславич, — давай любовью это дело покончим! Как на духу тебе говорю: коли мог бы я сделанное воротить, иного и не желал бы. Но уже не воротишь! Выбирай себе любой удел, — хоть Елец, хоть Козельск, а то и оба вместе. И во всем тебе полную волю дам, — не старшим, а равным тебе буду!

— Эх, Тит Мстиславич, жалко мне тебя, ибо вижу: не ведал ты, что творил и сам попал в сети иуды! Однако милости от тебя принимать не хочу, ибо моё принадлежит мне по праву и от того права я не отступлюсь! Не знаю, чем вы хана Узбека обманули, но я самолично поеду в Орду и обман тот на чистую воду выведу!

Эти слова окончательно убедили князя Андрея, что дело принимает совсем нежелательный для него оборот. Вопреки его расчётам, Василий держал себя в руках и не допускал ничего могущего навлечь на него гнев хана. Пусть даже в Орде он потерпит неудачу и Узбек оставит княжение за Титом, — всё равно это рушило весь его, Андрея Мстиславича, план: показать Узбеку духовную грамоту отца он уже не сможет, ибо это значило бы возвратить карачевский стол Василию. А без помощи этой грамоты невозможно будет свалить Тита Мстиславича... Нет, надо во что бы то ни стало вызвать Василия на какое-либо безрассудство, могущее опорочить его в глазах хана, или всё погибло! Придя к такому решению, князь Андрей вызывающе сказал:

— Это не мы обманули Узбека, а ты сбираешься

его обмануть! В том, что князь Тит есть старший в роду нашем, никакого обману нет, потому хан и дал ему ярлык. Что же, езжай теперь в Орду и скажи Узбеку, что у тебя глаза краше чем у Тита Мстиславича и потому, дескать, тебе пристало быть большим князем!

— Зачем говорить о глазах? — сказал Василий, бледнея от возмущения, но всё еще сдерживаясь. — Я ему лучше о своих правах скажу.

— Говорить о правах мало, их надобно доказать! А чем ты их доказывать станешь?

— Допрежь всего, духовной грамотой великого князя Мстислава Михайловича, которую все вы добро знаете.

— А где она у тебя, эта грамота? Покажь её нам, может и мы тогда в твои права уверуем!

Василий внезапно понял всё до конца и рассудок его помутился от бешенства. Сдавленным голосом он крикнул:

— Так вот о каком вещем сне твоем Шестак гонцов посылал! Не всякий вор додумается татьбу[1]) совершить во время крестоцелования! И Бог еще тебя, святотатца, терпит?! Но ты вот что запомни: пособник твой уже сидит у меня закованный в подвале и завтра же, как ворочусь в Карачев, велю его повесить! А после придет и твой черед!

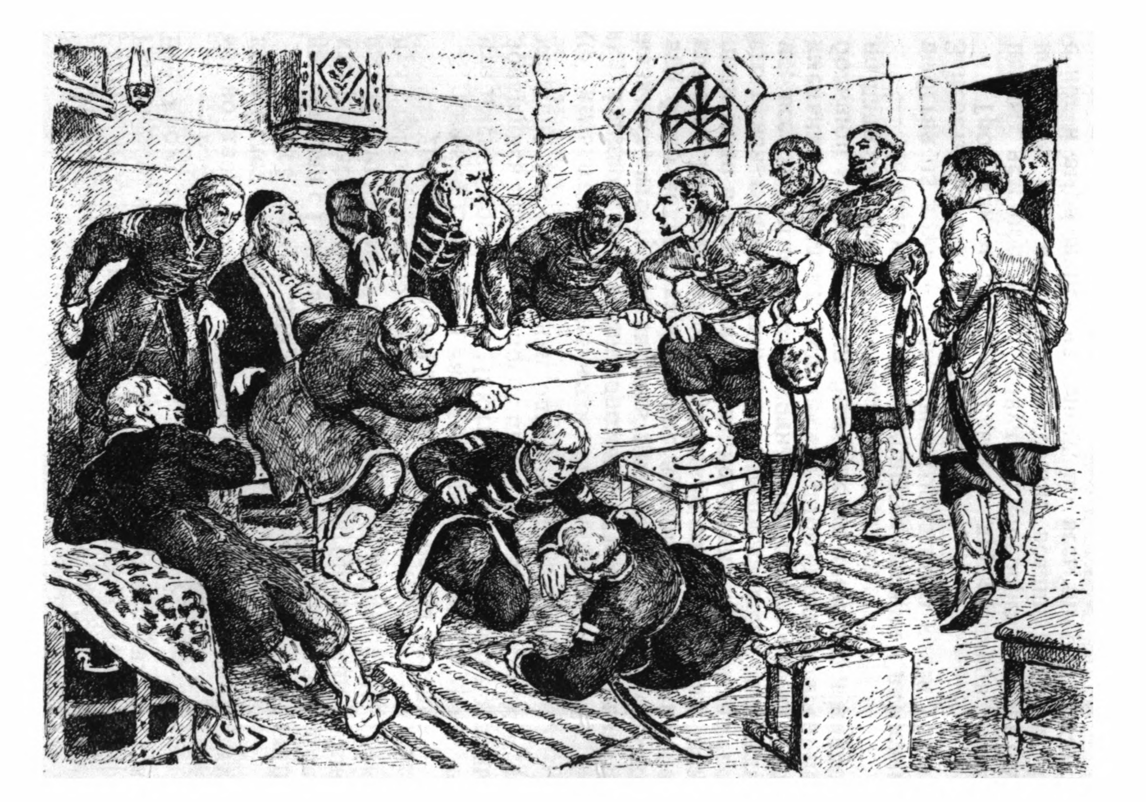
— Ты сперва воротись в Карачев, а потом уже нас вешай! Забыл, видно, что не мы в твоих руках, а ты в наших! Вязать его, — вскакивая крикнул Андрей Мстиславич. — Зови сюда людей, Святослав!

Святослав Титович кинулся к двери, но воевода Гринев успел поймать его за руку и рванул так, что тщедушный княжич отлетел к противоположной стене. Одновременно Федор Звенигородский бросился сбоку на Василия. Но Никита, бывший всё время начеку, страшным ударом кулака в лицо, опрокинул великана навзничь.

— Вижу, что мы в западне, — крикнул Василий, —

---

1) Татьба — воровство.

и может, живыми отсель не выйдем! Но суд над тобою, гадина, я совершить успею!

Мгновенно он выхватил саблю и князь Андрей Мстиславич рухнул на пол, с головой рассеченной надвое. На секунду все остолбенели, потрясенные случившимся. Все, кроме Никиты.

— К лошадям! — крикнул он. — Выбегай с другими во двор, Василей Пантелеич, а я этих попридержу, коли будет надобно.

— Без тебя со двора не выеду! — бросил Василий, выскакивая с Гриневым и Софоновым из трапезной. Кое-кто ринулся было им вдогонку, но загородивший собою выход Никита выхватил саблю, а Тит Мстиславич крикнул страшным голосом:

— Довольно крови! Всем оставаться на месте!

Княжич Святослав начал горячо возражать отцу, но что именно говорил он, Никита не слышал, ибо воспользовавшись заминкой, поспешил вслед за Василием и на крыльцо выбежал почти одновременно с ним.

На дворе дым стоял коромыслом и на первый взгляд казалось, что тут не сыскать трезвого человека. Однако это было не так: карачевские дружинники, как им наказывал Никита, усердно угощали козельцев, но сами пили мало и лишь прикидывались пьяными. Увидев своего князя, с обнаженной саблей выбежавшего на крыльцо, все они мгновенно вскочили на ноги и прежде чем хмельные козельцы успели что-либо понять, весь небольшой отряд Василия был уже на лошадях и мчался по направлению к воротам.

— Не выпускать их! — крикнул княжич Святослав, выбегая из дома. — Они звенигородского князя убили! Запереть ворота и схватить всех!

Трое или четверо козельских дружинников, менее пьяных чем остальные, кинулись наперерез, к воротам, но было уже поздно: налетевшие всадники сбили их с ног и вырвавшись на улицу, во весь опор понеслись через посад к карачевскому шляху.

— Конную сотню в погоню! Чтобы ни один живым

не ушел! — услышал сзади Никита, последним проскакивая в ворота.

Без помехи миновав окраину Козельска, отряд понесся по левому берегу Жиздры. Проскакав с версту, Василий обернулся и сразу увидел погоню: человек полтораста всадников, которые несомненно воспользовались более короткой дорогой, внезапно появились не сзади, а сбоку, из за бугра, с явным намереньем прижать беглецов к реке.

Дорога до ближайшего брода, который находился отсюда верстах в двух, шла по открытой местности и только по ту сторону Жиздры начинался густой лес, изрезанный глубокими оврагами. Там уйти от преследованья было уже не столь трудно и теперь всё зависело от того, кто раньше успеет доскакать до переправы.

Отдохнувшие кони летели как ветер, но вскоре Василию стало очевидно, что козельцы успеют перерезать им путь и что придется принять неравный бой в самых невыгодных условиях, имея за спиной обрывистый берег реки, исключающий возможность отступления. Он уже начал выбирать глазами наиболее подходящее для сражения место, как вдруг заметил, что через брод, до которого теперь оставалось не более полуверсты, движется большой отряд всадников. Их было не менее пяти сотен, ибо хвост колонны еще терялся в лесу, по ту сторону Жиздры, а голова уже выстраивалась в боевой порядок, в каких-нибудь трехстах шагах. От нее отделился всадник в блестящих доспехах и поскакал навстречу карачевскому отряду.

— И тут засада! — крикнул Василий, круто осаживая коня. — Ну, что ж! Живыми не дадимся!

— Воля твоя, князь, а я с таким противником драться не стану, — усмехаясь сказал Никита.

— Не станешь? — воскликнул Василий, не веря своим ушам. — От тебя ли я это слышу?

— Вестимо, от меня! А ты погляди хорошенько впредь, так, может и сам биться не схочешь!

Василий глянул на приближающегося всадника в

доспехах и к несказанному удивлению своему узнал в нем воеводу Алтухова.

— Так это наши! — радостно воскликнул он. — Каким чудом ты здесь, Семен Никитич, да еще с войском?

— Чуя недоброе, сговорились мы с Никитой Гаврилычем, что выступлю я следом за вами с шестью сотнями воев и обожду в этом лесу, что дальше-то будет. И вижу, не зря мы это удумали!

— Спаси Христос вас обоих! Кабы не это, никто из нас сегодня живым бы не был. Уже окружали нас козельские воры!

— Видал я, потому и вышел из лесу вам настречу. Теперь у них сразу весь пыл пропал, — усмехнулся Алтухов, показывая рукой на козельскую сотню, которая карьером уходила в сторону города. — Что же стряслось в Козельске-то с вами?

Василий в коротких словах посвятил воеводу во всё происшедшее. Алтухов был потрясен его рассказом.

— Господи, что же будет-то теперь? — промолвил он. — А к ярлыку ихнему ты хорошо ли присмотрелся? Может это обман был, чтобы ты им добром Карачев оставил, а сам на удел пошел?

— Нет, ярлык, будто, правильный. Ханская тамга на месте и видать, писано в Орде.

— Коли есть какое сумнение, можно поглядеть, — сказал стоявший сбоку Софонов, запуская руку за пазуху. — Вот он, ярлык-то! Я, как выбегали из трапезной, прихватил его, для всякого случая, со стола!

ГЛАВА 25.

Невесёлым было возвращение Василия. Едва приехав в Карачев, он затворился в своих покоях, настрого приказав слугам никого не впускать. События, которые на него обрушились, были столь неожиданны и грозны, что следовало их всесторонне обдумать и принять необходимые решения. Василий хорошо понимал, что от правильности этих решений будет зависеть не только его личная жизнь, но и судьба всего княжества, находящегося теперь на пороге братоубийственной войны, а может быть и нового татарского нашествия.

При мысли о том, что всё это случилось злою волею одного лишь человека, — ибо остальные были только его пособниками, — Василий вскакивал и начинал метаться по горнице. Он ни минуты не жалел о том, что убил звенигородского князя, опутавшего всех паутиной лжи и подлости, хладнокровно готовившегося предать своих родичей и принести в жертву своему честолюбию тысячи чужих жизней. Однако, будучи убежденным, что Андрей Мстиславич вполне заслужил свою участь, Василий в то же время сознавал, что смерть его весьма осложнила общее положение.

Для него теперь не оставалось никакой надежды восстановить свои права мирным путем. Что же делать? Отстаивать их силою оружия? — Конечно, народ его поддержит и если бы дело касалось только карачевских удельных князей, — привести их к повиновению было бы нетрудно. Но ведь теперь на него ополчатся две грозные силы, против которых он будет беспомощен: гнев

золотоордынского хана и месть могущественной литовской родни князя Андрея. Если он, Василий, не уйдет из Карачева, — хан Узбек, по первому требованью Тита Мстиславича, пришлет сюда татарское войско, которое разорит дотла этот мирный край, а половину уцелевшего населения угонит в рабство. Если же Тит к татарам почему-либо не обратится, нагрянут литовцы, уже стоящие на с амых рубежах Черниговской земли и ожидающие лишь случая захватить её, как совсем недавно захватили они земли Минскую, Полоцкую, Витебскую и иные, искони русские области. Ему, рядовому князю, воевать с такими противниками, как хан Узбек или великий князь Гедимин, — значило бы зря губить свой народ.

Да и личное его положение было, по существу, безнадежно: узнав о происшедшем в Козельске, хан тотчас вызовет его в Орду и велит казнить, как казнил уже за неповиновение многих русских князей. Ведь он не поверит тому, что Василий сам собирался ехать в Сарай и был вынужден применить оружие лишь в порядке самозищиты. Нет, Узбек будет основываться на фактах, а эти факты хану представят в таком виде: когда ему, Василию, объявили ханскую волю, он ей подчиниться не захотел, в ярости убил звенигородского князя, а у Тита Мстиславича отобрал ярлык на княжение! И половины этого было бы достаточно для того, чтобы Узбек предал его лютой смерти.

Не поехать, по вызову хана, в Орду и скрыться где-либо в другом княжестве? — Невозможно: ни один князь не станет рисковать головой, укрывая ослушника ханской воли. Да и трудно спрятаться на Руси столь заметной величине, как большой князь земли Карачевской... Отыскать и доставить его в Орду Узбек, несомненно поручит своему любимцу, великому князю Ивану Даниловичу, а уж этот постарается не за страх, а за совесть, во-первых, угождая хану, а в-вторых чтобы, пользуясь случаем, наложить руку и на Карачевское княжество.

Значит, оставаться на Руси равносильно неминуемой смерти. Избежать её можно лишь укрывшись в таком месте, до которого ханская рука не дотянется и где

дали ли бы ему прибежище до благоприятного поворота в его судьбе. Но где найти подобное место? Литва и Польша исключаются, ибо там он попадет в руки Гедимина, который или сам с ним расправится, или выдаст его хану Узбеку. Не подходят и западные страны, путь в которые лежит через Литву. О странах восточных и говорить нечего: чтобы добраться до любой из них, нужно пересечь всю Золотую Орду, где без ханской пайцзы сразу будешь схвачен и отправлен в Сарай.

Выходит, что укрыться от Узбека негде, а сопротивляться ему ничтожным силами Карачевского княжества — бессмысленно. Значит, остается одно: не дожидаясь вызова, поехать в Орду самому и отдаться на милость хана. Свою жизнь он этим едва ли спасёт, но Карачевская земля избежит разорения, усобицы или захвата её московским князем.

После бессонной ночи и целого дня мучительных раздумий, Василий остановился на этом решении и велел позвать к себе Никиту и воеводу Алтухова. Оба не замедлили явиться на зов.

— Ну, вот, — сказал Василий, после обмена приветствиями, — поразмыслил я крепко обо всем и вижу, что нет у меня иного пути, кроме как в Сарай, к хану Узбеку. Лучше добром и по своей воле туда явиться, нежели быть привезеным в железàх.

— Да ведь это всё одно, что самому себя жизни лишить! — воскликнул Никита.

— На всё воля Божья, — ответил Василий.

— Волею Божьей дерево растет, — сказал Алтухов, — а человеку от Бога положено жить своим разумом. И я мыслю тако же, как Никита Гаврилыч: ехать тебе в Орду — это верная гибель. Аль не помнишь ты, как Узбек расправился с братом твоим двоеродным, с князем Александром Новосильским? Всем ведомо, — вина на нем была не столь уж великая и сам он явился к хану с повинной. И не глядя на то, Узбек повелел привязать его к четырем коням и разорвать на части. А твое дело много хуже и никакое покаяние тебя от лютой казни не спасёт.

— Пусть меня не спасёт, зато землю нашу убере-

жет от разорения. А мне, как я ни прикидывал, — конец один!

— Ну, это как знать! — сказал Никита. — За тебя весь народ наш подымется как один человек.

— Напрасной гибели народу своему не хочу. Ну, что мы одни супротив всей Орды сделаем?

— Вестимо, воевать с ханом не гоже, — заметил Алтухов, — однако и без войны можно так обернуться, что и землю нашу не разорят, да и ты, Василей Пантелеич, цел останешься.

— Коли я отсюда добром выеду и сядет в Карачеве Тит Мстиславич, землю нашу никто зорить не станет. Только лучше уж мне прямо в Орду ехать, поелику все иные пути мне заказаны.

— Почто заказаны? — спросил Никита.

Василий пояснил, почему нельзя ему ехать ни на восток, ни на запад, ни, тем паче, оставаться где-либо на Руси.

— Думал я и о том, — сказал Алтухов, — только, сдается мне, не все страны ты перебрал. Есть одна, где можешь ты найти надежное убежище и путь туда будет безопасен.

— Где же отыскал ты такую страну? — с сомнением в голосе спросил Василий.

— За Каменным Поясом[1]), — пояснил воевода. — Я о Белой Орде говорю.

— Та же татарва, — сказал Никита. — Оттуда Василея Пантелеича прямо к Узбеку и свезут.

— Не свезут, а примут как дорогого гостя, когда узнают, что он туда приехал по вражде с Узбеком. Видать, не знаешь ты, что у них ныне творится.

— Не знаю, — честно признался Никита. — Думал я, что Белая Орда — это как бы золотоордынский удел, и что тамошний хан лишь подручный Узбека.

— Так прежде и было. Только мало помалу белоордынские ханы стали набирать всё больше воли, а нынешний хан, Мубарек, и вовсе отказался почитать Узбека старшим. Узбек послал войско и захватив распло-

---

1) **Каменным Поясом в старину назывался Уральский хребет.**

хом его стольный город Сыгнак, посадил там сына своего Тинибека. А Мубарек перенёс ставку далеко на полночь, кажись, к реке Джаику[1]) и собирает там силы против Узбека. У белых ордынцев с золотыми вражда насмерть и они Василея Пантелеича николи не выдадут. Он там безопаснее чем где-либо будет. И почти весь путь туда лежит по русским землям.

— Всё это истина, — раздумчиво промолвил Василий. — Только больно уж это далекий край... Ставку свою хан Мубарек ныне держит в городе Чамга-Туре[2]), у самого Тобола. Это отсюда, почитай, верст с три тысячи будет.

— Ну и что? За два — два с половиной месяца не слишком и спеша доедешь. Как раз до начала холодов успеешь.

— Да я не к тому, что ехать долго. Край уж больно неведомый, люди чужие... От отчизны своей там буду начисто отрезан. Отсюда даже и важная весть, туда, может, за целый год не дойдет!

— Не думай так, Василей Пантелеич! Белоордынские ханы в оба глаза следят за Золотою Ордой и за Русью, дабы своего случая не упустить. С Хорезом, Персией и Китаем идёт у них большая караванная торговля. Там всегда знают, что на свете делается. Ну, а в случае чего особо важного, гонцов к тебе будем посылать.

— К тому же, не век тебе там оставаться, — добавил Никита. — Узбеку уже под шестьдесят, небось, долго не проживёт. А к новому хану первым явишься и обратно Карачев твоим будет.

— Ну, что ж, — сказал Василий после небольшого раздумия, — иного выхода, видать, нету. Коли надобно выбирать промеж Белой Ордой и лютой смертью, — думать долго не приходится. Собирай меня в путь, Никита, послезавтра поутру выеду.

---

1) Джаик — река Урал, Яик.

2) Чамга-Тура, — искаженное татарское название Чингиз-Тура», — это нынешний город Тюмень.

— Никак без меня хочешь ехать? — с упреком в голосе промолвил Никита.

— Почто стану отрывать тебя от родной земли и увозить нивесть куда, отколе, может, и возврату нам не будет?

— Эх, Василей Пантелеич, как мог ты помыслить, что я тебя в беде покину? Куда ты, туда и я... Опричь тебя, у меня всё одно никого на свете нет.

— Ну, коли так, спаси тебя Христос, друг, — сказал Василий, обнимая Никиту. — С тобою вдвоем не так страшна и чужбина.

— Кабы не семья и я бы с тобою поехал, — промолвил Алтухов. — Но людей-то лучше с собою брать поменьше и о том, куда едешь ты, кроме нас троих, никто знать не должен. Какой путь мыслишь ты избрать?

— Надобно ехать так, чтобы миновать большие города и вместе с тем, чтобы было покороче. Стало быть, отсюда сперва на Пронск, потом на Муром, а там на Волгу и Вятскую землю. Так всё лесами и поедем.

— Добро. Здесь станем говорить, что ты поехал в Пронск, сестрицу проведать, а оттуда, мол, мыслишь повернуть на Орду, чтобы спробовать обелиться перед царем Узбеком. Эдак до Пронска тебе можно ехать открыто, ни от кого не таясь, ну а дальше уже надобно будет вести путь в тайности, и в случае каких встречь называться чужим именем.

При дальнейшем обсуждении, было решено, что до Пронска Василий возьмет с собой Лаврушку и еще двухтрех дружинников, а дальше будет продолжать путь вдвоем с Никитой.

Сборы в дорогу были недолги. Ввиду дальности и трудности пути, ехать следовало налегке, не обременяя себя лишним грузом и вьючными лошадьми. Золото и драгоценности, которые брал с собой Василий, обеспечивали возможность, по приезде на место, приобрести всё, что потребуется, так что с собой решили взять лишь оружие и самое необходимое из одежды.

К обеду следующего дня, все приготовления были закончены. О делах управления разговоров почти не

было, так как предполагалось, что вскоре в Карачев явится князь Тит. Василий лишь наказал своим приближенным, чтобы никакого противления Титу Мстиславичу не делали, и все бы ему пока повиновались как законному государю. Свое личное имущество, а также часть обстановки дворца, наиболее дорогую по воспоминаниям, он велел упаковать и отправить обозом в Пронск, Елене.

Хотя об этом и не говорилось открыто, но все понимали, что Василий покидает свое княжество надолго, может быть навсегда, а потому большинство старых слуг и многие дружинники выразили желание перейти пока на службу к Елене Пантелеймоновне и к ее мужу. Подумав немного, князь согласился на это и разрешил им следовать в Пронск, с обозом.

Покончив с делами, Василий взял с собою Никиту и отправился к Аннушке. Последнее время они не часто виделись: поняв, что ему надо порвать с прошлым и жениться на Ольге Муромской, Василий, хоть и оттягивал свое сватовство, — всё же старался бывать в Кашаевке пореже, чтобы и себе, и Аннушке дать время постепенно отвыкнуть друг от друга. В отношении себя он в этом, пожалуй, преуспел. Находясь всегда на людях, будучи увлечен делами управления, он и в самом деле стал мало думать об Аннушке, утратил к ней остроту чувства, хотя и вспоминал её с теплотой и нежностью. Она же, любя Василия больше чем когда-либо, но понимая неизбежность разлуки, старалась не быть для любимого обузой и не выдавать ему своего горя.

Вкратце рассказав пораженной ужасом Аннушке о событиях последних дней, Василий сообщил ей, что наутро покидает Карачев и пришел проститься, быть может навсегда.

— Васенька, ужели ж покинешь ты свое княжение? Ужели всех нас покинешь? — с трудом веря страшной действительности, промолвила, наконец, Аннушка. — Куда же поедешь ты отсель?

— Далеко еду, Аннушка, в чужие края... Какое уж тут княжение! Сейчас жизнь свою надобно спасать

от проклятого хана, а дальше — что Бог даст. Может и вернусь сюда, коли Узбек раньше меня помрет.

— И ты один поедешь?

— С Никитой. Не хочет он меня оставить.

— Кто ж хочет оставить тебя, солнышко наше? Коль дозволил бы ты, почитай, весь народ наш, до последнего человека, за тобой бы пошел!

— Ежели бы в том была польза народу, я бы его тоже никогда не оставил. Только и уезжаю потому, что надобно от земли нашей беду отвести и людей от татарской расправы избавить.

— Васенька, — помолчав сказала Аннушка, — а как же теперь с этим-то будет... ну, с женитьбой твоей на княжне Ольге Юрьевне?

— Где там помышлять о женитьбе! Как могу я связать себя семьей, коли сам не ведаю, что завтра со мною будет? Да и кто ныне пойдет за меня, за изгоя бездомного, у которого смерть за плечами стоит?

— Князь мой светлый! — воскликнула Аннушка, опускаясь на колени и охватывая Василия руками. — Знаю, не ровня я тебе и женою твоей стать не мыслю. Но всею моей любовью великой тебя заклинаю: дозволь с тобою ехать, хоть служанкой твоей, хоть последней рабой! Все невзгоды пути, всю горечь разлуки с родною землей, самую смерть с тобою разделю с радостью и умирая буду Господа славить за посланное мне счастье! Васенька! Васенька! — и Аннушка разразилась бурными рыданиями.

— Что ты, Христос с тобой, ласточка! — растроганно промолвил Василий, поднимая её и нежно целуя залитые слезами глаза. — Думаешь мне легко с тобою расставаться? Но сама ты помысли, — как могу взять тебя с собою, коли не ведаю, куда ведет меня злая судьба? Ждут меня долгие скитания по глухим лесам, многие опасности, быть может погоня. Один я от нее уйду и опасность одолею, ну, а с тобою мы оба погибнем. Не плачь, зоренька, Бог милостив: авось еще встретимся!

— Нет, родной, нет, любимый мой, — сквозь слезы прошептала Аннушка, вся приникнув к нему, — чу-

ет мое сердце: не увижу больше тебя... Разлучит нас судьба навеки.

Два часа спустя, Василий в последний раз обнял Аннушку и с трудом оторвав ее от себя, почти выбежал на крыльцо. Внизу уже ожидал Никита, держа в поводу княжьего коня. Пока они не скрылись за воротами, Аннушка крестила их вслед торопливыми движениями руки, потом пошатнулась и без чувств упала на пол.

**
*

Вечером того же дня Василий созвал на прощальный ужин своих приближенных и служилых дворян. В большой трапезной карачевского дворца их собралось более ста человек. Все знали уже о событиях, случившихся в Козельске и о том, что князь их покидает, быть может навсегда, а потому в начале трапезы за столами царило общее уныние. Однако, по мере того, как слуги приносили из стряпной всё новые блюда, а из княжеских погребов потекли в трапезную самые старые и дорогие вина, — настроение у всех стало подниматься и сразу приняло воинственный характер.

Гости умоляли Василия не покидать княжения и силою оружия отстаивать свои права. Хватаясь за сабли, они клялись положить головы за своего князя и воевать за него с кем угодно. Кто-то предложил не мешкая поднять дружину и скакать в Козельск, чтобы "научить уму-разуму старого вора Тита Мстиславича и его щенков". Почти все присутствующие с восторгом откликнулись на это предложение и Василию стоило немалого труда унять разбушевавшиеся страсти.

Убедив негодующих людей в том, что всякое насилие теперь пойдет ему, князю, только на вред, он честью их обязал не выступать против князя Тита и не нарушать мира в Карачевской земле.

В конце трапезы Василий оделил всех приглашенных богатыми подарками, дал воеводам денег для раздачи младшим дружинникам, не забыл и дворцовую челядь, а затем простился со своими дворянами, трижды целуясь с каждым.

ГЛАВА 26

Ранним утром двадцать седьмого июля 1339 года, князь Василий Пантелеймонович, в сопровождении Никиты, вышел на крыльцо карачевского дворца. Оба были в дорожном облачении и при саблях. Идущий сзади отрок нёс их луки и колчаны со стрелами.

Двор был полон воев и челяди, собравшейся чтобы проводить своего господина, а прямо напротив крыльца стояла конная сотня в походном снаряжении и со вьюками. Она должна была сопровождать Василия до Пронска, ибо накануне вечером, по общему настоянию старшин, князь согласился взять с собою часть дружинников, которые выразили желание перейти на службу к пронским князьям. Эта мера предосторожности была не лишней, так как о предстоящей поездке Василия знали все, и если слухи о ней дошли до Козельска, — по дороге можно было ожидать засады и нападения.

Поздоровавшись со стоящими на крыльце воеводами и боярскими детьми, — получившими дозволение проводить его до первого ночлега, — Василий сказал несколько приветливых слов столпившимся во дворе людям, которые в ответ разразились громкими криками. В них перемешались горькое сожаление, и добрые напутствия, и надежды на скорое возвращение князя, но громче всего звучали угрозы по адресу его врагов.

Василий, бледный и взволнованный, медленно обвел глазами толпу и обширный двор, мысленно прощаясь со всем, что его окружало с детства и стараясь навсегда запечатлеть в памяти каждое лицо, каждый предмет. Потом молча поклонился народу в землю, быстро сошел с крыльца и вскочил на поданого ему коня. Вся свита последовала его примеру.

— Ничего не забыл ты, княже? — спросил воевода Алтухов. — Коли так, будем выезжать?

— Обожди, — сказал Василий, — осталось одно дело, которое я доселева откладывал, дабы свершить его в этот час и при всем народе. Привести сюда боярина Шестака!

Никита сделал знак Лаврушке и последний, соскочив с коня и придерживая рукой саблю, бегом скрылся за углом дворца. Через несколько минут Шестак, который просидел все эти дни в подвале и ничего не знал о случившемся, был выведен во двор и поставлен перед Василием. Глаза его с опасливым недоумением оглядывали сидящего на коне князя, готовый к выезду отряд и толпившуюся вокруг взволнованную челядь. По всему было видно, что произошло нечто чрезвычайное, но что именно? Как угадать это и как держать себя с Василием?

Впрочем, Шестаку не пришлось долго ломать над этим голову.

— Ну, вот, боярин, радуйся: твоя взяла, — с еле уловимой насмешкой в голосе промолвил Василий. — Как видишь, покидаю свою вотчину, а на карачевский стол, твоим и князя Андрея радением, сядет ныне новый государь, Тит Мстиславич. Чай теперь ты доволен?

Бурная радость родилась в груди Шестака и почти не таясь выглянула из его маленьких, припухших глаз.

— "Стало быть испугался хана и обмяк наш умник, — подумал он. — Великое княжение добром отдаёт Титу, а сам, небось, выезжает на удел!"

Боярин был настолько уверен в привильности своей догадки, что вмиг приосанился и лицо его снова приняло обычное, важно-самодовольное выражение.

— Вот так-то оно лучше, Василей Пантелеич, — наставительным тоном сказал он. — Хвалю за то, что признал ты старшинство князя Тита Мстиславича и добром уступил ему набольший стол. Уж он княжить сумеет по старине и бояр своих сажать в подвал не станет! Одначе, ежели всё обошлось миром и по-хорошему, — об этом тоже поминать больше не будем!.

— Ну, спасибо на добром слове, боярин! А я, признаться, дуже твоего гнева срашился. Только уж ты меня до конца уважь, поведай, не видал ли еще каких-либо вещих снов дружок твой, Андрей Мстиславич?

— А о том ты лучше у него самого спроси.

— Да вот, жаль не догадался этого прежде сделать, а теперь уже поздно: намедни ссёк я ему в Козельске голову.

— Господа побойся, княже! Нешто таким шутят? — побледнев и начиная дрожать пробормотал Шестак, сообразивший, наконец, что дело прошло вовсе не так гладко, как ему представилось.

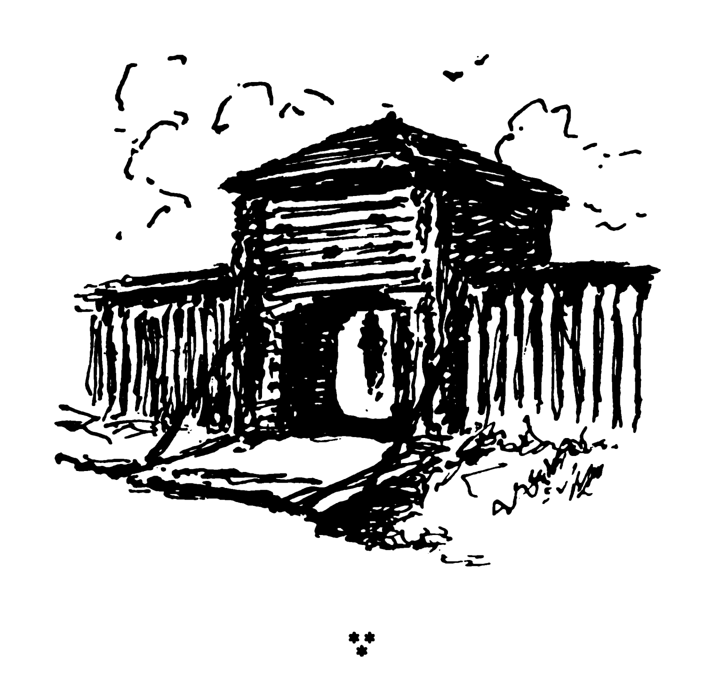
— Мне шутить недосуг, боярин: как видишь, тороплюсь в дальний путь. Тебя же, поелику ты столь много для этого потрудился, оставляю здесь встречать нового князя. Заодно передашь ему самолично ханский ярлык, который мы, по случайности, завезли из Козельска. А чтобы ты Тита Мстиславича, — как по заслугам твоим подобает, — первым увидел, мы тебя пристроим повыше... Повесить его на воротах, — громко сказал он, обращаясь к окружающим, — да не снимать до прибытия князя Тита.

Несколько дюжих дружинников разом подхватили отчаянно кричавшего и вырывавшегося Шестака и поволокли его к воротам. Не прошло и пяти минут, как тело его, подтянутое под самую стреху проездной башни, судорожно подернувшись, повисло над въездом в карачевский кремль.

Василий, уже выехавший из ворот, придержал коня и оглянулся на покачивающийся в воздухе труп боярина, к груди которого был приколот развернутый пергамент с алою тамгой великого хана Узбека.

— Ну, вот, Тит Мстиславич, — промолвил он, — для твоего иудина княжения вывеску я оставляю самую подходящую... А грядущее известно одному Господу.

С этими словами он повернул коня и став в голове своего небольшого отряда, не оборачиваясь больше, начал спускаться с кремлевского холма.

**
*

В прохладной и пахнущей сухими травами келье Покровского монастыря, вздыхая и скорбя о безвременной гибели боголюбивого князя Андрея Мстиславича, — еще недавно отписавшего монастырю пятьсот четей пахоты, — монах-летописец в эти дни записал:

"В лето 6847 убьен бысть князь Звенигородский Андреи Мъстиславичь, от своего братанича, от Пантелеева сына, от окааннаго Василиа, месяца июля в 23, на память святого мученика Трофима[1]).

Перечитав написанное, и подумав немного, монах

---

1) Текст Троицкой летописи.

тщательно выскоблил слово "Звенигородский" и вписал вместо него "Козельский".

— "Так хотел Господь, — подумал инок, присыпав написанное сухим песком и свертывая рукопись. — Не довелось благодетелю нашему в Козельске покняжить, однако царевой волей был он уже козельским князем" .

Конец второй части.

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ДИНАСТИЯ

и основатели других династий рода Чингиза.

ЧИНГИЗ-ХАН (1155-1227)
Жена: Бартэ-Гюльджин.

Жена: Хулан-ханум.

ДЖУЧИ (1185-1226).

ЧАГАТАЙ (1186-1242).
От него династия Мавераннахра.

УГЕДЭЙ (1190-1241).
Туракина (+1245).
2-ой император.

ТУЛАЙ (1192-1232)
Соргахтан-Беки.
1-ый император.

КУЛЬКАН (1218-1237).
Убит при завоевании Руси.

ГУЮК-ХАН (КУИНЭ) (+1248).
Огюль-Гаймиш (+1251).
3-ий император.

МУНКЭ (+1260).
Кутуктай-ханум.
4-ый император.

ХУБИЛАЙ (+1295).
5-ый император.
От него китайская Династия ЮАНЬ.

АРИГ-БУГА.
От него Великие ханы Монголии.

ХУЛАГУ (+1265).
Дугуз-ханум.
От него династия Хулагидов. (Багдад).

Жена: Ори-Фуджин.

Жена: Чор-Беки-ханум.

ИЧАН-ОРДА (+1252).
От него Белоордынская династия.

БАТУ (Батый) (+1256).
Баракчина-ханум.
1-ый Вел хан Золотой орды

БЕРКЕ (+1266).
4-ый Вел хан Золотой орды

ШЕЙБАНИ.
От него Сибирские ханы.

БЕРКЕГЕР.
ТАНКУТ.
БОГАЛ

САРТАК (+1257).
2-ой Вел. хан Золотой орды.

ТУТУКАН.

НОГАЙ
Основатель Ногайской орды.

УЛАГЧИ (+1258).
3-ий Вел. хан Золотой орды.
(Регенство Баракчины).

МЕНГУ-ТЕМУР (+1280).
5-ый Вел. хан Золотой орды.

ТУДАМЕНГУ (+1287).
6-ой Вел. хан Золотой орды.

ТУЛАЙ-БУГА (+1290).
7-ой Вел. хан Золотой орды.

ТОКТА-ХАН (+1312).
8-ой Вел. хан Золотой орды.

ТОГРУЛ-ХОДЖА.

БУРЛЮК
САРАЙ-БУГА
ТУДАН-ХОДЖА
АЛГУЙ
МАЛИ-ХАН
КАДАН
КУТУГАН

ЯБАРЫШ. ИЛЬБАСМЫШ. ТУКЕЛЬ-БУГА.

УЗБЕК (+1342).
9-ый Вел. хан Золотой орды.
Жены:
1-Баялынь (сестра Кит. импер. Буянту
2-Дочь Визант. импер. Андроника II
3-Тайдула.

ДЕДЕНЬ-ХАН.

ЧОЛ-ХАН (+1327).

ТИНИБЕК (+1342).
Хан-наместник в Сыгнаке.

КАДЫРБЕК (+1342).

ДЖАНИБЕК (+1357).
Тайдула
10-ый Вел. хан Золотой орды.

Еще несколько сыновей в большинстве казненных Джанибеком

БЕРДИБЕК (+1359).
11-ый Вел. хан Золотой орды.

КУЛЬНА (+1360).
12-ый Вел. хан Золотой орды.

НАУРУЗ (+1360).
13-ый Вел. хан Золотой орды.

Еще 12 сыновей казненных Бердибеком.

Дочь вышедшая замуж за темника Мамая.

МИХАИЛ. ИВАН.
Казнены ханом Наурузом.
(+1360).

После него Золоордынский престол перешел к хану Кидырю в Белоордынскую династию.

Мамай правил частью Золотой орды от имени подставных ханов:
Абдаллаха (+1369).
Магомет-Султана (+1379).

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. КАРАЧ-МУРЗА, издание 1962 г.
   Исторический роман.
2. БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ, издание 1963 г.
   Исторический роман.
3. ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ, издание 1967 г.
   Исторический роман.
4. ВОЗВРАЩЕНИЕ, издание 1967 г.
   Исторический роман.
5. ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО, издание 1968 г.
   Исторические очерки.
6. АРАБЕСКИ ИСТОРИИ, издание 1971 г.
   Исторические очерки.
7. ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ, изд. 1972 г.
   Приключения группы русских в Парагвае.

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ

РОССИЯ В УРУГВАЕ — очерки жизни русских колонистов.

НА РУДНИКАХ БОЛИВИИ — бытовые очерки.

При покупке книг у автора, деньги следует посылать только чеками на любой нью-иоркский банк (но не на южноамериканские его филиалы!). Эти чеки, в заказных письмах и в плотных конвертах отправлять по адрессу:

Dr. M. KARATEEFF
Chorroarín 121, Buenos Aires, Argentina

ЦЕНА 7,5 ДОЛЛАРОВ.